

Ю. Х. Копелевич

**Иоганн Антон
ГИЛЬДЕНШТЕДТ**

Рецензенты:

кандидат технических наук Э.П. КАРТЕЕВ
кандидат географических наук Н.Г. СУХОВА

Копелевич Ю.Х.

Иоганн Антон Гильденштедт. 1745–1781. – М.: Наука, 1997. – 128 с.; ил. – (Научно-биографическая литература)
ISBN 5-02-003677-3

Естествоиспытатель и путешественник Иоганн Антон (Антон Антонович) Гильденштедт – выходец из Риги, был принят на службу в Петербургскую Академию наук и поставлен во главе одного из отрядов большой экспедиции, в которой он провел семь лет, обследовав Донские земли, Поволжье, многие районы Прикаспия, Северный Кавказ, Грузию, Украину. Большая часть этих мест впервые им изучена и описана. Помимо основного двухтомного труда (изданного после смерти Гильденштедта П.С. Паласом), при подготовке рукописи автор использовал его журнальные статьи, речи в Академии наук, а также архивные материалы – отчеты и переписку.

Для широкого круга читателей, интересующихся историей отечественной науки.

ТП-97-1-169
ISBN 5-02-003677-3

© Ю.Х. Копелевич, 1997
© Российская академия наук и издательство "Наука",
серия "Научно-биографическая литература (разработка, составление, художественное оформление), 1959 (год основания),

На обложке показан маршрут экспедиции И.А. Гильденштедта 1768–1777 гг.

Введение

Яркую и славную страницу в истории Петербургской Академии наук XVIII в. (ныне Российской академии наук) вписали экспедиции 1768–1774 гг., равных которым по обширности охваченных территорий и многообразию поставленных задач не знала не только наша Академия, но и, пожалуй, ни одна иностранная. При Петре I и его преемниках снаряжались экспедиции различного масштаба (самая большая – Вторая Камчатская 1733–1743 гг., в составе которой были астрономы, натуралисты, историки). Их организацией занимались государственные учреждения, такие как Адмиралтейская и Медицинская коллегии. Однако к началу царствования Екатерины II роль Академии наук в государственной жизни значительно возросла. Это и позволило ей возглавить серьезное мероприятие, призванное, по замыслу императрицы и ее окружения, дать новый импульс экономическому развитию и укреплению военного могущества страны, ее международного престижа.

Участником этого мероприятия был Иоганн Антон Гильденштедт (1745–1781)¹ – один из тех молодых людей, которых Академия приняла в свой состав в процессе подготовки экспедиций. Мы подчеркиваем **молодых**, поскольку из возглавлявших отряды натуралистов старшему, И.И. Лепехину, к моменту отправки экспедиции было 28 лет, П.С. Палласу – 27, а ровесникам С.Г. Гмелину и И.А. Гильденштедту – по 23 года. О троих последних принято говорить, что они были приглашены из Германии. Формально это действительно было так. Но уместно заметить, что С.Г. Гмелин был племянником одного из первых петербургских академиков И.Г. Гмелина, который провел 10 лет в Сибири и был автором четырехтомной "Флоры Сибири". Хотя И.Г. Гмелин позднее покинул Россию, но сам факт приезда сюда его племянника говорит о том, что в семье хранилась об этой стране добрая память. Что же касается Гильденштедта, то его вообще неверно считать иностранным ученым, так как он родился, вырос и учился в Риге (тогда российском городе)², в Берлин отправился, чтобы получить медицинское образование и свой приезд в Петербург сам рассматривал как возвращение на родину. Гильденштедт владел русским языком, что помогало ему во время

¹ Правильнее было бы писать *Гюльденштедт* (Güldenstädt), но, поскольку в русской литературе XVIII в. встречается одно написание – через "и", нам представляется целесообразным сохранить именно его.

² Один из некрологов, напечатанных в год смерти Гильденштедта, указывает, что он происходил из шведской семьи, осевшей в Лифляндии. См.: Kurze Lebensgeschichte des Herren von Güldenstädt // Schriften der Berlinischen Gesellschaft naturforschender Freunde. Berlin, 1781. Bd. 2. S. 402.

экспедиции общаться с людьми разного звания³. О его внешности и характере Паллас написал в предисловии к "Путешествию" Гильденштедта: "Он был в жизни красивым человеком, высокого роста, но не крепкого сложения, и смолоду страдал слабой грудью. Мягкость его характера была ясно видна в чертах его лица, и он, конечно, произвольно никого не обидел и ни к кому не проявлял враждебности. В обхождении он был чистосердечен, деликатен, немногословен, хотя говорил всегда легко и основательно, и неизменно оставался верен себе. Его усердие не уступало его солидным знаниям, и будь он менее педантичен и менее скован чрезмерным чувством авторской ответственности, он успел бы в свою короткую жизнь сделать больше. Тем более мы должны сожалеть об его безвременной кончине"⁴. Слабый здоровьем, Гильденштедт, однако, в путешествии проявлял незаурядную выносливость, твердость духа и очень высокое чувство долга. По образованию врач и ботаник, он в ходе экспедиции серьезно заинтересовался зоологией, минералогией, сельским хозяйством, различными производствами, а также проблемами экономики, став одним из видных в России специалистов в этой области.

Из 14 лет службы в Академии наук (Гильденштедт умер рано, в возрасте 36 лет) ровно половину он провел в экспедиции, которая и сформировала его как ученого. Поэтому в его жизнеописании семь экспедиционных лет занимают центральное место. Рассказ о событиях в хронологическом порядке представляет собой попытку не только воссоздать жизнь ученого, но и увидеть его глазами России екатерининского времени.

Усилившиеся с наступлением царствования Екатерины II претензии России на важную роль в европейской политике, ее стремление укрепить и расширить границы, завоевать выходы к Черному морю – все это предъявляло повышенные требования к изучению природных условий на обширных территориях, ископаемых богатств, способов хозяйствования, состояния производств и промыслов, уровня и перспектив развития торговли. К тому же внимание к науке, и в частности к Академии наук, было одним из элементов создаваемого в европейском общественном мнении образа Екатерины как просвещенной императрицы. Екатерина не только поощряла академические экспедиции 1768–1774 гг., но и внимательно следила за их организацией; как подчеркнуто в протоколе академической Конференции, приняла их отправление "в свое собственное покровительство"⁵.

В середине 1767 г., в связи с подготовкой к астрономическим наблюдениям прохождения Венеры по диску Солнца, возникла идея расширить масштабы экспедиции, направив параллельно с астрономами отряды

натуралистов, так как уже 10 августа зашла речь о приглашении из Берлина Гильденштедта для работ по натуральной истории и главным образом "для посылки по стране"⁶. А 22 октября Конференция "определила" отправить для сбора "натуралиев из трех царств природы" на север – Лепехина, на восток Гмелина и Гильденштедта, на юг – Палласа⁷.

На долю Гильденштедта и его группы выпали Поволжье, часть Донских земель, Северный и Северо-Западный Кавказ, Грузия, Приазовье, Причерноморье, часть Украины. О научных результатах его экспедиции речь пойдет в заключительной главе. Здесь можно сказать, что, следуя инструкциям и собственным интересам, Гильденштедт за семь лет путешествия, проходившего часто по местам, где еще не ступала нога ученого, собрал драгоценный материал о природных условиях, животном и растительном мире, ископаемых и различных полезных материалах, о народонаселении, быте, хозяйствовании, торговле. Особенно важны сведения о малоизученных окраинах, о народах, совсем недавно присоединившихся к России или бывших на пути к такому присоединению. Находясь в экспедиции, Гильденштедт стал адъюнктом (1769 г.) и академиком (1771 г.)

Гильденштедт не дождал до издания своих экспедиционных дневников. После его безвременной смерти их подготовил к изданию Паллас. Этот его труд, в отличие от путевых записок начальников других отрядов, не был издан на русском языке, за исключением отдельных его частей⁸. Поэтому его основное сочинение осталось менее известным русскому читателю. Литература о Гильденштедте невелика⁹, хотя при жизни он не был обойден признанием. В 25 лет Гильденштедт стал академиком, годом раньше – членом Вольного академического общества и в 1780 г. его президентом, был членом Берлинского общества естествоиспытателей (1774 г.) и Общества естествоиспытателей во Франкфурте-на-Одере (1767 г.).

Из трудов Гильденштедта самое большое внимание в конце XVIII – начале XIX в. привлекли материалы, относящиеся к Кавказу, где он провел три с половиной года. Его кавказские наблюдения и описания, по существу, положили начало русскому кавказоведению. П. Муханов, путешествовавший через полвека после Гильденштедта по берегам Куры, на каменном Красном мосту увидел внутри башенки нишу с достопамятными именами путешественников и среди них – имя Гильденштедта. По этому поводу Муханов писал: "Он первый проложил путь к недоступному Кавказу во времена смутные, когда горцы еще не скрывались в ущельях, когда Россия и Персия решали участь мелочных царств, но еще не произнесли приговора. Благодарность образованных соотечичей должна увеличиться к превозмогшему трудности природы, не уstraшенному опасностью... Воскресим смолкнувшую славу человека,

³ В 1775 г., когда готовился перевод на русский язык "Путешествия" С.Г. Гмелина, академик Г.Ф. Миллер, находившийся тогда в Москве, писал Гильденштедту в Петербург, чтобы тот проверил перевод, "поскольку Вы достаточно сильны в русском языке" (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 100. № 5. Л. 160–161).

⁴ Далее Паллас писал, что осиротевшим двум сводным братьям и сестре Гильденштедт "помогал с более чем братской любовью".

⁵ Протоколы заседаний Конференции имп. Академии наук с 1725 по 1803 г. СПб., 1899. Т. II. С. 596 (далее: Протоколы).

⁶ Там же. С. 595, 596, 610.

⁷ Там же. С. 623.

⁸ Acta Academiae scientiarum Petropolitanae. 1781. Pt. 1. P. 9–16.

⁹ Некрологи: Acta Academiae sc. imp. Petrop. (1781) 1784, Pars. 1. Historie. P. 9–16; Neues St.-Petersb. Journal. 1781. N 1. S. 244–253; Конелевич Ю.Х. Академик И.А. Гильденштедт из Риги // Из истории естествознания и техники Прибалтики. Рига, 1980. Т. 6. С. 117–126.

оказавшего истинные заслуги ученому свету: изложим жизнеописание члена Петербургской академии, еще юной, но уже знаменитой, цветущей, подвизавшейся в соперничестве со всеми палладиумами Европы¹⁰. Эти слова можно было бы поставить эпиграфом к сочинению Гильденштедта.

Поскольку дневники Гильденштедта, изданные только по-немецки, из-за их большого объема и в силу библиографической редкости мало-доступны широкому читателю, мы в рассказе о его путешествиях старались следовать его запискам. При упоминании городов мы приводим и их переименования, для деревень же и поселков это оказалось невозможным, поэтому пришлось сохранять названия, встречающиеся у Гильденштедта. Для большинства случаев их удалось проверить по старым и новым топонимическим справочникам, но, к сожалению, не для всех. К тому же многих селений, существовавших в XVIII в., давно нет.

Все даты событий и документов, касающихся России, приведены по старому стилю, за ее пределами – по новому.

В работе над книгой автор обращался за дружеской помощью к сотрудникам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, пользовался ценными советами своих коллег К.В. Манойленко и Н.Г. Суховой. Этнограф Ю.Ю. Карпов помог внести уточнения по топонимике. Всем им автор приносит сердечную благодарность.

Годы учения. Приезд в Петербург

Иогани Антон Гильденштедт родился 29 апреля 1745 г. в Риге. Его отец Антон Гильденштедт был мелким чиновником – секретарем при оберконсistorии, мать происходила из чиновной среды – была дочерью бургомистра города Пернов (ныне Пярну). Тринадцати лет от роду Иоганн Антон лишился отца, а еще через три года остался круглым сиротой. Первоначальное образование он получил дома, еще при жизни отца, а потом учился в старших классах Рижского лицея.

Лицей был основан в 1675 г. шведским королем Карлом XI. В годы Северной войны он пришел в упадок, но после заключения мира и присоединения Риги к России был восстановлен с помощью русских властей и вновь торжественно открыт в 1733 г. Своим расцветом лицей обязан Иоганну Лодеру, широко образованному человеку, который восстанавливал лицей и затем почти 40 лет был его ректором. Лодер учился в университетах Страсбурга и Галле, некоторое время служил в Петербурге¹. В 1732 г., когда завершалось восстановление лицея, Лодер издал о нем книгу, проникнутую идеями обучения и воспитания юношества в духе Просвещения². Сам Лодер преподавал в лицее языки. (За помощь в поисках литературы о лицее автор выражает признательность сотрудникам Института истории Академии наук Латвии Б.А. Бригере и Т.О. Вилциньшу.) Здание лицея располагалось возле церкви св. Якова³. В лицее был физический кабинет, оснащенный лучшими для своего времени инструментами. Библиотека насчитывала около 2000 книг, в их числе научные журналы, иллюстрированные издания по механике, ботанике⁴. В старших классах, помимо языков и истории, преподавались статистическая география, экспериментальная физика, математика, а также (факультативно) черчение и фортификация. Как писал в 1793 г. Гётце, лицей, стремился "дать основы знаний, развить воображение, внимание, научить полезным умениям, практическому подходу"⁵. Можно предположить, что общие принципы постановки преподавания и внимание к естественно-научным дисциплинам сохранились со времен директорства

¹ Bergmann G. Geschichte von Livland, nach Bossuetischer Art entworfen. Leipzig, 1776. S. 127–130.

² Loder J. Bericht von dem Kayserlichen Lyceo, wie selbiges nach gegenwärtigen Umständen zum Besten des Landes eingerichtet worden ist. Riga, 1732.

³ Allgemeine Übersicht des Kayserlichen Lycei in Riga // Rigische Stadtblätter. 1798. N 35/36. S. 275–286.

⁴ Götze F.W. Nachrichten von dem gegenwärtigen Zustande des Kayserlichen Lycei zu Riga. Riga, 1793. S. 10–20.

⁵ Ibid. S. 31.

¹⁰ Муханов П. Красный мост: Воспоминания о Гильденштедте // Моск. телеграф. 1825. Ч. 6. С. 57–68.

Лодера, а стало быть, относились к концу 50-х–началу 60-х годов, когда в лицее учился Гильденштедт.

В июле 1763 г., окончив Рижский лицей, Гильденштедт отправился в Берлин и поступил там в Медико-хирургическую коллегию. В таком повороте его судьбы не было ничего чрезвычайного. В этом учебном заведении, основанном в 1724 г., обучались многие юноши из прибалтийских провинций России⁶. В коллегии преподавал известный ботаник И.Г. Гледич⁷. По окончании коллегии Гильденштедту предстояло, скорее всего, заняться медицинской практикой в родных краях. Но судьба распорядилась иначе, связав дальнейшую карьеру молодого врача с событиями, происходившими в то время в Петербургской Академии наук.

Середина 60-х годов была для Академии наук временем значительного подъема, совпавшего, или, вернее, связанного с существенными сдвигами в политической и экономической жизни государства. Укрепившись на российском престоле, Екатерина и ее окружение начали активные поиски резервов для укрепления экономического и военного могущества государства. Как и в петровское время, был взят курс на развитие промыслов, особенно горнозаводских, на расширение обрабатывающей промышленности, внутригосударственной и внешней торговли. При этом зонами особого внимания стали малозаселенные и малоизученные земли юго-востока и юга Европейской России, Приазовье, Прикубанье, освоение которых сулило не только прирост промышленной и сельскохозяйственной продукции, но и выход к Черному и Каспийскому морям для торговли, дальнейшему расширению границ за счет земель Кавказа и Крыма. Надо отдать должное Екатерине II, которая прекрасно понимала, насколько тесна связь между выполнением этих грандиозных задач и состоянием науки, и прежде всего Петербургской Академии наук. Проявление ее внимания к Академии выразилось в назначении 6 октября 1766 г. директором Академии брата ее фаворита, графа Владимира Григорьевича Орлова. Случай этот, правда, имел прецедент. В свое время, в 1746 г., Елизавета Петровна сделала президентом Академии наук тоже брата своего фаворита, Кирилла Григорьевича Разумовского. Но Разумовский в момент своего назначения на этот пост был 18-летним юнцом, получившим весьма поверхностное образование. И хотя он был хорошим человеком, его президентство было в значительной степени символическим, тем более, что он очень мало жил в Петербурге, а Академией управляла всеисильная Канцелярия. Поскольку Разумовский оставался номинально президентом, Орлов был назначен директором Академии. Кроме того, императрица пожаловала ему титул графа. В своем новом качестве он в течение трех лет слушал лекции в Лейпцигском университете, где особенно интересовался естествознанием и астрономией.

С назначением Орлова была упразднена Канцелярия (т.е. она сохранилась как вспомогательное учреждение, но переставала быть органом

⁶ *Amburger E.* Beiträge zur Geschichte der deutsch-russischen kulturellen Beziehungen. Giessen, 1961.

⁷ *Lehmann H.* Das Collegium medico-chirurgicum in Berlin als Lehrstätte der Botanik und der Pharmazie. 1936.

управления). Вместо нее была создана комиссия из шести академиков, которая ведала всеми административными и хозяйственными делами. Правда, это торжество идеи академического самоуправления было неполным, поскольку решающий голос в комиссии имел директор, а через него – фактически сама императрица.

Другим знаком внимания Екатерины II к Академии было предложение Леонарду Эйлеру, одному из старейших членов Академии, уехавшему в 1741 г. в Берлин, возвратиться в Россию, на весьма выгодных для него и его семьи условиях. Возвращение Эйлера не только привело к новому подъему физико-математических наук в России, превращению ее в одну из математических столиц мира, но и способствовало возрастанию престижа нашей Академии среди научных учреждений Европы. К тому же старший сын Эйлера Иоганн Альбрехт вскоре стал непременным секретарем Академии и пробыл в этой должности более 30 лет.

Одно из центральных мест в жизни Академии наук в конце 60-х–начале 70-х годов занимали экспедиции. После знаменитой Второй Камчатской экспедиции 1733–1743 гг., в которой участвовал академический отряд, в течение двух десятилетий в этой стороне деятельности Академии наметился серьезный пробел, хотя М.В. Ломоносов предлагал планы организации новых экспедиций. Самым значительным событием стала поездка в 1761 г. двух групп наблюдателей: в Селенгинск под руководством адъютанта С.Я. Румовского и в Иркутск во главе с академиком Н.И. Поповым в связи с редким астрономическим явлением – прохождением Венеры по диску Солнца. От их наблюдений ожидали многого, в частности уточнение расстояния Земли от Солнца.

Не вполне удовлетворенные результатами этой поездки, астрономы стали готовиться к следующему прохождению Венеры по Солнцу, в 1769 г., и важная роль в этих наблюдениях отводилась Петербургской Академии наук. Екатерина II еще до вступления на престол проявляла интерес к физике и астрономии. В 1767 г., когда она по делам Уложенной комиссии находилась в Москве и там встречалась с В.Г. Орловым, а также с академиками Г.Ф. Миллером и Ф.У. Эпинусом, она обратила внимание на подготовку астрономических экспедиций и обещала свое покровительство. Академики, узнав об этом из письма Орлова, предложили привлечь к ним помимо астрономов еще и натуралистов, что было одобрено. В июле Орлов, приехав в Петербург, сообщил, что императрица повелела Академии дать исследования "натуральных вещей" учредить особые экспедиции. В указе императрицы от 26 июля 1767 г. об отпуске Академии 6 тыс. р. "на обсервацию" упоминаются "экспедиции по Венере" и еще четыре другие⁸.

Весной 1767 г. подготовка экспедиций натуралистов шла уже полным ходом, намечены были основные районы исследований: северная и восточная части Европейской России, от Архангельской губернии до Южного Урала, и Поволжье до Астрахани, с возможно более широким охватом южных земель, района Каспия, Северного Кавказа, Приазовья,

⁸ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 3. № 6; *Румовский С.Я.* Наблюдения Венеры в Солнце... СПб., 1771. С. 4, 7. Протоколы. II. С. 595.

Причерноморья. На роль руководителя четырех отрядов в Академии мог претендовать только один – Иван Иванович Лепехин, окончивший университеты академический и в Страсбурге, где он получил степень доктора медицины. В мае 1768 г. он стал адъюнктом Академии. Руководить двумя другими отрядами было поручено приехавшим в 1767 г. из Германии и ставшим академиками Петру Симоу Палласу и Самуилу Готлибу Гмелину. Четвертым стал Гильденштедт.

Имя Гильденштедта появляется в академической переписке еще в 1765 г., когда Академия усиленно искала ученых на вакантные места и, как обычно, обращалась за помощью к своим иностранным членам, среди которых самым активным по контактам с Академией был живший в Берлине Леонард Эйлер. Якоб Штелин, бывший тогда конференц-секретарем Петербургской Академии, в письме Эйлеру 2 апреля 1765 г. просил его рекомендовать ученых по ряду наук, в том числе по ботанике и натуральной истории⁹. В ответном письме 23 апреля/4 мая Эйлер сообщал: "По ботанике бесспорно подойдет г-н фон Гильденштедт, родом из Риги, который здесь с некоторого времени усердно занимается ботаникой и добился в этом деле больших успехов"¹⁰.

О достоинствах молодого рижанина Эйлер, вероятно, знал от своего коллеги по Берлинской академии, директора Берлинского ботанического сада Иоганна Готлиба Гледича, который преподавал в Медико-хирургической коллегии. Не исключено также, что Гильденштедт, по возрасту близкий двум младшим сыновьям Эйлера, был знаком с их семьей – к тому же средний сын Эйлера Карл был медиком. В пользу такого предложения говорит тот факт, что переписка Гильденштедта с Иоганном Альбрехтом Эйлером, начавшаяся в 1767 г., носит дружественный характер.

О рекомендации Эйлера вспомнили лишь через два года, когда развернулась подготовка к экспедициям.

В академических Протоколах имя Гильденштедта впервые появляется 10 августа 1767 г., когда в Конференции обсуждалось упомянутое письмо Л. Эйлера¹¹. 17 августа граф Орлов поручил секретарю Академии написать Формею и просить его известить Гильденштедта, что Академия предлагает ему службу с жалованьем 300 р. в год и пошлет предварительный контракт¹².

В письме Формею от 17 августа Штелин передает просьбу Орлова переговорить с "ливонцем" Гильденштедтом, "который нам рекомендован господами проф. Эйлером и Палласом, и пригласить в нашу Академию, дав ему на подпись прилагаемый предварительный контракт. Если вы его не знаете, г-н проф. Гледич даст Вам его адрес. Ему лучше будет отказаться от путешествия в Голландию. Хорошо, если бы он прибыл сюда еще до зимы, так как Академия предполагает направить его в экспедицию по Российской империи, чтобы собирать для нужд Академии растения и другие натуралии, какие встретятся в различных краях. Здесь

он найдет несравненно больше, чем в Голландии, чтобы удовлетворить свое любопытство, расширить познания в области ботаники и приобрести себе репутацию"¹³.

К письму был приложен текст контракта, в котором говорилось о посылке его "по империи для собирания растений, семян и других натуралиев, и если ему будут приданы для обучения некоторые молодые люди, он должен их верно и усердно наставлять и помогать им продвигаться в этих науках". Жалованье ему положено 360 р. в год (сюда входили 60 р. "квартирных") и 100 р. на переезд¹⁴.

Гильденштедт 14 сентября н.с. написал Штелину, что благодарит за приглашение, но не уверен в своих силах. Однако он постарается проявить себя верным подданным "нашей великой и милостивой монархини" и старательным "академистом". Он отказался от путешествия в Голландию и Англию и рассчитывает прибыть в Петербург к концу ноября¹⁵. Между тем в письме И.А. Эйлеру от 20 сентября н.с. вслед за выражениями радости по поводу приглашения и готовности служить "своей императрице и Академии" Гильденштедт доверительно сообщил, что хотел бы отложить переезд на год, чтобы усовершенствоваться в природоведении, философии, экспериментальной физике, минералогии, анатомии, совершить несколько экскурсий на природу. Пока он зарабатывает деньги переводами¹⁶.

Тем временем в Академии обсуждались планы будущих путешествий. 22 октября речь шла в Конференции о маршрутах прежде всего астрономических экспедиций. Дальше в Протоколе записано: "Для изучения и сбора натуралиев из трех царств природы поедут на север Лепехин, на восток профессор Гмелин и с ним ботаник Гильденштедт, на юг профессор Паллас..." Наметили примерные сроки отправки отдельных отрядов и их состав – студентов "для помощи и обучения", рисовальщиков, егерей, солдат и др.¹⁷

Хотя решение Гильденштедт, видимо, принял без колебаний, 4/15 сентября Формей послал в Петербург подписанный им контракт и уже 9 ноября н.с. он писал Эйлеру, что отправил морем на его имя вещи и книги¹⁸ (на зиму он все же задержался в Берлине). Формей писал 14/25 сентября И.А. Эйлеру, что познакомил Гильденштедта с русским посланником в Берлине князем В.С. Долгоруким¹⁹. Одной из причин задержки отъезда, видимо, было желание Гильденштедта, покидая Германию, получить степень доктора медицины. С этой целью он ездил во Франкфурт-на-Одере, где защищал 20/31 декабря диссертацию на тему "О теории изначальных сил человеческого организма"²⁰. 29 декабря 1767/9 января

¹³ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. № 49. Л. 38.

¹⁴ Там же. Л. 37.

¹⁵ Там же. № 50. Л. 118–119 об.

¹⁶ Там же. № 24. Л. 27–28 об.

¹⁷ Протоколы. II. С. 623.

¹⁸ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. № 50. Л. 113; № 24. Л. 31–32.

¹⁹ Там же. № 51. Л. 78.

²⁰ *Dissertatio de theoria virium corporis humani primitivorum*. Frankfurt am Oder, 1767.

⁹ Die Berliner und die Petersburger Akademie der Wissenschaften im Briefwechsel Leonard Eulers. III. В., 1976. S. 232.

¹⁰ Ibid. S. 235.

¹¹ Протоколы. II. С. 609–610.

¹² Там же. С. 611.

1768 г. Формей написал И.А. Эйлеру, что Гильденштедт возвратился в Берлин и скоро отправится в Россию²¹. Это известие было зачитано в Конференции 22 февраля²². Точная дата выезда его из Берлина нам неизвестна, но уже 4 апреля он писал Эйлеру из Риги, что приехал сюда вчера, что хотел бы пробыть в родном городе недель пять и по дороге в Петербург будет собирать весенние растения²³. Прибыл Гильденштедт в Петербург 8 мая, а уже 12-го он присутствовал в академической Конференции и был представлен ее членам²⁴.

Подготовка экспедиций шла полным ходом. 16 июня все присутствовавшие в Конференции подписали инструкции, маршруты и планы для Палласа, Гмелина и Гильденштедта. О маршруте, предложенном Гмелину и Гильденштедту, можно судить по публикации, появившейся в июле следующего года (когда путешественники уже перезимовали в Воронеже и Гильденштедт двигался от Тамбова к Новохоперской крепости) в "Санкт-Петербургских ведомостях" под названием "Начертание пути Астраханских экспедиций под предводительством г-на академика Гмелина и г-на доктора Гильденштедта"²⁵. Обоим путешественникам предписывалось продвигаться вдоль Дона, объездить земли между Царицыном и Астраханью на западной стороне Волги, но разными путями: Гмелину – по землям между Доном и Донцом, до устья Хопра, до верховий рек Чира и Цымли, переправиться через Дон, проехать между Манычем и Сапррой, затем через калмыцкую степь направиться на Астрахань, а если военные обстоятельства этого не позволят, спускаться от Царицына до Астрахани по Волге; Гильденштедту – из Воронежа через Тамбов, Новохоперскую крепость, вдоль Хопра, по землям вокруг Дона и Медведицы, после Царицына через пограничную степь в Астрахань. При встрече в Астрахани они должны были обсудить, обоим ли зимовать в этом городе или одному оставаться, а другому отправляться в отдаленные прикаспийские места для наблюдения животных, "коих число может быть через то умножено".

Из публикации видно (и это подтвердят дальнейшие события), что Академия планировала только начальный этап экспедиции, не определив ни дальнейшего ее хода, ни сроков завершения. Это и понятно, если учесть, что речь шла о чрезвычайно мало изученных районах; к тому же начавшаяся русско-турецкая война делала многие обстоятельства путешествия по югу непредсказуемыми.

Однако Академия отнюдь не бросила своих исследователей на произвол судьбы – они обязаны были регулярно присылать в Конференцию отчеты о проделанном пути, отправлять в Академию собранные коллекции (обычно это делалось через Москву с помощью академика Миллера) и получать разрешение Конференции на все планируемые маршруты.

²¹ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. № 50. Л. 140.

²² Протоколы. II. С. 631.

²³ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. № 24. О. 33–34 об.

²⁴ Протоколы. II. С. 638.

²⁵ Санкт-Петербург. ведомости. 1769. 14 июля, № 56. Прибавление; Моск. ведомости. 1769. 24 июля, № 59. Прибавление.

Среди архивных бумаг, относящихся к экспедиции, сохранились тексты инструкций для путешественников от Медицинской коллегии и Вольного экономического общества, датированные маем 1768 г.²⁶ Они предписывали обращать особое внимание на используемые в различных районах способы производства квасцов, селитры, выращивания риса, олив, винограда, условия для развития земледелия, а также на местные орудия труда, болезни, эпидемии, качество воды в источниках и озерах, в том числе целебных, особенности содержания и лечения скота и вообще на быт народов (например, на воспитание детей у калмыков). В инструкциях от Коммерц- и Берг-коллегии подчеркивалась важность изучения минералов, руд, состояния рудников, заводов, промыслов, торговли²⁷.

Академическая инструкция повторяла многие из этих положений в более обобщенной форме и предлагала, по возможности, сворачивать с больших дорог, наблюдать погоду, местные нравы, "светские и духовные обряды", записывать "древние повести" народов, вести подробный дневник или журнал. Начальник отряда должен был следить за своими подчиненными – чтобы они вели себя добропорядочно, "прилежали в своей науке". Жалованье им следовало платить помесечно, а в конце года – еще 20 р. тому, кто проявит "особое прилежание"²⁸. Сохранилась также особая инструкция для студентов, подписанная В. Орловым, – прилежно учиться натуральной истории: зоологии, ботанике, минералогии, чтобы впредь с пользой служить Академии, прилежно и рачительно выполнять поручения, с "похвальным любопытством" наблюдать все достойное внимания, бережно тратить свое жалованье, помнить, что от их успехов в науке будет зависеть будущее их благополучие²⁹.

В отряд Гильденштедта были зачислены в качестве помощников гимназисты (сам Гильденштедт в своих дневниках называл их студентами): Борис Зряковский и Алексей Беляев³⁰, рисовальщик Григорий Белый, чучельник Семен Тарбаев³¹.

С момента приезда Гильденштедта в Петербург и до отправки экспедиции прошло лишь немногим более месяца, поэтому нетрудно представить, сколько хлопот легло на его плечи. О том, что Гильденштедт произвел на своих коллег по Академии хорошее впечатление, есть косвенное свидетельство: письмо Формея из Берлина Эйлеру от 11/22 августа 1768 г., в котором содержится благодарность за характеристику, данную Гильденштедту. Она успокоила Формея, который опасался, что Гильденштедт покажется петербургским коллегам немного слабым и изнеженным³².

²⁶ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 23. № 2а. Л. 1–7; № 6в. Л. 58–60; № 6г. Л. 21–24 об.

²⁷ Там же. № 6в. Л. 61–65 об.

²⁸ Там же. № 2, 4. Л. 1–5 об.; № 3. Л. 1–7 об.

²⁹ Там же. № 2в. Л. 1–2.

³⁰ В ведомости на жалованье, из которой взяты эти сведения (см.: Гнучева В.Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII–XIX веках. М.; Л., 1940. С. 96), упомянут еще гимназист Сергей Мошков, но в других источниках он не встречается. Видимо, его поездка не состоялась.

³¹ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 23, № 6г. Л. 94. С. Тарбаев с 16 мая проходил обучение в "Кунсткамере".

³² СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. № 51. Л. 199–200 об.

От Петербурга до Волги

По плану первый маршрут экспедиции (должен был пролегать через западную часть Новгородской губернии¹, а именно через Порхов и Торопец на Москву, затем через Воронеж вниз по Дону. У Царицына отрядя предстояло выйти к Волге, по ней спуститься до Астрахани, потом степями пройти до Кизляра, дальше – к персидской границе и Кавказским горам, насколько это позволят соображения безопасности. Возвращаться предполагалось по низовью Дона, Донцу, через Украину до Москвы.

Из столицы выехали 19 июня и отправились через Шушары, Славянку, Ижору, Тосно. По пути осматривали обширные торфяные болота. Они навели Гильденштедта на мысль, что, когда иссякнут леса, Петербург сможет из этих болот добывать топливо, а если их осушить, прорыв каналы, можно превратить их в луга. В Тосно он обратил внимание на обилие клюквы и морошки, занес в дневник полтора десятка названий других растений, осмотрел лесосплав по р. Тосне. В Любани сменили почтовых лошадей и к вечеру 20-го прибыли в Чудово. Ночью ехали мимо полей и лугов, деревни здесь попадались чаще.

В Новгород Великий прибыли вечером 21-го и пробыли здесь четыре дня. Гильденштедт описал город, вид улиц, церквей, пригородный поселок, где жили рабочие "морской фабрики", обслуживавшей флот, собрал сведения о сельском хозяйстве в окрестностях, о доставке местных товаров в Петербург. Исследование мутной воды р. Волхов показало, что ее вид и "нечистый" вкус происходит не от солей или минеральных примесей, а лишь от наносов ила из болот. Особо подробно описана в дневнике Гильденштедта рыбная ловля в Волхове и оз. Ильмень. Там водились щука, окунь, лещ (так его называли, если он имел длину в полтора фута, если же в один фут – подлещик, в полфута – перечень), плотва, плотица (в Петербурге ее называли сурожка). Судак тоже имел четыре разных названия. Собственно судаком именовали рыбу в два фута, примерно в фут – шибняк, меньше фута – борканик, в пядь – звездарь. Еще здесь водились линь, язь, головень, шерешпер (если он достигал фута, его называли рон), карась, сом, налим или менок, пескарь, ерш, вьюн; из Ладоги поднимались чеша или сабля, сапа, угорь, минога, укля, густера, реже – сиг, снеток, лосось, хариус. Гильденштедт узнал также, что иногда в Волхове попадает осетр и похожая на него рыба под местным названием пал, но в низовьях Волхова и в Ладоге их больше. В Ладоге ловят также корюшку и лоха, которого еще называли лак.

25 июня путешественники отправились из Новгорода западным берегом Ильменя на Порхов. Переправились через Малую и Большую Шелонь. В Порхове узнали, что верстах в 30 от города есть интересные места. Поехали туда. Действительно, на обрывистом берегу Шелони в известковых пластах увидели остатки окаменелых морских животных,

¹ В описании путешествия сохраняется административное деление России того времени.

а у д. Сухлова обнаружили в береговых слоях глины и известкового камня окаменелости. Отметим несколько редких растений на берегу и на лугах.

7 июля, когда группа прибыла в Старую Руссу, там, по заданию новгородского губернатора, уже производились первые испытания новой солеварни, для чего был приглашен самый опытный механик. Гильденштедт решил не упускать случая и понаблюдать за процессом. Он длился почти трое суток. Кипятили воду из местного озера, в которое вливаются соленые источники. Обслуживали солеварню шесть рабочих, получавших по 12 к. в день. За трое суток они получили из 16-градусного рассола 150–160 пудов соли стоимостью по 40 к. за пуд, затратив 9 сажень дров. Рассказывали, что раньше местные жители на получение такого же количества соли из сырого 3-градусного рассола тратили около 40 сажень дров. Гильденштедт тут же прикинул, что можно установить водяное колесо для насосов, качающих воду из озера. Вместе с механиком он подсчитал, во что обойдется постройка запруды, записал в дневник соображения о более экономичных размерах и форме ванны, что позволило бы сократить расход дров, и об использовании отходов, получаемых при очистке соли. Об этом он подробно написал в своем первом отчете в Академию наук, отправленном из Осташкова 27 августа 1768 г.²

Из Старой Руссы совершили поездку по рекам Полисть и Ловать, по оз. Ильмень до д. Коростино. Изучались растения и окаменелости. 19 июля направились на Торопец. У д. Березово переправлялись через Ловать. По берегу этой реки наблюдали геологические слои. У д. Борисово, около реки Травершенка увидели источник, вода которого оказалась по составу близкой к воде курорта Спа.

Последние дни июля и начало августа прошли в поездках по живописным местам западнее Торопца, а 9 августа выехали на Осташков, к истокам Волги. Из д. Заборье предприняли трехдневную поездку через Холм, Холмец, Мартинец, Извоз, к истокам Двины. Затем направились к Волге и, следуя сначала по ее течению на лодке, а затем по сухопутью на лошадях, 20 августа добрались до д. Волгино Верховье.

На всем пути вдоль Ильменя, по Шелони и Ловати Гильденштедт изучал почвы. У Дубны, в 50 верстах от Торопца, он заинтересовался добытой местными крестьянами синей глиной для изготовления кирпича и для гончарных работ. В глине обнаружился железный купорос. В версте к югу от Двины путники увидели болотную железную руду, из которой, если прибавить к ней известь, можно было бы плавить хорошее железо. На южном берегу Ильменя, по Шелони, у Порхова попадались груды известкового камня, который пригодится в строительстве. Доставлять его в Петербург можно было бы по воде.

Среди ботанических наблюдений на этом отрезке пути встречался болотный лен. Гильденштедт считал, что его стоит разводить. Он сообщил также о красящих растениях, применяемых жителями селений, где он побывал.

² СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. № 5. Л. 5–13; черновик: Р 1. Оп. 100. № 3. Л. 6–18. Читан в Конференции 12 сентября. См.: Протоколы II. С. 651–652.

Об Осташкове он записал в дневнике, что эта слобода, с ее каменными домами, широко торгующая рожью, солодом и льном, должна быть нанесена на карты³. Для этой цели он отметил ее географическую широту на западном берегу оз. Селигер⁴. При перевозке товаров в Петербург от Селигера до р. Полы, почти семь верст они переправляются по суше. Гильденштедт думал прорыть туда канал. В поездке по Селигеру он осмотрел на одном острове монастырь Нилову пустынь и отметил признаки понижения уровня воды. На широком, 10-верстном пространстве между Волгой и Селишаровкой попадались окаменелые раковины – свидетельства того, что все это пространство некогда было под водой.

В упомянутом выше первом отчете, отправленном из Осташкова в Академию наук, Гильденштедт писал: "Что касается общих обстоятельств моего путешествия, я могу отметить хороший прием и готовность к содействию со стороны начальства, сдержанную услужливость со стороны крестьян. О своих студентах он далее сообщал: "Поведение студентов и помощников таково, что я могу быть доволен. Оба студента, Соколов и Беляев, подают добрые надежды, и я не сомневаюсь, что, занимаясь с ними натуральной историей, дам им достаточную подготовку. Третьему, Зряковскому, мало лет, недостает гуманитарных знаний и способностей"⁵.

В Осташкове Гильденштедт впервые ощутил болезненные последствия своего нового образа жизни. В письме И.А. Эйлеру от 27 августа 1768 г. он жаловался на нездоровье, нарывы на теле, страдания от блох, клопов, мух и тараканов⁶.

В конце августа Гильденштедт проезжал через д. Селишаровка, Ржев Володимеров, вдоль берега Волги, изучал строение обрывистого берега от Ржева до Зубцова. Ему показалось удивительным, что при обилии камня дома в Ржеве и Зубцове почти все деревянные. Он заметил также, что поля сильно заросли сорняками и крестьяне не только не борются с ними, но и при уборке льна оставляют васильки в полном цвету.

Из Зубцова путешественники проехали до Можайска, переправились через реки Русу и Искону, потом через р. Москву у с. Ильинского и 11 сентября прибыли в Москву, где им предстояло провести зиму. Остановился Гильденштедт у своего старого друга пастора Бруннера.

Сентябрь и октябрь прошли в изучении геологических слоев по берегам р. Москвы. Взятый для этих целей у находившегося в Москве профессора И. Фалька (он возглавлял один из отрядов Оренбургской экспедиции) бур оказался непригодным – пришлось с разрешения Академии заказать в Москве новый. Обследовали также ключевую и речную воду в Москве и окрестностях, установили сильную ее загрязненность поваренной и известковой солями⁷. При этом Гильденштедт обнаружил

минеральные источники: один у подножия Воробьевых гор, другой – в 40 верстах от города, у дер. Павловск, принадлежавшей графу Ягужинскому. Был исследован также торф из болота за немецкой слободой – он оказался неплохим топливом. Поразили диковинные растения в саду Никиты Акимовича Демидова.

В Москве Гильденштедт побывал на фабриках и мануфактурах (купоросной, серной, фаянсовой, шерстяной, шелковой), в красильнях, и везде интересовался используемым сырьем. Для новой фарфоровой фабрики тогда еще не нашли достаточно хорошей глины⁸. В красильни доставляли красную марену с берегов Терека, желтую серпуху и дрок с Украины и из Астрахани. Гильденштедт полагал, что можно поблизости найти другие красящие растения. Вместо дорогой кизлярской марены часто употребляли силезскую или совсем дешевую из Воронежа. Желтяницу для окраски шелка покупали за границей по дорогой цене, хотя, по мнению Гильденштедта, можно было бы с большой выгодой разводить ее на юге. Соду для красилен привозили из Астрахани всего по полтора рубля за пуд (при стоимости испанской 6 р. за пуд), так что она вполне могла бы стать предметом вывоза.

Как мы видим, уже на первом отрезке пути и во время пребывания в Москве Гильденштедт проявил большой интерес не только к ботанике и вообще к естествознанию, но и к экономике.

Из Москвы Гильденштедт направил в Академию наук два отчета: второй от 27 сентября⁹ и третий от 11 ноября¹⁰. Во втором подробно описывается геологическое строение возвышенности в верховьях Волги, возле городов Ржев Володимеров и Зубцов, и говорится об известняке, который здесь часто встречается на поверхности: "В обоих этих городах я больше, чем где-либо, выговаривал жителям за их нерадение и предрассудки. Они живут на этих камнях, каждый день спотыкаются об них и все-таки не решаются строить из них свои дома или хотя бы фундаменты"¹¹.

В отчете содержатся также подробный анализ воды из минерального источника и соображения о его использовании в медицине¹². В третьем отчете представлены результаты изучения московских мануфактур и речной и колодезной воды в Москве¹³. Кроме того, сообщается, что московская егермейстерская контора отказала экспедиции в разрешении отстреливать птиц в окрестностях города. Здесь же содержится просьба к Академии наук исклопотать такое разрешение в Обер-егермейстерской канцелярии в Петербурге. С четвертым отчетом, посланным из Москвы

⁸ Как отмечал Паллас в примечании к этой записи в путевом дневнике Гильденштедта, позднее такую глину действительно нашли, и она использовалась также в Петербурге.

⁹ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. № 5. Л. 14–19. Представлен Конференции 6 октября. См.: Протоколы. II. С. 653.

¹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. № 5. Л. 20–22; черновик: Р. 1. Оп. 100. № 3. Л. 22–25. Представлен 12 декабря, по помете на рукописи. В Протоколах не отмечено.

¹¹ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. № 5. Л. 15 об.

¹² Там же. Л. 16 об. – 18.

¹³ Там же. Л. 20–22 об.

³ Там же. Л. 5 об., 6.

⁴ Через четыре года, по новому административному делению России 1772 г., Осташков был объявлен уездным городом.

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. № 5. Л. 5, 5 об.

⁶ СПбФ АРАН. Ф. 31 Оп. 3. № 24. Л. 37–38 об.

⁷ Вскоре после этого обследования началось строительство в Москве городского водопровода.

2 марта 1769 г.¹⁴, отправлена в Академию наук первая посылка с "натуралиями"¹⁵.

Из Москвы группа выехала 8 марта. Поскольку Гмелин направился на Воронеж через Тулу, Гильденштедт избрал другой путь – через Коломну, Зарайск, Данков, Лебедянь. О каждом городе в дневнике содержатся сведения о его положении, числе жителей, примечательных постройках, церквях. Под Елифанью, у д. Струнна, вблизи Зарайска он осматривал ломку камня для мельничных жерновов. До Лебедяни пришлось несколько раз переправляться через извилистый Дон.

Из Лебедяни двинулись к с. Репец, известному своей суконной фабрикой и железным заводом тульского купца Орехова. В пятом отчете в Академию наук, отосланном из Воронежа 30 марта¹⁶, Гильденштедт сообщал об обнаруженном им у р. Репец, возле с. Хлебное (в 60 верстах от Воронежа), превосходном белом мергеле, который может использоваться как удобрение.

За Зарайском ландшафт резко изменился. Началась необозримая степь, покрытая плотным слоем чернозема в 2–4 фута толщиной. Гильденштедт высказал предположение, что в этих некогда малонаселенных местах не поедаемые скотом травы ежегодно удобряли землю перегноем. Вокруг Елифани залегал обычный торф, но жители не использовали его, а топили навозом и соломой. Деревьев здесь росло так мало, что дома строили лишь из тонких берез. По всей округе, на 300 верст, ели и пихты – большая редкость; встречаются лишь маленькие дубовые рощи и редкие березы. В дневнике записано: "В этих хорошо населенных местах более, чем где бы то ни было, нужны были бы лесопосадки. Маленькие посадки, которые я встречал возле двух деревень, убедили меня, что этот небольшой труд окупился бы с лихвой. Я видел близ этих деревень очень хороший лес примерно в 1000 деревьев, пополам дубы и березы. Старые жители деревни уверяли, что желуди и семена березы на этом месте посеяли их родители. Теперь из них выросли крепкие деревья в 4 пяди в обхвате и более 20 футов высоты. Они, несомненно, были бы еще толще, если бы их как следует прореживали. Если бы многие жители следовали этому примеру и к тому поощрялись, то дубовые и березовые рощи, прекрасно растущие в здешней благодатной почве, превратили бы эту голую степь в живописнейшую местность"¹⁷.

В пятом отчете Гильденштедт подчеркивал также целесообразность лесопосадок в районе р. Осетр под Зарайском.

У д. Хлебное вышло на дорогу, ведущую из Тулы и Ельца на Воронеж, где предстояло встретиться с группой Гмелина. Известняки по берегам рек Москвы и Оки (у ее устья), а также соляные источники

¹⁴ Там же. Л. 23–24 об. Представлен в Конференции 21 августа. См.: Протоколы. II. С. 698.

¹⁵ Все дальнейшие посылки направлялись через Москву (неизменно в этом помогал Мидлер).

¹⁶ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. № 5. Л. 25–28. Читан в Конференции 27 апреля. См.: Протоколы. II. С. 681.

¹⁷ *Güldenstädt J.A. Reisen durch Rußland und im Kaukasischen Gebirge. St. Petersburg. 1787 Th. 1. S. 34, 35.*

навели Гильденштедта на мысль, что где-то между этими районами должен быть выход каменноугольного пласта и сланцев¹⁸.

В Воронеже, куда прибыли 26 марта, Гильденштедт и Гмелин обсудили дальнейшие маршруты. Решено было двигаться на Астрахань разными путями и встречаться лишь по необходимости. Гильденштедту предстояло отправиться на Тамбов. Подробный план путешествия обоих отрядов из Воронежа в Астрахань изложен в шестом отчете в Академию наук¹⁹. Гильденштедт писал, что взял к себе из группы Гмелина студента Крашенинникова. Чтобы не хлопотать об изменении приказа, решили, что его жалованье по-прежнему будет получать Гмелин и передавать Гильденштедту. Так как группа увеличилась, а среди вещей появился тяжелый горный бур, Гильденштедт просил разрешения вместо 12 лошадей нанять 14.

На перевод Крашенинникова в свою группу Гильденштедт получил разрешение Академии, о чем узнал из писем Эйлера от 16 марта и 14 мая²⁰. Некоторые детали быта во время своего пребывания в Воронеже он описал в ответе Эйлеру от 30 марта. Они с Гмелином поселились в одном доме из шести комнат: по две заняли сами, одну отдели для солдат, самая большая (зал) была общей; питались вместе²¹.

В окрестностях Воронежа они наблюдали за первыми весенними растениями. О своей увлеченности этим занятием Гильденштедт написал Эйлеру 9 апреля: "Теперь я снова начинаю оживать вместе с природой. О, какое это божественное наслаждение видеть, как растения раскрывают почки и насекомые, эти шедевры природы, вылупляются из личинок во всей своей красе!"²²

Гмелин в письме Эйлеру, написанному в тот же день, коснулся служебного положения своего друга, который не был даже и адъюнктом. "Наш честный д-р Гильденштедт почти равнодушен к тому, будет ли он осчастливлен званием адъюнкта. По познаниям он, безусловно, заслуживает быть академиком. Он хорошо знает Россию, и я не сомневаюсь, что по окончанию путешествия он будет рассчитывать на повышение. Его заслуги наверняка не позволят отказать ему в этом". И далее: "Представьте себе, какое это удовольствие путешествовать с другом, воплощающим в себе такую нравственную гармонию!"²³

Отправив из Воронежа отчет в Академию наук²⁴, Гильденштедт послал с ним коллекции, в частности чучел животных, оправдывая их небольшое количество тем, что Академия так и не дала ему разрешение

¹⁸ Комментируя это место дневника Гильденштедта, Паллас заметил, что выход каменного угля действительно нашли, но не у Владимира, как полагал Гильденштедт, а недалеко от Волги в Симбирска и Кашпура, а также на Валдайской возвышенности.

¹⁹ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. № 5. Л. 29–30; черновик: Р. 1. Оп. 100. № 3. Л. 33–34 об. Читан в Конференции 22 апреля. См.: Протоколы II. С. 683.

²⁰ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. № 64. Л. 23, 23 об., 49.

²¹ Там же. № 24. Л. 44.

²² Там же. Л. 50, 50 об.

²³ Там же. Л. 51–52.

²⁴ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. № 5. Л. 31. 31 об. Читан в Конференции 30 июня. См.: Протоколы. II. С. 698.

на отстрел из Обер-егермейстерской канцелярии. К тому же и чучельщик оказался малоопытным, поэтому многие вещи попортились и насекомых решили пока оставить при себе, так как они не тяжелы для перевозки. Список посланных предметов сохранился при черновике отчета²⁵.

Посылки шли в Москву, откуда их отправлял в Академию наук Миллер. 9 июня в Конференции зачитано его письмо о том, что 29 мая он направил в Петербург подводу с коллекциями, собранными Палласом, Гмелином и Гильденштедтом. 19 июня в Академии разбирали присланные предметы, сличали со списками. 12 чучел птиц дорогой испортились. В посылках трех путешественников, естественно, оказались и дублеты. Из них решили сформировать отдельную коллекцию и подарить ее директору Академии графу Орлову²⁶.

Воронеж покинули 6 мая. В Таврове, где осматривали верфи, из-за сильной бури и ливня застряли на четыре дня. Из Таврова Гильденштедт писал 11 мая Эйлеру, что удовольствие от путешествия возрастает, так как он нашел много новых растений²⁷. Затем поехали через Собакино с его суконной фабрикой на Орлов мимо деревень, где жили однодворцы (свободные крестьяне). Со всех стоянок совершались походы на 15–20 верст в степь. Слой чернозема достигал 3–5 футов. Попадались сурки, суслики, хомяки. 6 июня прибыли в Тамбов. В письме Эйлеру из Тамбова, написанном 8 июня, Гильденштедт с восторгом вспоминал о месяце езды по степи, где он спал в палатке, как казак, и где в необозримых равнинах чувствовал себя как в море – только зеленая земля и небо. Его люди рыбачили, стреляли уток. Они приобрели корову, которая всюду следовала за ними²⁸.

Середину июня, с 10-го по 21-е, Гильденштедт провел в поездках по притокам Цны. В нескольких деревнях видел суконные фабрики, в д. Морше – парусную фабрику, стекольный завод – у р. Тамбов, недалеко от д. Раскосово. Описал процесс получения серы на заводе в Челновском острожке – одним из четырех таких заводов в Воронежской губернии. Интересовался продукцией суконной мануфактуры в Троицке и винокурного завода в деревнях Кутля и Гагарино, записал расчеты стоимости сырья и всех процессов производства. У д. Грязное, в 40 верстах от Тамбова, Гильденштедт обнаружил богатое содержание купороса и квасцов и произвел пробную обработку породы; исследовал воду минерального источника, обнаруженного под зеленоватой глиной у ручья Грязный.

Как видно из отчета для Академии наук, отправленного из Тамбова 28 июня 1769 г.²⁹, Гильденштедт по прибытии туда получил из Академии три письма, в одном из которых содержался утвержденный ею общий план экспедиции, с маршрутом для каждого отряда. Это несколько меняло

планы Гильденштедта, которые должны были теперь сообразовываться с маршрутами не только Гмелина, но и Лепехина. С этим отчетом в Академию были посланы анатомическое описание суслика (его Гильденштедт считал неизученным и назвал *Mus suslica*), очередная партия птиц, грызунов, черепов, а также образцы купоросной и квасцовой глины из-под д. Грязное, с подробным описанием исследования этой глины³⁰. В отчете сообщалось также о богатых ботанических наблюдениях в степях между Воронежем и Тамбовом, где он насчитал около 400 видов растений. Сохранился черновик письма Гильденштедта графу Орлову с просьбой разрешить назвать одно неизвестное растение его именем в честь его больших заслуг перед наукой³¹.

Путь от Тамбова до Новохоперской крепости занял две недели (с 12 по 26 июля). Лишь изредка выходили на почтовый тракт, в основном же шли по проселочным дорогам от деревни к деревне. Степи под Новохоперском поражали богатой растительностью. Здесь было сделано одно из примечательных открытий экспедиции – в траве обитал в большом количестве зверек, не обнаруженный больше нигде и совершенно неизвестный зоологам. Назвали его слепцом. Статью о зверьке Гильденштедт послал с девятым отчетом, отправленным из Новохоперской крепости 20 августа³². При черновике отчета сохранился список посланных одновременно чучел животных³³. В отчете содержалась также просьба Гильденштедта к Академии снабдить его инструментами для магнитных наблюдений и определений силы тяжести, какими пользовались Ла Кондамин и другие французские астрономы в Перу во время экспедиции по определению формы Земли в 1736–1745 гг. Эти инструменты, как считал Гильденштедт, понадобятся в Кавказских горах.

Из лечебных насекомых в степи между Тамбовом и Новохоперском наблюдался в большом количестве червец (в аптеках был известен как *Coccus polonicus*), который водился на корнях так называемой червивой травы.

Среди населения свирепствовала болезнь, которую Гильденштедт определил как скарлатинозную лихорадку, с воспалениями в горле и в груди. В июле и августе распространилась дизентерия и другие виды лихорадки: "трехдневная" и "четырёхдневная". Считали, что причиной могло быть непомерное употребление арбузов – из-за сильной засухи тот год был неурожайным – почти единственной пищи простого люда и особенно молодежи. Почти все члены экспедиции, за исключением руководителя, переболели этими болезнями.

В дневнике Гильденштедта детально описаны Новохоперская крепость, течение Хопра и его притоков, почвенные слои, состояние земледелия в этих малонаселенных местах.

²⁵ Там же. Р. 1. Оп. 100. № 3. Л. 36–37. Названия птиц приводятся как латинские (по Линнею), так и русские.

²⁶ Протоколы. II. С. 690, 700, 701.

²⁷ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. № 24. Л. 53.

²⁸ Там же. Л. 59–60 об.

²⁹ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. № 5. Л. 32–37. Читан в Конференции 21 августа. См.: Протоколы. II. С. 698.

³⁰ Список имеется при черновике отчета (Там же. Р. 1. Оп. 100. № 3. Л. 44–45). Гильденштедт ввел для всех списков единую нумерацию экспонатов (так, список при восьмом отчете начинается с № 62 и кончается № 128).

³¹ СПбФ АРАН. Р. 1. Оп. 100. № 3. Л. 43, 43 об.

³² СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. № 5. Л. 38–42. Статья о слепце напечатана в т. 14 "Новых комментариев".

³³ СПбФ АРАН. Р. 1. Оп. 100. № 3. Л. 82, 82 об.

Гильденштедт осмотрел большой участок у устья р. Саваллы, который был отдан французу Бусеролю под плантации шелковицы с ссудой от Мануфактур-коллегии. Из посеянных три года назад семян на этом участке выросли почти в фут высотой деревца, хорошо переносившие зиму без покрытия. Также удачными были опыты с абрикосами, каштанами, виноградом. Несмотря на засуху, дубы были усеяны крупными желудями.

Хопер и озера изобиловали рыбой, удалось даже записать названия 13 видов. Сом достигает такой величины, что, случалось, он втягивал в пасть ногу плавающего ребенка. В озерах встречалось множество черепах. Одних только местных птиц Гильденштедт насчитал 22 вида. Разнообразным оказался и мир хищников и грызунов, среди которых – новый знакомый, слепец, получивший от Гильденштедта латинское название *Spalax microphthalmus*. Жители утверждали, что еще 20 лет назад в степи водились дикие лошади и козы, но теперь их и след проглы.

Из Новохоперска Гильденштедт 26 августа писал Эйлеру, что просит Академию о разрешении из Царицына отправиться прямо на Кизляр, минуя Астрахань, так как на этом можно сэкономить 300 верст пути. Его более всего интересует степь, а на Астрахань пойдет Гмелин³⁴. Посланные из Новохоперска ящик с коллекциями и два живых сурка, предназначенные в подарок семье Эйлеров, благополучно прибыли в Москву и 14 сентября были Миллером отправлены в Петербург. В сопроводительном письме Миллер вспоминал, как сам он заинтересовался натуральной историей, путешествуя по Сибири с Гмелином-старшим³⁵.

В Новохоперске кончалась Великороссия. Далее, до самого Царицына, простирались земли донских казаков. В селах были чистота и порядок. Вот только ветхий мост через Хопер грозил обвалиться, поэтому неглубокую реку переходили вброд. Встречалось много узколистого и широколистого рогоза, волокнами которого наряду с перьями перепелов заполняли подушки. В озерах водились большие щуки, окуни, ерши. Через станицу Михайловскую 6 сентября проехали первые обозы с виноградом из Астрахани для императорского двора.

У устья р. Окуловки на холмах расположились сады – яблоневые, грушевые, вишневые. В кустах под станицей Гильденштедт видел волка (по-местному – "бирюк"). Говорили, что их здесь много. На берегу Хопра осмотрели кирпичный завод, где за пять–шесть дней обжигали около 10 тыс. кирпичей, затрачивая на это 5–7 куб. сажень дров. Продавали кирпичи по 1 р. 20 к. за тысячу. Рассказывали, что озеро севернее Михайловской, длиной в полверсты, при разливе соединяется с Хопром, так что станица оказывается на острове.

Гильденштедт описал в дневнике быт донского казачества, устройство его войска, проведение схода – майдана, отметив независимый характер казаков и их отвагу. Живой и красочный язык описания позволил составить детальную картину жизни казачества.

10 сентября покинули Михайловскую и вышли на астраханский тракт.

При впадении речушки Казарка в Хопер осмотрели небольшую плотину и два водяных колеса: одно вращало жернова мельницы, другое – крупорушку, где очищалось просо. Таковую же мельницу видели у станицы Урюпин, на устье р. Елшанка. Эта станица была беднее, с соломенными крышами без труб. Но именно в ней проходили ежегодные осенние ярмарки, на которые съезжались купцы из больших русских городов, особенно из Москвы и Тулы, а также турки из Крыма, татары, калмыки, армяне и грузины с разными товарами. Здесь закупали припасы на целый год. Казаки продавали вино, водку, мед и пиво. В озере, в которое за версту от Урюпина втекает Хопер, в пору разлива ловили много рыбы.

От станицы Лавикинской группа несколько верст продвигалась по дороге бок о бок с отрядом казаков, направлявшихся в район военных действий, – второй год шла Русско-турецкая война. Это навело Гильденштедта на мысль о примечательной для России близости Беллоны – богини войны и Флоры – богини цветов. Такое едва ли возможно в других странах, где правители, занявшись войной, забывают о науках.

Ночь на 12 сентября провели в станице Епикинской. Более полусотни казаков отсюда ушли на войну, остались лишь подростки и инвалиды, поэтому на полевые работы нанимали русских. За лето они получали 8–9 р. и бесплатную еду. От станицы Луковской, расположенной на меловых холмах, дорога шла в открытую степь. Здесь встречались казаки, собиравшие корень солодки – средство от кашля. За станицей Провоторовской, к востоку от Хопра, где были низкие луга и мелкие озера, видели много горностаев и ласок. Рассказывали, что зимой их ловят капканами. Заночевали в Провоторовской.

Здесь же остановился и обоз в несколько сот подвод, который вез соль из оз. Эльтон в город Велюйки на Украине.

На широком тракте за Провоторовской встретили казаков с длинными подводами – "качалками", груженными виноградом, который везли из-под Черкаска на ярмарку в Урюпин. Крупные красно-синие гроздья, сложенные пластинами с прокладками из камыша, казались такими свежими, будто только что были сорваны, хотя в пути находились уже шестой день.

Вскоре дорога отклонилась от Хопра и пошла вдоль р. Бузулук. Здесь кончалась степь. Переехали мост и заночевали в станице Алексеевской. На следующий день изучали берега р. Бузулук, берущей начало в 10 верстах от Алексеевской. В холмах, тянувшихся вдоль реки, обнаружили известковый мергель и мел, а в нем нашли позвоночную кость какого-то животного и кусок аплита, заостренного с двух концов. На этих холмах Гильденштедт записал около 30 видов растений. Его внимание привлек редкий водяной резак – морская наядка (*Najas marina*). Кроме того, Гильденштедт описал здесь новую разновидность полевой мыши, похожей на домашнюю, но с когтем на передних лапках и черной полосой на спине. Он назвал ее луговой мышью (*Mus pratensis*). Встречался и зеленый дятел, отличавшийся от обычного тем, что макушка у него зеленая, а не красная.

В грозовую ночь в небе стояло красное свечение, которое можно было принять за северное сияние, нехарактерное для этих мест. Это явление навело Гильденштедта на мысль о грозном электричестве как

³⁴ СПбФ АРАН. Ф. 1. Ф. 1. Оп. 3. № 24. Л. 61–62 об.

³⁵ Там же. № 53. Л. 137–138 об.

причине северных сияний. Поездка по окрестностям на следующий день после ливня была трудной. Лошадь не раз спотыкалась и сбрасывала седока в грязь. Дождь не прекращался. Пришлось задержаться в Алексеевской и заодно привести в порядок коллекции собранных растений. На полях попадалось много дроф, на одном из озер видели лебедей. Гильденштедт подробно описал сукновалку, работавшую на р. Бузулку. 18 сентября покинули Алексеевскую.

Дорога вскоре вышла к большому Чаплину озеру. Затем путешественники свернули с тракта к Хопру, в сторону Зотовской красивой станицы, в которой было примерно 300 домов с лубяными крышами, трубами, но без садов. На окрестных холмах росли дубы, клены, барбарис. На ближайших озерах водилось множество диких гусей. От звука выстрела в воздух поднимались тысячи птиц, так что становилось почти темно. Много встречалось также уток и журавлей.

Следующая станица – Кумылженская – была перенесена сюда с западного берега Хопра – этот крутой меловой берег был неудобен для жилья.

В течение трех дней изучали окрестности станицы. Отметили неизвестную разновидность ириса на берегу – Гильденштедт назвал ее *Iris desertorum*. Дома в станице были покрыты камышом, который везли сюда с Чаплина озера. Выехали из станицы 23 сентября.

Ночью выпал первый снег. На следующий день принялись изучать геологические слои на соляных участках, брали пробы, обрабатывали различными реактивами. Приготовили из барбарисовых ягод сок, очень полезный при воспалениях.

От почтовой станции тракт вел на юг, к Царицыну, но экспедиция повернула на юго-запад. Вблизи мызы Березки, под станицей Усть-Медведской, изучали течение р. Медведицы, которая лет 40 назад проложила себе второе русло, разделившись на Старую и Новую протоки. Новая была широкая, но очень мелкая – у самого устья можно было переехать на лошади. У устья старого, северного русла на высоком берегу стоял небольшой монастырь – резиденция архимандрита. Из-за частых наводнений 30 лет назад Усть-Медведская была перенесена с восточного берега Медведицы на берег Дона. Ширина Дона здесь составляла примерно 300 шагов. На обоих берегах преобладали листовенные рощи, дуб. В реке и озерах водилось много всякой рыбы. Гильденштедт впервые увидел разновидность окуня, еще не известную зоологам, которую именовали "балчок". Ее описание позднее было опубликовано в 19-м томе "Новых комментариев" Академии наук, и там она получила название *Perca tanicensis*. Еще один выловленный окунь показался отличным от распространенного *Lucioregca*. Гильденштедт нарек его *Perca secreta*. По словам местных жителей, в Дону попадались сазаны, стерлядь, осетры и белуги. Исследовав воду Медведицы 11 реагентами, предположили наличие в ней глауберовой соли.

30 сентября переправились через Дон и посетили монастырь с кирпичной церковью и деревянными жилыми домами. На чистом песчаном берегу увидели бобовичник в цвету – до сих пор Гильденштедт в России его не наблюдал. Кроме того, встречались дуб, береза, осина, черный

тополь, робиния барбарис, боярышник, дикие яблони и груши. Все древесные растения были низкими, кустообразными. Издали в степи можно было увидеть диких коз. Домашних коз в станицах не держали, но овец было много. Возле Усть-Медведицы Гильденштедт наблюдал и подробно описал машину для отжимки воска из медовых сот.

Пока Гильденштедт вел наблюдения, в Академии наук изучали присланное им с берегов Хопра описание "слепца". Согласно протоколу Конференции от 2 октября, академики Вольф и Гертнер доложили, "что присланное недавно доктором Гильденштедтом описание *Spalax microphthalmus* – замечательное и превосходно написанное сочинение, заслуживающее во всех отношениях похвалы самых больших знатоков". Затем директор Академии граф Орлов предложил "доктора Гильденштедта за его неизменно проявляемое рвение и достигнутые познания в натуральной истории произвести в адъюнкты Академии"³⁶. Все единодушно за это проголосовали, и Гильденштедт был назначен адъюнктом "со всеми связанными с этим званием прерогативами".

Затем был прочитан девятый отчет Гильденштедта из Новохоперской крепости от 20 августа. Было решено сообщить исследователю, что Академия разрешает ему перезимовать в Кизляре и просит передать то же Гмелину, обсудив с ним дальнейший маршрут. На просьбу Гильденштедта прислать астрономические инструменты Академия ответила отказом³⁷, поскольку в то время несколько астрономических экспедиций Академии наук вели наблюдения за прохождением Венеры по диску Солнца.

Итак, Гильденштедт приобрел наконец официальный статус адъюнкта Академии. Следует заметить, что возглавляли академические отряды в экспедициях обычно профессора или академики, в редких случаях адъюнкты. Лепехин, например, стал адъюнктом незадолго до отправки экспедиции. Случай с Гильденштедтом беспрецедентный – отряд возглавил молодой ученый без академического звания, т.е., строго говоря, – не член Академии.

Гильденштедт о своем новом статусе узнал из письма Эйлера от 15 октября. В нем также говорилось, что намерение Гильденштедта назвать растение именем графа Орлова не встретило одобрения, так как не совсем ясно, действительно ли оно новое. Впрочем, Орлов благодарил за честь, оказанную его персоне³⁸.

Свою благодарность за присвоение звания адъюнкта Гильденштедт выразил в письме Эйлеру от 20 декабря. В этом же письме он сообщил о своем желании поехать в Грузию³⁹. Гмелин, написавший Эйлеру в тот же день, заметил: «Я не мог с чистой совестью поздравить его с адъюнктурой. Я мог бы сказать за него "спасибо" за эту честь, если бы не считал такую должность слишком скромной для столь достойного и ученого человека»⁴⁰.

Усть-Медведицу покинули 1 октября. Попадались верстовые столбы –

³⁶ Протоколы. II С. 706.

³⁷ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. № 5. Л. 32–37.

³⁸ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. № 54. Л. 116–117 об.

³⁹ Там же. № 24. Л. 66–67.

⁴⁰ Там же. Л. 69–70 об.

это была старая дорога от Царицына к Дону, по которой, говорили, Петр I возвращался из Прутского похода. Новый почтовый тракт из Москвы на Царицын отходил от Дона на 20 верст и был проложен в глубоком песке. Вдоль восточного берега Дона тянулись два больших озера. Роспопинское озеро изобиловало карпами, щуками, окунями, линями и особенно сомами размером в полторы сажени и более. На земле видели много нор в два дюйма шириной, принадлежащих, по словам жителей, земляным зайцам. Ночевали на хуторе Щучкином недалеко от станицы Роспопинской. К вечеру 2 октября прибыли в хутор Коловертный у станицы Прыкопская.

4 октября за станицей Кременской снова вышли на почтовый тракт. Вдоль дороги к станице Новогригорьевской росли красивые деревья. Это был можжевельник, ягоды которого употребляли для курения и приготовления спиртного напитка, – единственное вечнозеленое дерево в здешних местах. В озерах росла кура, которой покрывали крыши вместо соломы.

Ночи стали холодными, на землю лег снег. 5 октября выехали из Новогригорьевской, дорога вела от Дона в степь. Ночевали в станице Иловлинской. В этой станице около 33 домов, много больших, с широкими окнами и трубами. Из-за весенних наводнений дома подняты от земли примерно на сажень; то же самое видели и в Качалинской.

Исследовав воду Дона 12 реакентами, Гильденштедт заключил, что она в этих местах очень чистая и здоровая, содержит лишь немного извести и мела, мало поваренной соли и не имеет других соляных примесей. Забросив сети, выловили 12 видов рыбы. Местные жители рассказывали, что зимой ловят стерлядь, осетра и белугу; севрюга сюда не поднимается, но ее много под Черкасском.

В Иловлинской Гильденштедт привел в порядок собранные семена и занес в дневник сведения о казацких поселениях по рекам Хопру, Бузулуку, Медведице и Дону. Всего он насчитал 120 станиц, в которых живут примерно 50 тыс. служилых казаков (в среднем по 400 в станице) и занимают в общей сложности более 190 тыс. кв. верст, т.е. почти 4 кв. версты на каждого служилого казака. В этих записках обобщены наблюдения за хозяйственным укладом казаков, их бытом, питанием, состоянием здоровья. Гильденштедт обращал внимание и на внешний вид казаков, их одежду, украшения. Приложен к описанию и список растений, изученных в 1769 г. по Хопру и Дону, – всего более 500 названий.

10 октября путешественники покинули землю донских казаков. Ехали по юго-восточному берегу Дона, встречали много озер. Рыбаки вытаскивали из них так называемую "бадягу" – порошок, сделанным из нее, женщины натирали лицо, чтобы щеки румянились.

У Качалинской вышли на дорогу Черкасск–Царицын, переехали Дон на большой плоской лодке, свернули к югу в сторону рек Тышена и Саркарка (последняя в верховьях называлась Грачевская, а у самого устья – Паншинка). К вечеру достигли крепости Грачи. Гильденштедт осмотрел и описал крепость с ее длинным валом и рвом – это была скорее целая система крепостей, завершаемая Царицыном. Оказалось, что она относилась к Астраханской губернии, а не к Воронежской, как ошибочно полагал А. Бюшинг. Крепость устанавливала границу кочевьям калмыков и татар.

По дороге на Царицын изучали степные растения. В одном из оврагов текла речушка Мечетка, собиравшая воду из многих ключей. Исследовали воду и окрестную почву. Жители рассказывали, что губчатый ствол узколистного рогоза, росшего по берегам Мечетки, содержит приятный сладкий сок. Особенно им любила утолять жажду молодежь на сенокосе. Повилику, которой много росло в оврагах под деревьями, собирали и корни ее употребляли в домашнем хозяйстве и в красильнях для получения краски красного цвета ("марены"). Там же встречался дикий хмель, который используют в пивоварении.

В отчете в Академию наук, датированном 29 октября и отправленном из Царицына⁴¹, Гильденштедт сообщал, что в пути от Новохоперской крепости до Царицына он обнаружил много дефектов на карте академического Атласа российского (1745 г.). Многие поселения казаков там не указаны, а вместе с тем есть устарелые и искаженные названия, каких никто здесь не знает. В целом же, считал он, эта земля хоть и мало населена, но не так пустынна, как это выглядит на карте. Гильденштедт послал в Академию карту со своими исправлениями.

Отчет содержит детальные сведения о растениях, встречавшихся в пути и на экскурсиях, а также описание не известного науке растения, которое он назвал именем С.П. Крашенинникова. В отчете об этом сказано так: «Я дал определение этому растению и описал его под названием "Крашенинниковья" в память о покойном профессоре Крашенинникове. Почти всем ботаникам, имевшим в прошлом заслуги в изучении русской флоры, посвящен какой-нибудь род растений. Мне кажется, будет справедливо воздвигнуть такой же памятник и этому заслуженному человеку, который к тому же вошел в историю науки как первый ботаник из русского народа»⁴².

Наблюдая по дороге на Царицын жизнь и труд землепашцев, Гильденштедт размышлял о крепостном праве. Свои выводы на этот счет он высказал в письме к Миллеру 14 ноября: "Меня удивляет, что в России ставят вопрос, что лучше, чтобы крестьянин был крепостным или свободным. Благополучие однодворцев и казаков ясно показывает, что последнее лучше»⁴³.

В Царицыне. Путь на Астрахань и Кизляр

В Царицыне отряд пробыл с 14 октября по 23 ноября 1769 г. Лепехин проезжал здесь на восемь недель раньше, а Гмелин – за три недели до Гильденштедта. Через несколько дней отправлялся эскадрон карабинеров на Кавказ, но Гильденштедту сказали, что с ними идти трудно и опасно – можно завязнуть в снегах. К тому же всех лошадей забрали для прови-

⁴¹ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. № 5. Л. 43–50 об. Читан в Конференции 14 декабря.

⁴² Там же. Л. 46 об.

⁴³ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 3. № 118. Л. 15 об.

антских обозов, а Гильденштедту требовалось не менее 30, так как предстояло везти продукты на три недели, фураж для лошадей, а часто и воду.

Здесьшний комендант Иван Ермолаевич Цыплетов показывал Гильденштедту шелк с плантаций, расположенных в 25 верстах от Царицына, на восточном берегу Волги, и принадлежавших казне. Никто не знал, когда и кем были посажены эти шелковицы. Шелк был превосходный, много лучше персидского. Цыплетов сказал, что купцы готовы платить за него по 200 р. за пуд, в то время как за персидский отдают 120. Но весь шелк отсылался ко двору.

Гильденштедт заметил, что степь между Доном и Волгой имеет значительную высоту над уровнем воды, и, следовательно, канал между реками длиной около 60 верст пришлось бы рыть очень глубокий. Огромные трудности при этом представлял бы слой песчаника, который он наблюдал в берегах Дона, Мечетки и здесь, на Волге, где этот слой отстоял много дальше от воды. Понижается ли он с запада на восток, или уровень Волги ниже, чем Дона?¹

В Царицыне Гильденштедт встретился с морским офицером и часовым мастером, которые должны были здесь дожидаться П.Б. Иноходцева, чтобы помогать ему в астрономических наблюдениях, а также с лейтенантом Христофором Эйлером, сыном Леонарда Эйлера (Л. Эйлер в 1741 г. переехал из Петербурга в Берлин, а в 1766 г. с тремя сыновьями возвратился в Россию). Х. Эйлер производил астрономические наблюдения в Орске на р. Яик, в Астрахани и теперь направлялся в Черкасск, чтобы определить географические координаты этого города. 23 октября сюда прибыл и Иноходцев.

Исследуя рыболовство на Волге, Гильденштедт установил, что стерлядь, севрюга, белуга и осетр, принадлежащие к роду осетровых (Acipenser) в литературе нечетко, поэтому он принялся за детальное их описание. Стерлядь вообще не имела немецкого названия — ее до сих пор встречали только в России.

17–18 октября Гильденштедт совершил поездку в немецкую колонию гернгутеров (религиозное и общественное движение, получившее название от местечка Гернгуте в Саксонии) Сарепты, основанную в 1765 г. Жили там 120 человек, занимались ремеслами. На р. Сарпе была мельница; чтобы в ней была вода в сухое лето, в нескольких верстах вверх по реке построили плотину для задержки весенних вод. Было здесь и другое примечательное сооружение — от источника, протекавшего недалеко за поселком, проложили под землей деревянные трубы к центру поселка, где вода била фонтаном высотой в 4 фута и скапливалась в крытом бассейне. Немного выше бассейна из главной трубы отвели трубы в каждую кухню. Избыток воды из бассейна отводился для поливки огорода².

¹ Между тем строительство канала между Волгой и Доном начиналось еще при Петре I, в 1710-е годы, но было заброшено. В 1767 г. в правительственных кругах вновь стали подниматься разговоры о канале.

² Более детальное описание Сарепты дал С.Г. Гмелин. Оно вошло в т. 2 его четырехтомного сочинения "Reise durch Rußland zur Untersuchung der drei Natur-Reiche. SPb., 1774. Bd. 2. S. 14–30. О создании этой колонии и ее истории см.: Клаус С. Наши колонии. СПб., 1869. С. 56–100.

За Царицыном, недалеко от комендантского сада, где, кроме винограда, росли вишни, яблони, сливы, Гильденштедт осмотрел развалины древнего татарского поселения — четырехугольнички из песчаника. Видимо, селение было просто недостроено, так как нигде не было обвалившихся стен.

О местных калмыках Гильденштедт узнал, что они покупают муку из той, что сюда везут вниз по Волге, а также цветные платки, ткани, сапоги, металлическую утварь, а продают знаменитые черные овечьи шубы по 20–30 р. Врач колонии рассказал Гильденштедту о болезнях калмыков. Особенно распространены были ангина, пневмония, плеврит, туберкулез.

Узнав, что между Царицыном и Дмитриевском тоже живут казаки, которых называют волжскими, Гильденштедт решил познакомиться с их жизнью и 8 ноября отправился в их главную станицу Дубовку. Оказалось, что это те же донские казаки, которые в прежние времена переселялись сюда только на лето, а зимой возвращались на Дон. Но в 1734 г. их выделили в отдельное Волжское войско со своим атаманом. Всего их было около 2000 казаков, 6 станиц, занимавших примерно 100 × 60 верст земли между Царицыном, Дмитриевском, Волгой и Иловлей. Гильденштедту довелось даже обедать в Дубовке у пожилого войскового атамана Макара Никитича Порзицкого. Словоохотливый старик весь вечер занимал гостя рассказами о своей службе и подвигах в войнах с персами и шведами при Петре и как он сражался с турками. Выпив свой чай, гость немало подивился тому, как казаки в доме, где он ночевал, утром осушили по дюжине ковшей водки с солью и перцем (ковш емкостью почти в унцию) и притом не были пьяны.

В Царицыне Гильденштедт был в русской семье на крестинах. Забавным показался ему обычай — в конце пира отец должен был проглотить ложку рисовой каши, сверху посыпанной сахаром, а в середине с солью и перцем. Гостю объяснили, что это означает, как обошлось матери рождение ребенка: сначала сладко, а потом солоно и горько.

14 октября в Царицын приехал Фальк, он собирался здесь перезимовать. А 22 ноября Гильденштедт получил из Академии наук долгожданный ответ на свои восьмой и девятый отчеты³. Из этого письма он узнал о своем избрании 2 октября в число адъюнктов и о разрешении ему зимовать в Кизляре.

Покидая Царицын, Гильденштедт занес в дневник краткое описание города, сведения по его истории. Он отметил, что за городом есть минеральный источник с очень приятной питьевой водой, которую он пил ежедневно все шесть недель и, как ему казалось, благодаря этому превосходно себя чувствовал.

Оставив Царицын 24 ноября, Гильденштедт посетил еще раз Сарепту. Недалеко от колонии он повстречал двух колонистов, которые жили с калмыками в одной кибитке, кочевали с ним по степи, изучая их язык, обычаи и нравы, чтобы стать в колонии переводчиками. От них Гильденштедт узнал о разделении калмыков на "белых" и "черных", т.е. на

³ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. № 54. Л. 116–117 об.

знатных и чернь. Первые, овладевшие грамотой, врачевали, правда исключительно заклинаниями, за что больной должен был иногда расплачиваться всем своим имуществом. Хан и князья имели огромную власть – им принадлежали от сотни до нескольких тысяч кибиток. Гильденштедт и сам побывал у калмыков, видел, как они сушат мясо на зиму – полосами тонкими, как ремни. Ели мясо только умерших животных, убивали скот редко, лишь в случае крайней нужды.

Из Сарепты Гильденштедт со своей группой двинулся в сторону Астрахани. В станице Поповицкой осмотрели ватагу – несколько домов, где солили рыбу и икру. Ватага принадлежала купцу Ершову. Назавтра у форпоста Мазанская переправились через небольшую речку Вязовку с горько-соленой водой, как в Медведице. Езда по скованной морозом глине была тяжелой – то и дело у телег ломались оси. 26 ноября прибыли в укрепление Черный яр. На форпостах или станциях посменно, в течение трех месяцев, жили 25 донских казаков, каждый держал два коня. Наши путешественники заночевали вместе с казаками в их землянках, вырытых в высоком берегу Волги; для лошадей были сделаны сараи из ивовых прутьев. В Черном яре Гильденштедт посетил коменданта полковника барона фон Гольца, осмотрел и коротко описал укрепление с восемью батареями, окруженное валом и рвом. Здесь стояла рота царицынского батальона из 120 человек.

29 ноября доехали до Грачевской – одной из семи новых станиц, основанных недавно на Волге между Черным яром и Астраханью; в ней проживало 50 семей. 30 ноября прибыли в станицу Енотаевскую. Лед уже на Волге стал. В небольшом укреплении пришлось чинить 10 сломанных колес.

2 декабря направились вдоль р. Енотаевки – рукава Волги. В двух местах видели сплошные стенки, перекрывавшие русло, с коническими отверстиями, в которые рыба могла только входить. Между двумя сетями скопилось множество осетровых рыб, которых здесь держали до зимы, чтобы свежими заморозить. 2 декабря ехали вдоль другого рукава – Кацказарки. Степь изобиловала жаворонками двух видов. Один оказался не известным науке, и Гильденштедт описал его, дав название *Alauda atra*. Эта птица, как говорили местные жители, появляется здесь, когда выпадает снег. Поэтому и прозвали ее "зимник". Ловят птиц силками из конского волоса, у них жирное вкусное мясо.

Сухая соленая степь на всем пути от Царицына до Астрахани радовала глаз натуралиста. Деревья на волжских берегах и островах были низкорослые, непригодные для строительства. Дома в новых станицах строили из щитов, заполненных тонкими прутьями и обмазанных изнутри и снаружи глиной. Крыши тоже были обмазанные, глина почти не размывалась редкими в этих местах дождями, тем не менее в домах всегда было сыро. Земли здесь неплодородны, казаки сеяли только просо. Скотоводством они не занимались, так как степь у Волги все лето занимали стада калмыков, которые зимой уходили на Куму.

Волга под Астраханью уже пять дней была покрыта тонким льдом. 4 декабря наши путешественники очутились на западном берегу Волги, в районе калмыцкого базара, или мены. Пришлось переправляться по

тонкому льду. Грузы со своих шести подвод перераспределили, наняв еще шесть у калмыков. У берега тянулась полоса воды в 50 шагов шириной, которая поднималась надо льдом на 2 фута. Калмык в высоких кожаных штанах, соединенных с сапогами, переносил пешеходов на спине. Наконец, достигли сухого льда и, проехав по нему 2,5 версты, добрались до Астрахани. Губернатор отвел экспедиции дом в армянской слободе. Ехали мимо кремля, повсюду виднелись следы пожаров – их было несколько за последние годы. Но армянская слобода почти не пострадала. Подводы застревали в грязи так, что их приходилось разгружать. На квартире Гильденштедта ожидала радостная встреча с Гmeliном, который прибыл в Астрахань на несколько недель раньше и жил поблизости.

Во время пребывания Гильденштедта и Гmeliна в Астрахани 28 декабря в Академию были доставлены два ящика с натуралиями, которые Миллер отправил из Москвы. Это были коллекции Гmeliна, Гильденштедта (вероятно, посланные еще из Царицына) и Палласа. Вместе с ящиками были привезены два живых сурка, которых в пути кормили хлебом и молоком. Грузы были привезены к дому Эйлера⁴.

В Астрахани Гильденштедт привел в порядок свои волжские ихтиологические наблюдения и написал в Академию наук 11-й отчет, датированный 20 декабря⁵. Особое внимание в нем уделено рыбам рода осетровых. В Волге исследователь обнаружил несколько совсем неизвестных видов. Пять из них – стерлядь, севрюга, шипу, осетра и белугу – он тщательно анатомировал и описал, придя к выводу, что число крупных чешуек, которые до сих пор считали видовым признаком, сильно варьирует и таковым признаком быть не может. Отдельно Гильденштедт описал белорыбицу, до тех пор не известную ученым. Он объяснил в отчете, почему не воспользовался указанным ему маршрутом на Кизляр, а поехал на Астрахань: поездка степями в это время года уже была очень тяжелой. Гильденштедт сообщил также, что составил карту нижней части Волги, исправив многие недостатки Атласа российского и маленького путевого атласа. С отчетом он отправил в Академию и составленный им вместе с Гmeliном план дальнейшего путешествия⁶ и описание зверька под названием "перегузна"⁷.

Из того же отчета мы узнаем, что Академия не советовала Гильденштедту называть открытое им растение именем Орлова. Растение, которое он хотел назвать именем Крашенинникова и считал совершенно новым, по прибытии в Астрахань нашел в т. 3 "Flora Sibiriae" Гmeliна-старшего. А тот, будучи еще участником академического отряда Второй

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 1. № 38. Л. 4, 5.

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. № 5. Л. 51–55. Читан в Конференции 29 января. См.: Протоколы. II. С. 728.

⁶ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 1. № 82. Л. 17–17 об. В плане указано, что наблюдения Гmeliна и Гильденштедта по пути из Воронежа до Астрахани во многом совпадали, так как проходили в землях, сходных по природным условиям, но это не умаляет их значимость. Дальше же путешественники намеревались разойтись: Гмелин – по Каспийскому морю в Персию, Гильденштедт – в глубь Кавказа.

⁷ Рукопись статьи "Pereghusna, nova mustelae species" сохранилась при черновике отчета (СПбФ АРАН. Р. 1. Оп. 100. № 3. Л. 75–81). Чучело этого зверька значилось в коллекции под № 149.

Камчатской экспедиции, изучил и описал растительный мир Сибири. У Гильденштедта с собой были только первых два тома этой редкой книги, поэтому он просил Академию прислать ему 3-й и 4-й. Увидел же он т. 3 в Астрахани у Гмелина-младшего в рукописи. А у Линнея описание этого растения было очень неясным.

При черновике 11-го отчета сохранилась копия совместного письма Гильденштедта и Гмелина астраханскому губернатору от 8 декабря 1769 г. с вопросами о порядке проезда в персидские владения по Каспийскому морю до Астрабада. В ответном "Объяснении"⁸ сказано, что русским купцам во всех указанных местах "больших озлоблений от персиян не причиняется", что предварительного разрешения от губернаторов не надо – достаточно иметь рекомендательное письмо от астраханского губернатора.

21 декабря Эйлер отправил два письма, Гильденштедту и Гмелину, с сообщением, что Академия одобряет его намерение выйти за границы государства, но предписывает соблюдать особую осторожность и из открытий в области металлов оглашать только самые общие сведения⁹.

В Академии наук, где 11-й отчет был зачитан в Конференции 29 января 1770 г., было поручено академику Гертнеру изучить статью Гильденштедта о "перегузне". 5 февраля Гмелину и Гильденштедту сообщили, что их план путешествия одобрен и императрица отдаст приказ губернатору Астрахани позаботиться о корабле для Гмелина, а путешественникам повелела не проявлять излишней отваги и во всем советоваться с губернатором¹⁰.

В письмах Гильденштедту от 8 и 11 февраля 1770 г. Эйлер написал о том, что лучше было бы в Крыму представиться купцом или каким-нибудь частным лицом, но не ученым, и что разрешено потратить 100 р. на подарки. Академия очень довольна исправлениями географических карт и предлагает то же самое делать и дальше. От присвоения растению имени Крашенинникова рекомендовано воздержаться¹¹.

Следует отметить, что недавно был восстановлен приоритет Гильденштедта в определении самостоятельности рода растения *Krascheninikovia Gueldenst.* (См.: *Н.Н. Цвелев*. Заметка о маревых (*Chenopodiaceae*) Восточной Европы // Укр. ботан. журн. 1993. Т. 50, № 1. С. 78. На основании этой статьи С.К. Черепанов в книге "Сосудистые растения России и сопредельных государств" (СПб., 1995. С. 355) также признал самостоятельность этого рода.) В "Flora Rossica" П.С. Палласа встречается более 10 ссылок на Гильденштедта. За эти сведения автор признателен старшему научному сотруднику Ботанического института РАН А.К. Сытину.

⁸ СПбФ АРАН. Р. 1. Оп. 100. № 3. Л. 73–74 об.

⁹ Там же. Ф. 1. Оп. 3. № 54. Л. 148–150 об.

¹⁰ Протоколы. II. С. 728, 729–730.

¹¹ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. № 56. Л. 17–19.

По Тереку

Гильденштедт из-за холодов думал задержаться в Астрахани, но узнав, что в январе 1770 г. предполагалась отправка отряда гусар с Терека в Грузию, решил поспешить, чтобы присоединиться к ним, так как трудно было рассчитывать на охрану из казаков.

Астрахань покинули 13 января 1770 г. Миновали несколько пресных озер и соленое Белое озеро. 20-го вышли к восточному берегу Кумы и через три дня достигли крепости Кизляр. Дорога была трудной – кроме форпоста Башмачок, не попало на пути ни одного жилья, ни полена дров. Холода стояли необычные для этих мест. Взятые из Астрахани калмыцкая юрта и немного дров не спасали. Чучельщик Тарбаев, давно страдавший от цинги, теперь еще и обморозил пальцы на ногах. В 12-м отчете в Академию наук, написанном из Кизляра 30 января¹, Гильденштедт рассказывает о злоключениях Тарбаева. Он отморозил ноги во сне и сказал об этом только тогда, когда началась гангрена, а так как организм был сильно ослаблен, гангрену с трудом удалось остановить. В Кизляре пришлось его оперировать. Чтобы ободрить его в несчастье, Гильденштедт просил Академию повысить ему жалованье.

Кума не была покрыта льдом, у реки зимовали в большом количестве утки, цапли, бекасы. Чтобы познакомиться с районом Терека, Гильденштедт решил поехать в Моздок вместе с офицером, который был послан к горцам, живущим в 80 верстах от Моздока, чтобы принять у них присягу русской короне. Отправились 20 февраля по левому берегу Терека, через станицу Бороздинскую, перед которой миновали разлившийся по весне канал, соединявший два рукава Терека. Навстречу попадались женщины со связками свежей марены, корни ее были очень толстые с крепкой красной кожей. В Новоглядковской Гильденштедт встретился с генерал-майором И. фон Медемом, который позднее не раз помогал ему в ходе дальнейшего путешествия.

В здешних местах речную выдру ловили рыбацкой сетью. Гильденштедт попросил принести ему зверька, которого казаки называли порешник, и описал его. В близлежащих лесах росли ели, дубы, омелы были в полном цвету, поляны пурпурным ковром покрывал кобзалец, у станицы Червленной уже зеленело поле пшеницы.

В Моздок прибыли 25 февраля. В форпостах перед городом по 20 казаков ютились в простых землянках, только в последнем, Донском стоял небольшой деревянный дом. В окрестностях Моздока, в лесу обитали скворцы, пестрые дятлы, черные дрозды, разные дрофы, серые дятлы, крапивники, зяблики. В степи летали черные жаворонки. Но водяных птиц на реке не было видно.

2 марта Гильденштедт отправился с офицером в горы, к югу от Моздока, в сторону Малой Кабарды. Сначала дорога шла открытой степью, через 20 верст показалось первое селение, принадлежащее князю Кургукову (Кургоке Кончокину), который несколько лет назад перешел

¹ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. № 5. Л. 55–56 об.

под власть России и принял христианство. Его вдова жила в Моздоке, получала пенсию от России. Дальше шли селения князя Кайтука.

3 марта ехали опять степью, потом густым лесом с холмами и глубокими оврагами. Все было в цвету, и наш натуралист имел прекрасную возможность изучать это многоцветие. Вдали виднелись снежные вершины. Ночевали в зеленой долине у источника. 5 марта добрались до цели путешествия – местности между истоками Сунджи и Терека, у р. Кумбалей. С севера была граница с Малой Кабардой, с запада – с Осетией, с востока – с землями чеченцев, а с юга виднелись снежные горы.

Гильденштедт узнал, что ингуши выставляют примерно 5000 воинов. Они не подчинены какому-либо князю, а управляются выборными старейшинами и находятся под защитой кабардинских князей, но недавно через посредство коменданта Моздока полковника И.В. Неймча примкнули к России. Гильденштедт несколько дней пользовался их гостеприимством, расспрашивал об их занятиях – земледелии и скотоводстве, о быте, верованиях, обрядах, составил небольшой словарь. Все это он подробно описал в 13-м отчете в Академию наук, высланном из Кизляра 27 марта 1770 г.²

Снежные заносы помешали подняться в горы к старому храму, где жил "цанистаг" – жрец ингушей. Рассказывали, что там есть каменные статуи и надписи. Особенно Гильденштедт сожалел, что не смог увидеть местные минералогические редкости. Ему показывали образцы свинцового блеска, медной лазури и медной сини с вкраплениями.

По возвращении в Кизляр 9 марта Гильденштедт нашел здесь три письма из Академии наук. 23 марта он писал из Кизляра Эйлеру, с какой радостью он встретил известие о разрешенной ему поездке в Грузию: "Я считаю все опасности на этом пути не страшными и все трудности не тяжкими"³. Правда, в связи с набегами горцев по всему Тереку, кизлярской степи и предгорьям Кавказа требовалась большая осторожность.

Гильденштедт рассчитывал вместе с пограничными отрядами объездить Терек, Куму и Кубань и пробраться через горы в Грузию, к корпусу генерал-майора графа фон Тотлебена. Со снежных гор дули резкие холодные ветры, все члены экспедиции тяжело переносили непривычный климат и страдали от болей в груди.

В упомянутом выше 13-м отчете Академии Гильденштедт описал свои весенние наблюдения за местными птицами и рыбами, и особенно подробно – не известную науке рыбу, которую назвал *Syrpinus Chalcoides*, а также змей, встречающихся у Терека. Из ботанических объектов он особенно детально остановился на растениях-красителях, шелковице и винограде, приведя аргументы в пользу развития здесь шелководства и организации колонии.

Нестабильность обстановки не позволяла планировать действия. Гильденштедт записал в дневнике: "Неверность, коварство, хищность,

² СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. № 5. Л. 57–64 об. Читан в Конференции 31 мая 1770 г. См.: Протоколы. II. С. 747. В протоколе ошибочно записано, что читался в тот день 12-й отчет, а 11-й не получен. Следя по пометкам на отчетах, однако, можно видеть, что читался 13-й, а не получен был 12-й.

³ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. № 24. Л. 81–82.

хитрость, насилие и непостоянство кавказских князей не поддается никакому сравнению. Князь, который вчера торжественно перешел под власть России, завтра начнет плести интриги, а послезавтра станет открытым врагом. Не прояви я должной осторожности и осмотрительности, я наверняка стал бы мучеником естествознания"⁴. Пришлось ограничиться отдельными поездками из Кизляра.

В апреле ездил по Тереку и Куме, иногда углубляясь в горы. Казаки не могли давать лошадей для дальних поездок, пришлось купить 14 верховых лошадей. В начале мая вторично побывали в Моздоке. По дороге посетили два селения кумыкских татар Аксай и Андреево (Эндери), видели их рисовые поля и плантации шелковицы. За татарским селением Берагун (Брагуны), расположенным на р. Сундже, осмотрели теплый источник, описанный еще за полвека доктором Х. Шобером и названный им Петербадом. Часть пути прошли с И. фон Медемом, направлявшимся к чеченцам. За селением Девалтире обнаружили еще один теплый источник, который Гильденштедт назвал Катериненбадом. В Червленной встретились с полковником И.В. Неймчем и вместе с ним шли до Моздока, чтобы наметить наиболее удобные места для пяти новых станиц. По совету Гильденштедта полковник представил в Штатс-коллегию предложение и получил соответствующий указ о переселении сюда 500 семей волжских и 350 – донских казаков (по 150 семей на станицу), а 100 семей поселить в Моздоке. Предполагалось, что они будут развивать здесь хлебопашество, виноделие и шелководство.

26 мая Гильденштедт отправил из Моздока в Академию 15-й отчет⁵. Он сообщал, что во время приготовления к путешествию в Грузию у него возникли трудности с казаками, которые не привыкли уходить так далеко, да еще за пределы России. Ему пришлось купить 20 лошадей по 20 р. и нанять для присмотра за ними двух отставных гусар с жалованьем 6 р. в месяц.

В июне Гильденштедт сопровождал И. фон Медема в его походе против чеченцев. Пережили много опасностей, самой страшной был набег горцев на лагерь ночью 20 июня. Спасла артиллерия. Привлекала в этом походе возможность исследовать нефтяной источник, осмотреть основные еще при Петре I станицы, изучать строение гор и их растительный мир. Источник располагался на глинистом склоне гор, идущих от Сунджи. Наблюдение его 22 июня пришлось прервать из-за приближения отряда воинственных чеченцев. Конец июня прошел в исследованиях растений по Тереку, до его впадения в Каспийское море. В начале июля совершили поездку из Кизляра на 60 верст к югу в горы до с. Костек и дальше до редута Каргина, где стояла небольшая батарея из четырех пушек. Отсюда факелами извещали Кизляр о приближении враждебных горцев. Здесь находились и врач, который осматривал приезжающих из Персии,

⁴ *Güldenstädt J.A. Reisen durch Rußland und im Kaukasischen Gebirge. St. Petersburg, 1787. Th. 1. S. 153.*

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. № 5. Л. 65–68. Читан в Конференции 17 декабря. Эта дата проставлена на самом отчете, а 14-й в рукописях отсутствует. В "Протоколах" же записано, что 22 ноября читан 15-й отчет от 23 сентября, а 17 декабря – 14-й (Протоколы. II. С. 789, 794). Здесь явно какое-то недоразумение.

и таможенник, бравший пошлину с ввозимых товаров. Он же следил, чтобы не вывозилась русская серебряная монета. Таких редутов по правому берегу Терека было несколько.

В р. Койсу, на которой располагалось с. Костек (или Костеково), водились осетры, севрюги, сомы, карпы и жерех (или нос), но лососи, которые попадались в Тереке, сюда не поднимались. Жители селения – около 200 домов из обмазанных глиной прутьев – принадлежали князю Хамза из семьи Шамхалов. Он показал свою верность России и получил ранг капитана с жалованьем 100 р. в год. Князь был обязан конвоировать русских курьеров до Тарков, следить за безопасностью границ и докладывать кизлярскому коменданту. Гильденштедт прибыл к князю с письмом от коменданта и был принят очень любезно, тем более, что князь видел в нем врача. Князь жил в деревенском русском доме, пока строился дом из необожженного известняка, скрепленного глиной. Жители выращивали рис, солому на пшеничных полях не убирали, а жгли для удобрения, хлопок растили и на продажу, но шелк разводили только для себя. Рыбу для домашних припасов разрезали вдоль и вялили на ветру.

Посетив станицы, основанные Петром I, и Андреевский источник на Койсу, Гильденштедт 8 июля возвратился в Кизляр. Дальнейшим его поездкам помешала внезапная болезнь – "холодная лихорадка", осложнившаяся пневмонией. В результате пропало более двух месяцев прекрасного времени года и упущена возможность с корпусом генерала фон Медема отправиться на Кубань и через Кабарду в Грузию. Об этом Гильденштедт с горечью сообщил в Академию наук в 16-м отчете из Кизляра 23 сентября⁶. Но он надеялся все же прибыть в Тифлис к концу ноября, собрать за зиму все необходимые сведения, а в феврале наблюдать пробуждающуюся природу. Если бы он задержался в Кизляре на зиму, то смог бы добраться до Грузии только в мае. Прошлой весной здесь погибло от холода много русских солдат, направлявшихся к корпусу фон Тотлебена. Из-за болезни чучельщика Тарбаева собранные коллекции пока были невелики. Гильденштедт решил отправить Тарбаева в Астрахань к Соколову, чтобы он там нанял егеря и занялся изготовлением чучел.

22 октября покинули Кизляр и направились по левому берегу Терека в Моздок, куда приехали 28-го. Вскоре туда прибыл отряд из 90 солдат и 10 офицеров во главе с графом Муравьевым, который был резидентом в Грузии. Они пришли пешком, вид их был жалок – в узком ущелье у Терека на них напали осетины, отняли коней, оружие и всю поклажу. По словам Муравьева, в Тифлисе еще свирепствовала чума. Все это привело Гильденштедта к решению отложить поездку туда до весны, а пока возвратиться в Кизляр.

Снова прибыли в долину источников. В 15 верстах от Катериненбада обнаружили теплый источник, который Гильденштедт назвал Паульсбад, а в 10 верстах от него осмотрели нефтяные источники. Такие же источники видели недалеко от Петерсбада у устья р. Сунджи, за с. Берагун. Удалось побывать и у горячего источника близ чеченской деревни

⁶ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. №5. Л. 72–73 об.

Иссесу, который летом невозможно было посетить из-за враждебных действий чеченцев. Теперь они объявили себя верными подданными России, но берагунский князь Кучук мало полагался на эту верность и советовал Гильденштедту не только там не ночевать, но даже не заходить в какой-нибудь дом.

Остаток декабря и январь 1771 г. прошли в Кизляре. Приводились в порядок коллекции и записи. В 17-м отчете в Академию наук от 29 декабря⁷ Гильденштедт рассказал о причинах, заставивших его перенести поездку в Грузию на весну, и изложил результаты исследования минеральных источников анализа воды, причем сравнил его с анализом Х. Шобера, приведенным в т. 4 "Sammlung Russischer Geschichte". В описаниях даны предварительные медицинские рекомендации по использованию источников, приложена красочная карта района.

Ранней весной 1771 г. представилась еще одна возможность попутешествовать по Тереку. 10 февраля корпус И. фон Медема предпринял из Кизляра поход, чтобы обезопасить путь в Грузию от набегов осетин, и Гильденштедт присоединился к ним. Шли вдоль Терека до Червленной, там переправились и повернули по Сундже, через 140 верст снова повернули к Тереку, до границы с Осетией, у с. Верхний Чми. Здесь проходила дорога из Грузии, по которой экспедиция 11 марта двинулась обратно на Моздок. За месяц похода Гильденштедт совершил много вылазок в горы, посещал осетинские селения, нанес новые пункты на свою карту, сделал немало заметок, которые, правда, впоследствии не успел должным образом обработать (это сделал за него Паллас).

Восемнадцатый отчет в Академию наук, отправленный 26 марта из Кизляра⁸, содержит описание этого похода, сведения о народностях, населявших берега Терека, об их языках, верованиях. Подробно рассказано о старинном пещерном погребении на берегу Сунджи, как предполагалось, XVI в., о могильных камнях и развалинах мечетей. Гильденштедт высказал свои соображения о развитии виноградарства на Тереке, а также сообщил о своих минералогических находках в горах, на западном берегу Терека и у устья р. Нарзан: о кровельном, квасцовом и медистом сланцах, о железной руде, о мощных пластах свинцового блеска с содержанием серебра (последний он обнаружил в местности, где есть достаточно леса для доменного производства).

С отчетом были отправлены также копии инструкций для оставшихся в Астрахани Соколова и Тарбаева и план предстоящего путешествия: в мае перейти западную часть Кавказских гор, побывать в Имеретии и Мегрелии, дойти до Черного моря и затем направиться в Тифлис.

Во время этих весенних странствий в жизни Гильденштедта произошло важное событие, о котором сам он тогда и не знал. 18 апреля 1771 г. в академической Конференции было предложено произвести его в

⁷ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. № 5. Л. 74–81 об., 82 (карта). Читан в Конференции 8 июля. См.: Протоколы. III. О своем настроении Гильденштедт писал Миллеру 10 января 1771 г.: он будет осторожен, но "трудно противостоять, когда голос долга поддерживается мощным зовом души" (СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 3. № 118. Л. 27–29).

⁸ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. № 5. Л. 83, 83 об., 85–89 об.; план путешествия – л. 84, 84 об.; карта – л. 90. Читан в Конференции 4 июля. См.: Протоколы. СПб., 1900. III.

академики по натуральной истории. В протоколе записано, что, приняв во внимание его познания и заслуги перед наукой, его избрали единогласно⁹. Таким образом, Гильденштедт, отправившись в экспедицию без всякого ученого звания, за три года стал адъюнктом и академиком.

Задуманный на апрель отъезд в Грузию пришлось снова отложить, так как кубанцы¹⁰ напали близ Кизляра на большой русский отряд с двумя офицерами и всех перебили. Эту отсрочку Гильденштедт решил использовать, чтобы выполнить поручение директора Академии наук графа Орлова – проверить лечебное действие источников на Тереке. (Кстати, к Катериненбаду направлялся очередной военный отряд с двумя пушками.) Гильденштедт взял с собой 18 больных из кизлярского госпиталя. Путь продолжался более двух месяцев. В Катериненбад прибыли 22 мая. Но тут Гильденштедта поджидала беда – в начале апреля он тяжело заболел лихорадкой. Свои подробнейшие наблюдения за каждым больным он обобщил позднее, когда составлял описание всех изученных им источников. Лечение было прервано ровно через месяц – от кизлярского коменданта пришло известие, что кубанцы и черкесы выступили из Большой Кабарды, чтобы разрушить русские поселения на Тереке. Однако и за этот месяц Гильденштедт получил подтверждение своим предположениям – кавказские источники очень целебны при артритах, ревматизме, скорбуге, тяжелых лихорадках, старых ранах.

Девятнадцатый отчет в Академию наук, написанный Гильденштедтом в Катериненбаде 7 июня¹¹, был составлен под впечатлением полученного известия об избрании его академиком. Ответ начинается словами: "То обстоятельство, что Вы, мои господа, заметив мое стремление подражать Вашим лучшим примерам, сочли меня достойным звания члена Вашего сообщества, столь уважаемого в просвещенном мире, говорит больше о Вашей ко мне благосклонности, чем о моих заслугах. Будучи прекрасными ценителями человеческих способностей, Вы знаете, что лишь немногие смертные имеют достаточно сил, чтобы добираться до высот науки, которых достиг один только Эйлер, и еще меньше есть таких, которые способны довести до совершенства всю совокупность наук. И эти немногие, справедливо полагаясь на свою возможность поддержать ученого, без колебаний принимают в свои ряды людей более скромного дарования, в которых замечают лишь добрые устремления – к такому я причисляю себя".

Далее Гильденштедт говорил о своем горячем желании оправдать эту высокую честь, служить науке и на пользу государства. Здесь же сообщалось об эффекте лечения больных водами Катериненбадского источника и дается одобрительный отзыв о трудах студентов Соколова и Беляева и чучельщика Тарбаева.

1 июля Гильденштедт отправил еще один, 20-й отчет¹², посвященный также лечению больных в Катериненбаде.

⁹ Протоколы. III. С. 12.

¹⁰ Так назывались адыгоязычные народности, жившие на берегах Кубани.

¹¹ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. № 5. Л. 91–92. Читан в Конференции 5 сентября. См.: Протоколы. III. С. 31–32.

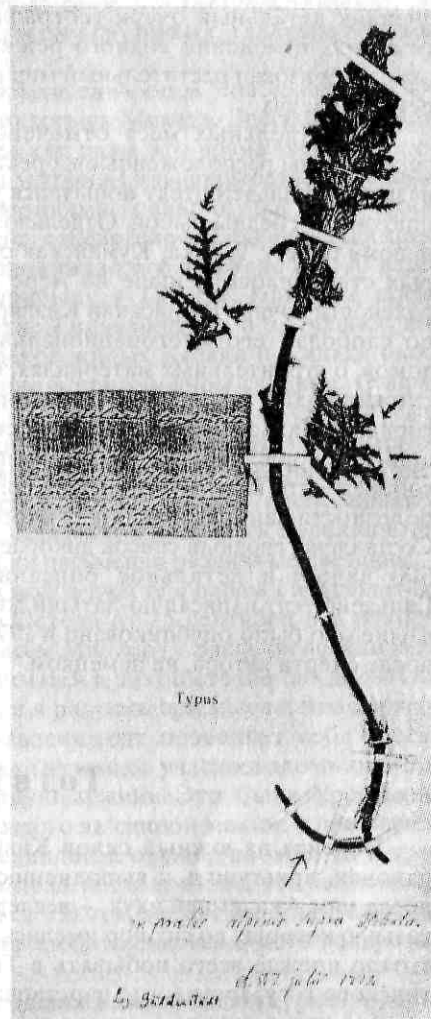
¹² СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. № 5. Л. 93–94. Читан 9 сентября. См.: Протоколы. III.

Гильденштедт собирался под защитой войска фон Медема подняться в горы вдоль рек Малка и Баксан и оттуда идти в Грузию, но генерал отговорил его, так как нависала угроза военных действий со стороны Большой Кабарды. Он передал путешественников на попечение князя Малой Кабарды Асланбека Тау-Султанова, вместе с которым 12 июля они вышли из Моздока и месяц совершали походы по северным склонам Кавказских гор, по течению р. Урух (Иреф). Отсюда через селение племени дигорцев можно было дойти до Имеретии, но пришлось бы одолевать крутые ледяные склоны и глубокие трещины. Почти все лошади сбили копыта и хромали – за подкову дигорцы требовали плату полотном и рубахами в таком количестве, какого у экспедиции не было. Пришлось вернуться на обычную дорогу, ведущую из Моздока через Осетию.

Трудности этого похода Гильденштедт описал в 21-м отчете из осетинского с. Нижний Чми, около 100 верст южнее Моздока¹³. Он сообщил, что сегодня отпустил старых проводников и что здесь придется ждать две недели, пока будут готовы семь мостов через Терек.

Гильденштедту удалось заручиться поддержкой и помощью осетинских старшин. Шли под защитой отряда из 24 терских казаков. Той же дорогой вели к грузинскому царю Ираклию сотню принятых на службу осетин.

С большим трудом и многими остановками перешли через снежные горы и к концу сентября добрались до Душета, где путешественников дружески встретил грузинский наместник князь Койхосро Чолокашвили. Гильденштедт решил здесь подвести итоги своим полугодовым исследованиям района Терека. Он составил и включил в свой путевой

Растение из коллекции
И.А. Гильденштедта (гербарий
Ботанического института РАН)

¹³ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. № 5. Л. 95–96. Читан в Конференции 10 октября. См.: Протоколы. III. С. 35.

дневник детальный очерк географии Терека, его рукавов и притоков, сезонных изменений водного режима, построенных каналов и плотин, охарактеризовал растительный мир на разных участках Терека, на мелких реках и озерах.

Для отдельных мест отмечено геологическое строение берегов, перечислены расположенные на реках селения, указано происхождение их названий. Гильденштедт попытался указать причины, почему Терек и его притоки так бедны рыбой. Отдельно описаны полоса русских поселений по левому берегу Терека, Куманская степь, ее плодородные участки, которых становилось меньше по мере приближения к морю и увеличения солености почвы. В описании Кизляра приведены данные о распределении по слободам его многонационального населения, сведения об облике домов, о строительных материалах, об укладе и быте гребенских казаков, сложившихся под влиянием жизни в горах и постоянных стычек с горцами. Гильденштедт высказал свои соображения о культурах, разведение которых в этих местах могло бы быть прибыльным, о целесообразности казенной торговли солью, дровами, строительным лесом, о полезности заимствования для этого края опыта венгерских виноделов. Составлены сводный список дикорастущих растений района Терека (более 500 видов) и детальное описание целебных источников, которое Гильденштедт написал по-латыни для Медицинской коллегии. На русском языке оно было опубликовано в 1777 г. в "Месяцеслове", а в 1782 г., уже после смерти автора, на немецком.

Год в Грузии

Перейдя на южный склон Кавказского хребта, Гильденштедт мог, наконец, приступить к выполнению второй части задачи, поставленной перед ним Академией наук, – исследованию природы и населения Закавказья, о которых до сих пор имелись лишь поверхностные сведения. Предстояло прежде всего побывать в Тифлисе – столице Картлийско-Кахетинского государства, где царствовал в то время Ираклий II, много сделавший для развития в стране ремесел, торговли, защиты ее от грабительских набегов соседей, сторонник дружественных связей с Россией.

Дороги к Тифлису были небезопасны, часто приходилось, кроме своих 24 казаков, пользоваться более сильной охраной. Чтобы облегчить общение с жителями гор и приобрести у них продовольствие, экспедиция запаслась большим количеством украшений, игл, рубах, полотен, ножиц, ножей и других товаров. В установлении контактов Гильденштедту очень помогла его репутация врача – он никому не отказывал в помощи. В Академию он сообщил о своем намерении основательно изучить грузинские провинции, на что потребуются по меньшей мере год, и просил у Академии на это разрешение¹.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. № 5. Л. 94–98. 22-й отчет читан в Конференции 9 января 1772 г. См.: Протоколы. III. С. 43.

В письме Миллеру из Душета от 25 сентября 1771 г. Гильденштедт рассказал о теплом приеме, оказанном ему грузинами, главным образом благодаря тому, что он "хакум" – врач².

Из Душета к Тифлису шли в сопровождении князя Чолокашвили и 800 его воинов. По дороге осмотрели монастырь Мцхета. Здесь неподалеку находился лагерь царя Ираклия, куда как раз в это время он прибыл со своей свитой. Здесь 15 октября царь устроил Гильденштедту аудиенцию со всеми причитающимися церемониями, заверив гостя в своем расположении и пообещав всяческое содействие³. С разрешения царя Гильденштедт со своим отрядом сопровождал его в походе на 120 верст вверх по Куре⁴, затем 14 ноября прибыли в Тифлис. Наконец, после полугода ночевок в поле и в палатке Гильденштедт и 12 членов его экспедиции обрели спокойное городское жилье. Казаки и лошади были поставлены на бесплатное содержание в пригородном селении. С ними остался студент Зряковский.

Царь Ираклий выполнил свое обещание и постоянно заботился об экспедиции. По его приказам отлавливались животные, присылались минералы. Сам он часто вел с гостем долгие беседы, рассказывал о стране, обсуждал военные события. Князья и наместники провинций на запросы Гильденштедта тоже сообщали письменно различные сведения.

Условия своей жизни в Грузии и поход вместе с царем Гильденштедт описал в письмах своему приятелю Остоди от 25 сентября и 8 ноября, копии которых сохранились среди писем Миллеру⁵. Здесь он восклицает: "Разве это было бы не грешно, относиться к такой стране без должного уважения?! Мне эта страна по душе, и я радуюсь при мысли, что проведу в ней год". Но в то же время Гильденштедт позволяет себе слегка шутовское описание царского войска (в походе участвовало около 500 человек), не похожего на регулярную армию. Это были крестьяне, приведенные своими князьями, у каждого за спиной мешок с провизией. Никакой субординации, никакой дисциплины, оружие плохое, то тут, то там возникают громкие ссоры. "Царь прав, когда говорит, что без помощи русских он ничего не мог бы добиться". В том же письме Гильденштедт отмечает, что его новые друзья очень любят лечиться и пить лекарства, поэтому он нарасхват⁶.

В последних числах ноября совершили несколько экскурсий в горы, побывали у серного источника на правом берегу Куры. Присланные царем комья соли из горных ущелий оказались чистой глауберовой солью. Из привезенных животных наиболее примечательным оказался местный шакал (детальное его описание Гильденштедт позднее опубликовал в "Новых комментариях"). Привлек внимание и местный джейран, которого Гильденштедт отнес к роду антилоп. Среди рыб Куры две оказались не

² СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 3. № 118. Л. 59–60.

³ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. № 5. Л. 97–98. 23-й отчет читан в Конференции вместе с предыдущим 9 января 1772 г.

⁴ *Güldenstädt J.A. Reisen ... Th. 1. S. 219.*

⁵ Поход подробно описан также в письме Миллеру от 8 ноября 1771 г. СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 3. № 118. Л. 61–62.

⁶ Там же, л. 63–70 об.

известными науке. По-грузински они назывались "чапари" и "мурза". Гильденштедт описал их под названиями *Syrpinus Caroeta* и *Syrpinus mursa*.

Декабрь выдался очень дождливый, пришлось ограничить экскурсии. Гильденштедт осмотрел местную солеварню, познакомился с монетным двором, с плавкой металла на царских заводах, с теплыми источниками на правом берегу Куры, на которых было построено пять бань. До сих пор эти источники использовали только для мытья, но, изучив состав их воды, он попробовал ею лечить и убедился, что она оказывает целебное действие при желтухе, ревматизме и других болезнях.

Новогодние праздники прошли в торжественных приемах. Гильденштедт был приглашен ко двору. Мать царя и его супругу он уже накануне лечил от плеврита, теперь его представили царевичам и царевнам. Нанес он визиты и патриарху Антонию, дяде Ираклия, и другим знатым лицам.

В письме Миллеру, написанном в Тифлисе 4 января 1772 г.⁷ и отправленном с вторым сыном Ираклия царевичем Леоном, который поехал в Петербург с патриархом Антонием, Гильденштедт рассказал о Тифлисе и сообщил о своих планах поехать в Кахетию. В другом письме, датированном тем же числом, – Эйлеру Гильденштедт просил посетить патриарха Антония, который не раз приходил к Гильденштедту в Тифлисе, и разузнать у него, как ведутся поиски руд на Кавказе⁸.

Во время прогулок по городу и его окрестностям Гильденштедт наблюдал за рыбной ловлей и изготовлением пергамента. 18 февраля он побывал на пороховом заводе, записал состав пороха, способы выжигания и размельчения угля. В феврале он несколько раз встречался с находившимся в Тифлисе ханом Гянджи Магометом и заручился его содействием. Поездки по окрестностям были небезопасны. Совсем недавно поручик И.Л. Львов (поверенный в делах России при дворе Ираклия II) и полковник Волков в 7 верстах от Тифлиса были настигнуты лезгинами, потеряли людей и лошадей. Поэтому Гильденштедт охотно принял предложение царя отправиться с ним в Кахетию – такая поездка обеспечивала защиту, хотя и не давала свободы в выборе маршрутов. Отъезд, как положено, проходил весьма торжественно 21 февраля. Имущество экспедиции, коллекции и бумаги оставили в Тифлисе со студентом Зряковским и тремя казаками. Царя сопровождала тысяча воинов, в его свите ехал и Львов.

Перейдя по мосту Куру, направились на юго-восток, через с. Навтлуги, которое царь недавно обнес стеной с круглой сторожевой башней. На следующий день пошли по р. Иори, в долине которой в оросительных каналах выращивалось много риса, однако набеги лезгин все опустошили. Миновал монастырь Нино цминда, прибыли в с. Сагареджо, где проживало около 500 семей. Они выращивали виноград, яблоки, груши, грецкие орехи, вишню, айву, миндаль, кизил, сливы, абрикосы. Многие деревья уже были в цвету, хотя весь день падал снег. Ночевали у подножия гор, в с. Кодало, обнесенном стеной. Жители (50 семей) ютились в землянках.

Когда рассвело, перед путниками открылся великолепный вид – по ту сторону ущелья располагались владения князя Андроникашвили, далее на север сверкали ослепительно белым снегом вершины гор, а с юга в тумане виднелась молодая зелень пшеницы и ячменя на фоне тенистого горного леса. Утром ехали свежеспаханными полями, потом спустились в ущелье и шли по горному склону до с. Магаро. Отсюда царь поехал в близлежащий монастырь, а Гильденштедт и Львов остались в селении⁹.

На следующий день все отправились в монастырь (резиденцию архиепископа), который располагался в живописной низине, окруженной лесистыми холмами; на севере увидели ущелье с потоком, в 1,5–2 верстах – кольцо селений. В одном из них – Вакири – Гильденштедт провел 10 дней. Дождь и мокрый снег помешали исследованиям природы, но зато удалось собрать много сведений по экономике района.

В начале марта совершили несколько поездок по окрестностям и наблюдали богатую растительность в ее весеннем цветении. Все ночи напролет слышалось пение дроздов, иногда доносился вой шакала. Участвовали в псовой охоте на зайцев и в соколиной – на фазанов. 7 марта вновь двинулись в путь вдоль северного склона первой горной гряды, мимо кизихских селений с их пышными садами и виноградниками, мимо источника Гумбот, который царь велел оградить стеной для защиты скота близлежащих деревень во время набегов. В 5 верстах от развалин Карагача (прежней столицы Кахетии) осмотрели полуразрушенный монастырь св. Стефана. Из с. Мачхаани открывался великолепный вид с севера на долину и снежные вершины, а с юга – на Куру и устья рек Алазани и Иори. Когда утром 8 марта выступили из Мачхаани, за царем потянулась толпа всадников и пеших, умолявших его о помощи в разрешении конфликтов по поводу каких-то спорных участков.

Пройдя через лес, оказались в глинистой холмистой степи с источниками нефти и поваренной соли. И здесь царь построил круговую стену для защиты от лезгин (так называли всех дагестанских горцев). Жители этих мест оборонялись особенно отважно и нередко совершали ответные набеги. Этой зимой, например, они угнали у лезгин 30 тыс. овец.

Вторично пройдя Магаро, путники повернули к с. Анага на склоне глубокого ущелья. Для ручьев, стекавших с гор, жители сделали небольшие каналы, которые образовали водопады. На них на протяжении 3 верст были поставлены 43 небольшие мельницы с горизонтальными колесами, молотившие за сутки по 200–250 фунтов муки каждая. Три дня пробыли в Анаге, откуда Гильденштедт ездил в крепость Сигнахи. 13 марта дошли до Байдара, миновали Карданахи и остановились в Гирелицихе. Здесь пришлось оставить одного студента и трех казаков из отряда Гильденштедта, заболевших в пути, а также захворавших лошадей. Царь приказал бесплатно давать больным хлеба, вина и кур, а лошадям – овес и сено. На следующий день переправились через широкую и мутную реку Алазань и доехали до самых восточных селений

⁷ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 3. № 118. Л. 71–72 об.

⁸ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. № 24. Л. 138–139 об.

⁹ Поход по Кахетии описан в 25-м отчете в Академию наук от 24 февраля 1772 г. Читан в Конференции 25 июня. С отчетом послана рукопись о двух видах рыб. СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. № 3. Л. 105–106 об. См.: Протоколы. III. С. 61.

северной части Кахетии, которые, несмотря на близость лезгин, не имели укреплений и были более благополучными, чем многие в Картли. Мелкие стычки и похищение друг у друга людей и скота были здесь привычным делом.

Дальше лесной дорогой пришли в крепость Кварели – резиденцию епископа Некресели. Жители селились на склонах ущелья. 15 марта проехали Ломицихе и Мепхицихе, основанные 10 лет назад Ираклием – сюда он собрал оставшихся в живых жителей многих селений, разрушенных лезгинами. 17-го прошли некогда цветущий город Греми с его пятью сохранившимися церквями. На берегах р. Стори росли виноград, гранаты, инжир, шелковица.

Еще через четыре дня достигли кахетинской столицы Телави, состоявшей из трех квадратных укреплений, обнесенных стенами и разделенных широкими ущельями, в среднем – царский дворец и церковь, за южной стеной – армянские лавки. Покинули Телави 22 марта, шли мимо с. Цининдал, крепости Гвелицихе, г. Черемеи. Рассказывали, что жители этого города в начале XVII в. были угнаны персидским ханом Абасом в Мазандеран, где и сейчас живут их потомки. В Цвелицихе, принадлежавшем супруге царя, Гильденштедта ждали его спутники, поправившиеся после болезни. Вся группа возвратилась в Телави. 1 апреля царь направился обратно в Тифлис, но так как он шел прежней дорогой, Гильденштедт решил со своим отрядом отделиться и пойти на Ананур. Из Телави выехали 2 апреля в сопровождении данных царем 100 человек охраны и в тот же день достигли крепости Ахмета – здешний виноградник считался лучшим в Кахетии. Назавтра дошли до места, где р. Алазань вытекает из горного ущелья, 5 апреля пришли в Ананур, где их ждал казак, прибывший из Кизляра с деньгами для экспедиции.

В Анануре Гильденштедт получил приглашение от эристава, одного из знатных людей Грузии, посетить его в Ахалгори. Это знакомство оказалось очень полезным для экспедиции – позднее эристав не раз давал им конвой из 50 и 100 человек, а иногда и сам шел во главе конвоя. Из Ахалгори, где Гильденштедт провел почти месяц, он совершил поездки в горы и ближайшие селения, к нефтяным источникам близ Кведера, притока Илто, к серным источникам у с. Кансахерети. Близ с. Иредво (Эреда) он видел селенит, осмотрел много маленьких мельниц. Мельничные жернова получали из Саркинетти близ Тифлиса. Пара жерновов по 40 р., как говорили жители, может служить около 20 лет.

Из Ахалгори, которое покинули 2 мая до Тифлиса шли в сопровождении эристава и 100 его людей. По дороге навстречу попался человек со шкурой медведя, убитого в тот же день неподалеку. 4 мая шли вдоль пашни, орошаемой каналами; растения были почти такие же, как в степи у Терека. В Мухране расположились в высокой каменной башне, с которой открывался изумительный вид на долину, селения и снежные вершины, а с юга на Куру. Отсюда ездили в Цихис-дзире, где стояла церковь св. Нино, поставленная царем Мирианом. По преданию, он противился принятию христианства и все его войско ослепло, а когда он принял учение Христа, все прозрели.

Цихис-дзире заново отстроили в 1748 г. Последний владелец этих

мест Константин Багратиони 40 лет назад был убит лезгинами на пути в Тифлис, а теперь здесь все пришло в упадок – одна за другой по дороге попадались разрушенные крепости. 5 мая у устья р. Нарекви наших путешественников встретил высланный к ним царем Ираклием отряд из 300 человек. После Мцхеты держали путь по левому берегу Куры, перешли мост, который едва выдержал столько всадников.

Следующий поход вместе с царем был намечен по южным областям Грузии. Пока велась подготовка, Гильденштедт наблюдал весеннее цветение плодовых деревьев. Кроме того, его внимание привлекли плоты из еловых бревен, которые сплавлялись по Куре из Гори и Метехи с двумя гребцами, нагруженные пшеницей и ячменем. Здесь продавали и груз, и сами бревна. В Тифлисе он занимался анатомией мертворожденного двухголового уродца и записал в дневник результаты исследований. Он с интересом следил за процедурой прививки от оспы детям, а также за их самочувствием в ближайшие дни. Поездка царя все откладывалась, и Гильденштедт получил разрешение отправиться без него в сопровождении эристава с его 30 всадниками. Еще 40 человек дал царь. Таким образом, у Гильденштедта вместе с его казаками было около 100 человек – не слишком большая защита, но от обычных набегов достаточная. Покинули Тифлис 23 мая с запасами продовольствия, в городе с коллекциями и остальным имуществом остались студент Беляев и шесть казаков.

Два дня двигались правым берегом Куры, потом отклонились на юг к р. Алгете с ее каналами, орошавшими рисовые поля. По ее берегам росли ивы, тополя, шелковицы, дикie оливы. Гильденштедт пополнил свои коллекции несколькими мелкими животными, узнал, какая рыба водится в р. Алгете, описал расположение здешних гор.

В долине р. Кция жило около 500 семей татар (терекемейцев), которые своего предводителя называли султаном. На их плодородных полях можно было видеть почти спелый ячмень, пшеницу в цвету, недавно посеянный рис и хлопок. В одной из деревень путешественники заночевали, затем перешли реку по длинному мосту, в 200 шагов, недавно построенному царем Ростомом, и поднялись по склонам Араратских гор до заброшенной деревни Кулпи на р. Инджа, по рельефу берегов напоминавшей Терек. Отсюда Гильденштедт совершил несколько радиальных поездок: в монастырь Ванк с большой армянской церковью, в опустевшую д. Мишана, где некогда добывали медь, в два заброшенных места добычи железа. Побывал он и в армянской д. Калач с ее землянками, куда теперь переселились жители Кулпи. Летом они уходили в горы и жили в шалашах возле Кулпи и Мишаны. Гильденштедт посетил их в Калаче; они угостили его молоком, сыром, маслом, яйцами и хлебом. Кругом росли пшеница, ячмень, и хотя климат здесь был суровый, попадались шелковицы, плодовые деревья, виноград. Гильденштедт перенес сильный приступ лихорадки.

Покинули эти места 28 мая, миновали татарский округ Борчало, некогда густо населенный армянами, крепость Лоре, где прежде плавил медь. Теперь все было в запустении. Лишь в низовьях р. Дебеды жили татары, которые, хотя и называли себя подданными царя, но часто

присоединились к туркам Карса и к хану Эривани. Дойдя до Бадинга, притока Дебеды, увидели развалины большого грузинского с. Ахтала, обнесенного высокой стеной. Сохранилась лишь большая грузинская церковь. Восемь армянских церквей были разрушены. Жители покинули Ахталу 10 лет назад из-за частых набегов лезгин, оставив сиротливо расти плодовые деревья и виноградники.

29 мая пришли в татарско-армянское с. Садахле, основанное несколько лет назад на каналах, отведенных от р. Дебеды жителями, спустившимися с гор. Здесь были прекрасные поля пшеницы, ячменя, риса, хлопка. Гильденштедту подарили шкуру леопарда, который напал на двух юношей. Несмотря на серьезные раны, им удалось его убить. Здесь же обнаружили неизвестную ранее козу, по-местному "боджа". Гильденштедт описал ее под названием *Capra Caucasica*.

От армянского с. Шулавери на р. Кция отправились в район Дамблуты обследовать местные рудники, в крепость Болниси, где плавил медь, а также в с. Чори – здесь плавил медь и железо. Селения были пусты.

2 июня прибыли в Тифлис. Гильденштедт тотчас стал готовиться к новому путешествию, на этот раз в Имеретию, к царю Соломону. Оттуда приехали брат Соломона Арчил и Львов, старый знакомый Гильденштедта. Они вскоре должны были возвращаться, и можно было отправиться с ними, но царь попросил остаться на свадьбу эристава. Гильденштедту показался этот обряд интересным, и он нашел отражение в его дневнике. В дневник было занесено также описание Тифлиса и его окрестностей. Особо он отметил, что скученность населения, глинистая почва (из-за чего при отсутствии стоков город в дождливую пору утопает в грязи), близкое расположение кладбищ вызывают частые эпидемии желудочных заболеваний, лихорадки, а нередко и оспы, которая только в 1770 г. унесла жизни 4 тыс. человек (при общем населении города 20 тыс.). Рассказывали, что во время эпидемии многих больных выносили на улицу и из них выжило гораздо больше, чем из тех, кто оставался в домах. Население города в основном составляли армяне, чуть меньше было грузин и совсем мало татар. Гильденштедт насчитал в городе 14 грузинских и 20 армянских церквей, 3 мечети. Главные источники доходов жителей – виноградники, фруктовые сады, хлопок. Много в городе было ремесленников и лавочников.

20 июня выехали из Тифлиса вместе с эриставом Давидом. В Мцхете дождался прибытия командующего русскими войсками в Грузии генерала Сухотина. 24 июня Гильденштедт побывал в его лагере у с. Мухран и оттуда отправил в Академию наук 26-й отчет¹⁰, в котором рассказал о походе с царем в Кахетию, об удачном лечении эристава и о своих планах отправиться отсюда в Имеретию, оставив в Мухране вещи с тремя

¹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. № 5. Л. 107–112 об. Читан в Конференции 27 августа. Вместе с отчетом было послано письмо Эйлеру (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. № 24. Л. 145–146), в котором Гильденштедт жаловался на частые приступы лихорадки. Протоколы III. С. 66; в протоколе сказано, что относительно поездки Гильденштедта в Крым решили запросить мнение вице-директора Академии А.А. Ржевского. 28 ноября в Конференции сообщено (Там же. С. 69), что императрица "милостиво разрешила" Академии послать Гильденштедта в Крым.

казаками и студентом Крашенинниковым. В этом отчете он сообщал, что сначала (в соответствии с инструкцией) интересовался минералами лишь тайком, делая упор на изучение растений и животных. "Но царь Ираклий, когда я вступил с ним в беседу, ясно дал мне понять, что считает главной задачей моего пребывания здесь в Грузии исследование руд, и при любом удобном случае он именно этого от меня требовал и не только показывал мне места, где имеются руды, но и прислал у меня образцов и расспрашивал о процессах плавки". Гильденштедт перестал этому удивляться, когда Львов показал ему письмо к Ираклию от графа Панина, в котором граф рекомендовал Гильденштедта как человека, посланного императрицей искать и обрабатывать минералы. Гильденштедт заверил Ираклия: "Когда я обо всем подробно доложу, в Грузию приедут русские горные специалисты" (это произойдет, когда Ираклий и императрица сочтут это удобным).

В отчете приводились краткие сведения о следующих находках: на северных отрогах Араратских гор – железная руда с примесью цинка, медная зелень и медная синь; в районе Ахталы – медная руда с примесью серебра; около пустыющей д. Дамблуты – пласт свинцового блеска с белой серебряной рудой, медной лазурью и медным колчеданом. Гильденштедт писал, что видел только пласты, выходящие на поверхность или залегающие не глубже 2–3 сажень. Царь заверил, что если ему пришлют русских горняков, он построит для их защиты крепость. Гильденштедт же полагал, что этого для их безопасности мало, нужно еще не менее тысячи русских солдат. Он также изложил свои рекомендации по организации горных работ.

Что касается студентов, то Гильденштедт заметил следующее. Соколова он перепоручил Гмелину; Беляев хотя по-прежнему усерден, но сварлив, неуживчив и склонен ко всяким эксцессам; Крашенинников заметно исправился, стал серьезнее и старательнее; Зряковский все так же ленив и неравнодушен к горячительным напиткам; рисовальщик Белый остепенился и с удовольствием собирает натуралии, хотя это и не входит в его прямые обязанности. Из 20 р., выделенных Академией на награждение студентов, Гильденштедт выдал 10 Белому и по 5 Беляеву и Крашенинникову. В конце отчета Гильденштедт сообщил, что, хотя в марте и апреле все его помощники и две трети из приданных ему казаков тяжело болели и сам он несколько недель страдал лихорадкой, теперь все поправились.

Из Мухрана Гильденштедт отправил письмо Миллеру¹¹, в котором описал мартовские походы, монастырь св. Нино, наблюдения над рудами и изложил свои замечания о кавказских языках.

Через три дня после того, как Гильденштедт покинул Мухран, это селение было разграблено лезгинами. Но путешественники были уже далеко, держа курс на Ахалгори – примерно по тем же местам, на левом берегу Ксани, они проходили в апреле. От Ахалгори до крепости Ларгви дорога тянулась узкой лентой среди известковых скал. Поскольку Гильденштедт предполагал возвратиться в Россию, он оставил в

¹¹ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 3. № 181. Л. 75–78 об.

крепости часть имущества со студентом Крашенинниковым и двумя казаками.

Покинув Ларгви 1 июля, путники поднялись в горы и перешли через перевал, еще кое-где покрытый снегом. За два дня пришлось несколько раз переходить р. Патаралиахви, на кое-где идти прямо по воде. Встречались грузинские и осетинские селения. 3 июля ночевали в палатках на левом берегу Дидилиахви. На следующий день отправили посыльного в Кутаиси к царю Соломону с просьбой прислать охрану. Затем шли вверх по Дидилиахви и миновали с. Схлепи с каменной церквушкой. У свежей могилы видели шесты с пучками волос, которые вырвали у себя скорбящие женщины.

В Схлепи Гильденштедт простился с эриставом Давидом, который передал его на попечение осетинскому старейшине, жившему поблизости в Гупте, и дал ему письмо к князю Георгию Джаларидзе в Они. Еще он оставил ему трех своих людей, которые говорили по-русски и по-грузински и знали дорогу в Имеретию. Проезжая через осетинское с. Гверцери, видели жестокую драку – в ней участвовали около 100 человек; среди них были и женщины. Поводом было нарушение какого-то закона гостеприимства.

7 июля перешли бурную речку Джеджора у с. Кудари. Здесь Гильденштедт простился с осетинским старейшиной, наградив его 10 р., и продолжил свой путь. Проехали селение Цедис, где добывали красный железняк. Из него путем трехкратного плавления получали железо, из которого ковали подковы, серпы, топоры, лемехи, цепи, а их потом меняли на пшеницу и скот. В тот же день достигли места впадения Джеджоры в Рион и, перейдя мост, пришли в с. Они. Там узнали, что неподалеку есть место, где ощущается фиалковый запах, который как-то связывают с соленым озером возле Гори. Жители лечатся этими испарениями от боли в суставах. Они роют ямки и вставляют в них трубчатые стебли, через которые втягивают воздух. Но многие от этого теряют рассудок или приобретают судорожное трясение конечностей. О населении Они Гильденштедт узнал, что там живут имеретины, армяне, евреи; все говорят по-грузински, но между собой каждый на своем языке. Торгуют железными изделиями из Цедис, хлопковыми из Картли, солью и просом.

Из Они выехали 9 июля. По мосту перешли через Джеджору и потом следовали по берегу Риона каменной тропой, такой узкой, что приходилось держаться за хвосты лошадей. Одна лошадь свалилась в реку, и, хотя ее унесло далеко, спасти все же удалось. У с. Гори перешли реку по мосту, но дальше, до крепости Минда Цихе, дорога была тоже тяжелой. Часть пути шли вдоль р. Лохуни, у впадения которой в Рион видели развалины дома раджис эристава, который присоединился к туркам в борьбе против царя Соломона, но был разбит, взят в плен и ослеплен. В Цесси прибыл посыльный от царя Соломона с просьбой дождаться здесь царевича Александра. Гильденштедт посвятил несколько дней изучению местных растений, описал в дневнике имеретинский плуг. 13 июля прибыл царевич со своей охраной. Гильденштедт отметил, что он красив, для своих 20 лет хорошо образован, честен и искренен. С ним

был его воспитатель князь Георгий Цулузиков. 14 июля царевич нанес визит Гильденштедту, а на следующий день Гильденштедт побывал у него в гостях.

Через два дня прискакал посыльный от царя Соломона с известием, что царь завтра будет ждать их в Схартали. Опять направились по берегу Риона, потом повернули к юго-западу и шли по камням; тяжелее всего было лошадям. В пути их встретил по поручению царя князь Давид Квинихидзе, бывший годом раньше посланником в Петербурге. С ним доехали до Схартали, где вечером царь Соломон, сопровождаемый князьями и епископом, посетил Гильденштедта в его палатке. Царь обнял Гильденштедта и выказал ему дружеское расположение, обещая всяческое содействие в путешествии по своим землям. На другой день Гильденштедт нанес ответный визит и договорился о маршруте экспедиции. Во время беседы ему показали кусок мышьяковистого железа из Теори – считали, что этот блестящий камень дает какую-то пользу. Рассказывали еще и о свинце, который плавят в горах Сванетии, но, по мнению царя, ехать туда было слишком опасно.

19 июля в сопровождении трех князей покинули лагерь. Путь держали на восток по каменной дороге. Попадались только деревья грецкого ореха, винограда на этих высотах уже не было. Пройдя через густой лес из буков и сосны, вышли к р. Квирили и вскоре набрели на так называемую удобну – пустынь, где в двух деревянных домах жили шесть монахов. Здесь заночевали, узнали, что земля в этой высокой местности только в июне и июле свободна от снега. Многие растения сейчас были в цвету, а яблони – с плодами.

Утром направились на северо-восток, в с. Бравалдзали видели маленькую каменную церковь, служившую убежищем при набегах. На стенах было много изображений св. Георгия, не только красочные, но и в рельефах из пластин меди и серебра. Дома в селениях были деревянные, с крепкими крышами и двойными стенами. Сеяли здесь лишь один ячмень, но и тот иногда не посеивал. На большой высоте, куда они поднялись 21 июля перед спуском в Баджихеви, Гильденштедт с интересом смотрел на альпийские растения и горные породы. В Баджихеви сеяли немного пшеницы, но хлеб пекли в основном из ячменя, а еще ели овсяную кашу, молоко, сыр и турецкие бобы. На следующий день дошли до места впадения Джеджоры в Рион, где две недели назад переходили через мост в Они.

23 июля группа отправилась вновь вверх по Риону, чтобы обследовать все его русло. Шли два дня то по левому берегу, то по правому, изучали притоки, строение берегов, камни и растения. У с. Уцера видели минеральные источники, похожие на те, которые наблюдали раньше на Тереке. Особенно удобными для лечения были два близко расположенных. Воду одного из источников жители использовали для питья и закваски хлеба. Возле источников, как и в районе Они, ощущался фиалковый запах. Сейчас еще шла жатва, снопы сушили, подвешивая на шестах. Кроме пшеницы, здесь выращивали маис, турецкие бобы, горох. 24 июля достигли того места у подножия снежных гор, напротив которого находились год назад. На следующий день отправились в обратный путь,

на юго-восток, через горы. 28 июля были в Они, а на другой день – в Цесси. Отсюда совершили двухдневную поездку на северо-запад, а 1 августа возвратились в Схартали, где в лагере теперь находилась вся царская семья. Вечером царь показывал Гильденштедту куски слюдяной глины и серного колчедана из близлежащих гор.

Гильденштедт решил задержаться здесь на несколько дней, чтобы дать отдохнуть людям и лошадам. Здесь он написал для Академии 27-й отчет¹² о путешествии, начиная с поездки в монастырь Ларгви, затем по Имеретии и о дружественном приеме, устроенном членам экспедиции царем Соломоном. Еще Гильденштедт сообщал, что занялся сбором сведений о крае, в чем ему очень помогло знакомство с находившимся в лагере митрополитом Максимом, а также с несколькими молодыми людьми из местной знати. От примеси в хлебе сорняка он и его спутники страдали головной болью, головокружением и фантастическими видениями.

3 августа 1772 г. из лагеря царя Соломона Гильденштедт отправил большое письмо Миллеру с очерком об осетинах. Согласно собранным Гильденштедтом данным, они восходят к нагайцам, пришедшим на Кавказ из астраханских степей. Писал он, что некоторые из них исповедуют христианство, а также о сохранившихся культовых камнях, книгах. Приведены также краткие сведения о чеченцах, сванах, абхазах, мегрелах и других народах, населявших эти места. В письме Эйлеру, отправленном в тот же день, Гильденштедт делится впечатлениями от природы Имеретии¹³.

Покинули лагерь 4 августа. Предстояла длительная поездка в глубь Имеретии. Сопровождали группу князя Давид Месхе, Таймураз Лордкипанидзе и Николай Церетели – переводчик царя. У с. Агара, возле небольшого, но очень глубокого озера, обнаружили березу (*Betula alnus*), ломкую крушину и другие растения, не попадавшиеся им раньше на Кавказе. В церкви монастыря Никорциминда видели много рельефных изображений Георгия и других святых. Здесь кончался округ Рача, в котором путешественники провели четыре недели.

Дальше шли по сухому руслу р. Херга – весной она полноводная и бурная. Обследовали близлежащие ущелья и ручьи. В одной пещере увидели *Julus*, который был непохож на описанного Линнеем. Гильденштедт назвал его *Julus rupestris* и коротко описал в дневнике. Растение наполняло пещеру странным раздражающим запахом. Здесь же росло много вечнозеленых буков. От Никорциминда до с. Сугнури прошли не менее 18 верст, хотя расстояние по прямой на юго-запад составляло 10 верст. В буковых лесах, покрывающих склоны, Гильденштедт впервые видел кавказский рододендрон. Проведя день в с. Сугнури, с которого начинался округ Окриба, двинулись в путь до с. Хресилю, где 10 лет назад царь Соломон сражался с турками.

Следующим пунктом было с. Анторио, куда несколько лет назад съехались 50 еврейских семей из разных мест. Они жили в прутьях

¹² СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. № 5. Л. 113–114 об. Читан в Конференции 7 января 1773 г. См.: Протоколы. III. С. 77.

¹³ Там же. Ф. 1. Оп. 3. № 24. Л. 151–152 об.

хижинах, крытых соломой и образующих узкие улицы. Грузины в этой местности предпочитали ставить дома далеко друг от друга. В садах было много хурмы, грецких орехов, инжира, вишен, слив, яблонь, груш, айвы, персиков. Рядом с виноградом росли турецкие бобы и бутылочные тыквы. В округе Окриба разводили пчел. Ульи – выдолбленные бревна – стояли среди виноградников; мед – темный и горьковатый из-за азалии. До Кутаиса оставалось еще три дня пути по склону гор, спускавшихся к долине. Растения здесь напоминали флору тенистых и влажных мест Средней Европы. Рион в этих местах переезжали на лодках из выдолбленных бревен. За опустевшим монастырем Цване Квавиза открывалась равнина, а на ней, на левом берегу Риона, – столица Имеретии Кутаис.

Разместились в доме, в котором год назад жил русский полковник Волков. Город был обнесен стеной с широкими воротами; часть его занимала крепость с очень толстой стеной и с мечетью, которую турки возвели на месте прежней церкви. В городе была еще и грузинская церковь – такая же, как в Мцхете, с овальными выступами с каждой стороны – в плане имевшая форму креста. Колонны вдоль стен были полуразрушены, и вообще повсюду были видны следы хозяйничанья турок, владевших городом 120 лет – до изгнания их графом фон Тотлебенем в 1770 г. За рекой виднелись остатки предместья, от которого сохранились шесть небольших каменных церквей. Там с июня 1770 г. по апрель 1772 г. стоял русский корпус. Теперь в Кутаиси жили не больше 50 армянских и грузинских семей.

Вода в Рионе из-за дождей стояла высоко, но в августе установилась сухая погода и можно было продолжать экскурсии. Первую Гильденштедт предпринял в монастырь Гелати, расположенный на высоком холме, со стеной, тремя крестообразными церквями и тремя жилыми домами. На внутренних стенах церковей много изображений святых. На одной из картин в главной церкви были изображены царь Давид, построивший этот и другие монастыри XII в., рядом еще несколько царей, цариц, царских детей. В боковой капелле стоял каменный резной стол, подаренный Багратом III, последним царем Грузии. Ранее в монастыре захоранивали царей и цариц Имеретии; теперь здесь была резиденция патриарха Имеретии.

Возвратились в Кутаис 14 августа, а на следующее утро снова выступили в сторону истока р. Цхалтуба, вытекавшей из трещины в скале. На другой день дорога привела путников в долину, где текли ручьи Губи и Кухи. Вдоль последнего прошли в с. Хони с большими садами, в которых было много винограда, грецких орехов, шелковицы. Выращивали здесь также турецкие бобы, коноплю, табак, огурцы, редьку, бутылочную тыкву, разные красящие растения.

В Хони Гильденштедт наблюдал церемонию оплакивания и захоронения умершего и оставил в своем дневнике образное детальное описание песнопений мужчин, которые были при оружии и одеты в парадное платье, и женщин, босых, в длинных лисьих шубах, подпевавших мужчинам своим скорбным "вай". Гильденштедт заметил, что у дома умершего надрубили кору вокруг ствола красивого орехового дерева, чтобы оно умерло вместе с хозяином.

17 августа в Хони, как обычно по средам, был базар. Гильденштедт, проявлявший интерес к торговле, обошел все лавки, записал, что продавалось, по каким ценам, какие товары были местные, какие привозные и откуда. На этом базаре он познакомился с торговцами из Мегрелии, а поскольку он уже не рассчитывал там побывать, то постарался расспросить их об этой стране.

На следующий день наши путешественники отправились на запад вдоль границы с Мегрелией по р. Цхенисцхали, которая весной сильно заливала свои низкие берега. Проехали селения Кулаши и Логобе, многих жителей которых от плохой воды в колодцах часто был увеличен зуб. Вдоль р. Логобе доехали до ее впадения в Рион.

Вокруг селений росли грецкие орехи, виноград, шелковицы, гранаты, вишни, хурма, яблоки, груши, сливы, айва, каштаны. Причем больше нигде на Кавказе Гильденштедту не довелось увидеть их в таком количестве. Но полевых культур здесь было меньше. Вспашку производили тем же плугом, что в Раче, перекрестным способом. Колосья ломали вручную. Жители говорили о нехватке мельниц, но почему-то не использовали возможность строить судовые мельницы на Рионе. Хлопка здесь разводили мало, но шелководство было очень развито. Из дикорастущих деревьев – почти одна только ольха. Среди полей сохраняли отдельные деревья для тени. Хорошие кормовые травы не выращивали, сена не заготавливали, скот не разводили. Хозяева обычно имели пару верховых лошадей да пару голов рогатого скота. Масла не делали, лишь немного сыра. Рыболовство тоже было не развито – лишь иногда крючками ловили севрюг, осетров, сомов.

Затем несколько дней шли на юго-запад, вдоль притока Риона Саджавахо, переправлялись через полноводную Сулори, бравшую свое начало в снежных горах, и через другие реки, впадавшие в Рион. Возле Сулори подстрелили белку, которая, как показалось Гильденштедту, отличалась от обыкновенных своей окраской, отсутствием волосистой кисточки в ушах и когтем большого пальца. Он описал ее под названием *Sciurus anomalus*¹⁴.

Во время этой поездки Гильденштедт заболел, поэтому 23 августа пришлось сделать остановку. Он пролежал весь день под деревом неизвестной ему породы, которое жители именовали "сельква", а Гильденштедт назвал *Rhamnus ulmoides*.

На другой день пришли к впадению р. Квирили в Рион, который здесь особенно широк и быстро несет свои мутные от глины воды. Рассказывали, что в этой местности попадаются скорпионы и тарантулы, но их укусы якобы не ядовиты. Дальше продвигались по притоку Квирили Хони с чистой водой, начинавшейся недалеко от Ахалцихе. На левом берегу стояла разрушенная крепость Багдади, отбитая фон Тотлебенем у турок в 1770 г.

Царь Соломон через посыльного известил, что находится в долине

Квирили и хочет видеть Гильденштедта. Пришлось 26-го переправиться на правый берег Хони, а затем через Квирили – на небольшую равнину. Через несколько часов пути прошли через с. Сазано – резиденцию царевича Арчила (младшего брата царя Соломона). По ущелью р. Суза достигли с. Таваса, где находился царь. Вскоре в Тавасу приехал Львов. На следующий день встретились с царем, который показывал гостю образцы свинцовой и медной руд из Сванетии – района истоков р. Цхенисцхали. 29-го снова отправились в путь на юг, переправились через Квирили и *прибыли в царский лагерь под Цхраскаро*. Вдали просматривалась крепость Чери, где Соломон четыре года назад разбил турок и их союзников. 31 августа в Цхраскаро приехали царь и митрополит, и Гильденштедт из бесед с ними получил много сведений о Мегрелии и Абхазии. Этим завершилось августовское изучение округов Рача и Окриба – крайних земель Имеретии у границ со Сванетией и Мегрелией.

В начале сентября тяжелейшие приступы лихорадки поразили всю группу. Здоровыми остались только шесть человек. На коже больных появились нарывы и болячки, у многих – сильные головные боли, мучительный зуд и сыпь. Гильденштедт стал лечить Беляева, Зряковского и девятерых казаков серой, слабительной солью, хинной корой. Сам тоже все это принимал. Лошади были крайне измучены дорогой: то размокшей глинистой, то каменистой. Сильно сказывалось отсутствие хороших лугов – несколько лошадей настолько ослабли, что не могли дальше идти. И все же через несколько дней группа снова тронулась в путь, простившись с царем Соломоном, который дал Гильденштедту и Львову, направлявшемуся в Тифлис, 200 своих людей для конвоя.

Путь лежал через с. Чери, по ущелью р. Черимела, мимо развалин с. Ципа, где прошлой осенью лезгины захватили отряд из 20 казаков, через холм, с которого берет начало р. Квеби. 13 сентября от с. Сурами Гильденштедт совершил поездку до Цхинвали на р. Диди Лиавхи. Потом шли несколько недель на восток и северо-восток, переправились через р. Медгуд и *наконец добрались до монастыря Ларгви, где их ждала часть группы со студентом Крашенинниковым*. Вещи, оставшиеся с ними, были в сохранности, только чучела немного попортились от сырости. Предстоял трудный путь через горы, и Гильденштедт решил дать людям и лошадям еще несколько дней отдыха. Сухой горный воздух, хорошие продукты и корм лошадям, о чем позаботился эристав Давид, сделали свое дело.

1 октября группа в полном составе двинулась в обратный путь в Россию. 4-го переправились через Терек – потом предстояло еще 5 раз через него переправляться. О трех переправах договорились с грузинами округа Кевы, с уплатой за каждую по 60 р. Хуже обстояло дело с двумя переправами ниже по течению, которые взяли соорудить осетины округа Тагата. Они затребовали по 80 р. за переправу, но беда состояла не только в этом. До Гильденштедта дошли слухи, что замышляется нападение на его отряд с целью ограбления. Поэтому пришлось задержаться почти на месяц в последнем на его пути грузинском с. Степанциминда, где Гильденштедт составил полное описание географического и политического положения Грузии, которое позднее, немного отредактировав, включил в свою книгу Клапрот.

¹⁴ В примечании к этому месту дневника Гильденштедта Паллас указал, что данная разновидность белки распространена вплоть до Индии и описана Пеннантом над названием "Bombay Squirrel".

Месяц, проведенный в Степанциминда, из-за дороговизны продуктов сильно истощил кассу экспедиции. Кроме того, люди и лошади сильно страдали от отсутствия теплых помещений, а октябрь выдался холодный, к тому же Гильденштедта мучила катаральная лихорадка.

2 ноября экспедиция двинулась в путь, в тот же день и на следующий преодолели пять переправ и пошли вниз по Тереку, иногда отклоняясь к горам. 8-го прибыли в Моздок и, позволив себе только один день отдыха, 9-го продолжили путь на Кизляр, через Новоглядскую, Сарафонниково, где осмотрели шелковую фабрику армянина Гостатова. Прибыв в Кизляр, Гильденштедт 20 ноября написал 28-й отчет в Академию наук¹⁵, в котором объяснил причины, помешавшие ему поехать в Мегрелию, рассказал о трудностях путешествия по Имеретии, о болезнях своих спутников и об опасности, угрожавшей им возле с. Чми.

Подводя итоги пройденному пути, Гильденштедт написал в дневнике: "После стольких перенесенных опасностей мой дух теперь рвался обратно в пределы России. Я верил, что в какой-то мере выполнил свою задачу — познакомился с природой и населением этих мало известных миру земель. Я сделал это во славу творца, во славу императрицы, для пользы Академии и для приращения наук. И я преисполнился невыразимым чувством благодарности судьбе, так распорядившейся мною"¹⁶.

В Кизляре. Путь на Черкасск и в Крым

В Кизляре Гильденштедт нашел вещи, оставленные там под призором городского врача Христа, в полном порядке. Только некоторые чучела были попорчены насекомыми. За время его отсутствия оставшийся здесь студент А. Соколов совершил поездку к Каспийскому морю, по приволжским степям до р. Сарпы, обследовал рыбные промыслы, соленые озера, собрал коллекции растений и насекомых. К 27-му отчету в Академию наук были приложены сведения об исследованиях Соколова. Но к приезду Гильденштедта выяснилось, что Гмелин, отправлявшийся в то время в свое персидское путешествие, выразил большое желание иметь в своей группе такого умелого и искусного помощника, и Гильденштедт с сожалением отпустил его¹.

Приведя в порядок свои материалы по Кавказу, Гильденштедт 13 января 1773 г. написал в Кизляре подробный 29-й отчет в Академию наук², который содержал описание Кавказских гор, их геологического

¹⁵ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. № 5. Л. 115–120. Читан в Конференции 12 апреля 1773 г. См.: Протоколы. III. С. 88.

¹⁶ *Güldenstädt J.A. Reisen...* Th. 1. S. 432.

¹ Позднее Соколов стал директором плантаций на Тереке, инспектором императорских садов в Астрахани, в 1776 г. был избран членом-корреспондентом Академии наук.

² СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. № 5. Л. 121–136 об. Читан в Конференции 28 октября. См.: Протоколы. III. С. 104.

строения, сведения о наличии металлических руд и других полезных ископаемых (серы, мышьяка и др.), соли, целебных источников, о поверхностных почвах, растительном покрове; краткие справки о Кабарде, Кистети, Осетии, Базинии, Кахетии, Средней, Нижней и Верхней Картли, Имеретии, Сомхетии, Мегрелии и Гурии. Перечислены места залегания шифера, кварца, шпата, свинцового блеска с содержанием серебра маркезита, железа, мышьяка и др. Указаны близость леса и другие условия для разработки ископаемых. В том же отчете Гильденштедт сообщил о смерти 31 декабря студента Зряковского от водянки.

Описание Кавказа Гильденштедт дополнил в 30-м отчете от 10 марта 1773 г.³ сведениями о горцах Дагестана, об их территориях, образе правления, языках, религии, их отношении в России, а также о ногайских, кумыкских татарах, трухменах.

В этом же отчете сказано, что Гильденштедт, наконец, получил от Академии наук дубликат разрешения на экспедицию в Крым, но ему пока не дают конвоя из-за осложнений с кабардинцами. В конце февраля Крашенинников ездил в Тарков, но вернулся ни с чем, так как местный шамхал запретил своим подданным общаться с русскими.

Из 31-го отчета, написанного в Кизляре 20 мая⁴, мы узнаем, что только 10 апреля были получены оригинал разрешения Академии наук, датированного 19 ноября 1772 г., и с ним письмо Н.И. Панина к командующему крымской армией генерал-аншефу В.М. Долгорукому.⁵ В этом отчете рассказано об успешном испытании действия источника Петербурга, водой из которого в апреле лечились Гильденштедт, граф фон Медем и еще 12 пациентов. Гильденштедт детально излагал свою идею об основании здесь курорта. Начать его можно с поселения колонистов — "моравских братьев", а затем развивать в окрестностях виноделие, шелководство, выращивание крапа, шафрана, кожевенное и суконное производство. Есть в этом отчете и еще одно любопытное сообщение: Гильденштедт нашел и купил за 30 р. грузинскую хронику; переводом ее занялись в Кизляре архимандрит Порфирий и студент Беляев. Для окончания этой работы, утверждал Гильденштедт, нужно, чтобы Порфирий приехал в Петербург⁶.

Наш рассказ об итогах исследования Гильденштедтом Кавказа был бы неполным, если бы мы не обратились еще к трем его письмам

³ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. № 5. Л. 135–141 об. Читан в Конференции 10 мая. См.: Протоколы. III. С. 92.

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. № 5. Л. 20. Читан в Конференции 2 сентября. См.: Протоколы. III. С. 99–100.

⁵ Это письмо читано в Конференции Академии наук 16 ноября 1772 г. и содержит просьбу обеспечить экспедиции содействие и безопасность; см.: Протоколы. III. С. 73. Немецкий перевод этого письма имеется при письме И.А. Эйлера Гильденштедту от 19 ноября 1772 г. Эйлер сообщает о согласии императрицы на поездку Гильденштедта в Крым и о рекомендации отправиться не по Кубани, а через Азов и Таганрог, с соблюдением крайней осторожности. См.: СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. № 55. Л. 63, 63 об.; письмо Панина см.: Там же. Л. 64, 64 об.

⁶ О грузинских хрониках, привезенных в Академию Гильденштедтом, см.: *Орбели Р.Р.* Грузинские рукописи Института востоковедения. М., 1965. Вып. 1. С. 15–25.

Миллеру, написанным из Кизляра, Моздока и Черкаска⁷. Заметим, что в своих отчетах Академии наук Гильденштедт давал сведения в основном по географии, геологии, минералогии, зоологии, ботанике, экономике, а также политического характера. И это понятно, если учитывать тогдашний состав Академии и задачи экспедиции. Интересовался Гильденштедт языками, верованиями, национальными особенностями исследуемых районов (кстати, это также было оговорено и в инструкции). Возможно Миллер во время их встречи в Москве просил Гильденштедта особенно заняться этими вопросами и сообщать ему свои результаты – ведь Миллер, как известно, собрал огромный материал такого рода в Сибири во время Второй Камчатской экспедиции (1733–1743).

В первом письме Гильденштедта содержался очерк о лезгинах, их расселении, своеобразном языке и шести его диалектах, с небольшим словариком (20 слов). Гильденштедт просил Миллера сравнить эти диалекты с азиатскими языками. Во втором письме говорилось о религии и языке осетин и родственных им народов. Он высказал мнение, что сходство языков не всегда свидетельствует о родственном происхождении. Отдельно сообщалось об областях Кистети, Тушети (в их религии есть следы христианства, пришедшие к ним от грузин), Карачаи, Чегем. По словам Гильденштедта, гернгутеры из Сарепты считают чеченцев своими сородичами, бежавшими из Богемии несколько веков тому назад. Он высказал также предположение, что жители Базиани и Чегема происходят от ногайских татар.

По этим вопросам он обменивался мнениями с г. Бакмейстером – издателем "Russische Bibliothek", который выразил желание иметь текст "Отче наш" на кавказских языках.

Из третьего письма можно было узнать об абзазах (абхазах), черкесах и их языках; приложен словарь (24 слова). В конце письма читаем: "Этим я заключаю извлечения из моих материалов о кавказских народах и языках, которые я собрал за четыре с половиной года со многими опасностями, трудностями и бесчисленными тяготами у этих... народностей. Я не так самоуверен, чтобы считать, что исчерпал все, и хотел бы, чтобы у меня нашлись неутомимые последователи"⁸.

Однако вернемся к путешествию Гильденштедта. Прибыв в Кизляр, он заболел и затем всю зиму занимался разбором материалов по Кавказу. Весна 1773 г. была поздней, абрикосы расцвели только в середине апреля – на 20 дней позже, чем в 1770 г. Отъезд откладывался из-за невозможности получить конвой. Эта задержка позволила провести 20-дневный курс лечения в Петербурге. Кроме того, Гильденштедт ездил собирать растения на юго-восток, за р. Сунджу.

7 мая двинулись из Петербурга на восток степью, где встречались редкие растения. Среди черепаш обнаружили три неизвестные разновидности.

⁷ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 3. № 118. Л. 88–91, 92–96 об., 97–102 об. Письма от 5 января, 20 мая и 30 июня 1773 г. *Заинтересованность в сборе Академией материалов по языкам народов Кавказа* выразил А.Л. Шлецер в письме из Геттингена от 18/19 апреля 1770 г. (Там же. Ф. 1. Оп. 3. № 57. Л. 63).

⁸ Там же. Л. 98 об.

17 мая Гильденштедт прибыл в Моздок. Почти месяц ушел на подготовку нового большого путешествия. Вышли из Моздока 12 июня в сопровождении 85 казаков, переехали р. Малку (Балку) у ее впадения в Терек. Гильденштедт занес в дневник многие сведения об этом крае, его берегах и речушках, о кабардинских селениях и местных княжеских семействах.

15 июня Гильденштедт с 10 казаками отправился по южному берегу Малки в сторону гор, чтобы посетить князя Кургока Татарханова, который должен был также присоединиться к экспедиции. Гильденштедт тщательно описал реки Чегем и Баксан, их течения, дно, берега, селения с их пашнями и лугами, богатство весеннего растительного покрова. Делая покупки, он записывал, что продают и по какой цене. Меновой единицей служили льняное полотно и рубахи (одна рубаха равнялась 8 аршинам полотна), за годовалую овцу платили две рубахи, за три курицы мерлушки одну рубаху. На обратном пути Гильденштедт срисовал два каменных креста с выбитыми письменами – один на берегу Чегема, другой в 9 верстах севернее, недалеко от восточного берега Баксана. По пути попадались много гробниц князей. Остановку сделали в селении Шангота Татарханова. Его супруге подарили разные вещицы из шелка, серебряные нити и всякие сувениры. У Шангота Татарханова тот год был тяжелым – три дочери и два сына умерли от оспы. Здесь еще не знали о прививках.

17 июня вернулись в свой лагерь и на следующий день отправились дальше по северному берегу Малки. Обследовали истоки Куры, течение Салуки, возле которого кабардинцы пасли много овец и лошадей (в середине июля они обычно угоняли их в горы, к Эльбрусу). На холме у р. Етака, вытекавшей из Салука, видели статую с надписями, похожими на те, которые были на крестах у Чегема и Баксана. Черкесы называли ее Дука Бек, но истории ее не знали. Гильденштедт нарисовал ее и детально описал в дневнике. Рассказывали, что еще полвека назад в этих местах было много лесов, но теперь от них ничего не осталось. У Малой Кумы, или Подкумка, куда прибыли 19 июня, остановились на восточном берегу, между горами Баралык и Бештау. Здесь недалеко был лагерь Кургока Татарханова, который, узнав от посыльного о прибытии экспедиции, предложил им утром перейти на западный берег Кумы, чтобы там подготовиться в дальнейшем путешествию. Утром, переправившись, оказались у подножия Машука, где их посетили несколько князей из Джамбулатов.

У подножия Машука в ущелье бежал поток, вода которого издавала запах серы. Южнее, в узкой расщелине бил теплый ключ. У выхода некоторых ключей был заметен плотный туфовый осадок. Вокруг соленого озера, в 3 верстах к северо-востоку от Машука, не было солончаков, а росли такие же растения, как в степи у Моздока. Гильденштедт насчитал около 80 названий. 23 июня ездил к р. Джутсу, к горе Темир и к соленому озеру, вода из которого, выпаренная в бутылке, дала 3 лота соли – поваренной с горькой примесью. Рассказывали, что раньше это озеро летом высыхало, но пару лет назад сюда стали вливаться несколько горных ручьев, и теперь отсюда уже не выбирали соль. У озера паслись

огромные табуны лошадей, принадлежавшие князьям Большой Кабарды. Для них почти не заготавливали сена, так как в июле их перегоняли в Эльбрусу, а на зиму – в теплые долины низовьев Кумы.

У князя Кургока были какие-то дела, помешавшие ему быстро собраться в путь. Гильденштедт использовал задержку, чтобы исследовать и описать горную цепь Бештау. И здесь встречались серные источники, соленые озера. Поднимаясь по склону Большого Бештау, он отметил больше 100 видов растений. Гильденштедт хотел было подняться к вершине Шат-горы, с которой берут начало на востоке Баксан, на западе – Кубань, на юге – Цхенисцхали, но кабардинцы не пустили. Выяснилось, что эта гора служила им прибежищем в дни неудач и поражений. 3 июля ездили к развалинам Маджара – города мертвых, покоившихся в гробницах-мавзолеях.

Утром 9 июля, наконец, весь отряд покинул лагерь и двинулся на север, вдоль Большой Кумы и ее притока Барзукле. Ночевали у болот с купоросным запахом – лошади не стали пить эту воду. Для людей была привезена вода из Кумы. На другой день, к счастью, попались каналы, в которых можно было напоить лошадей. Холмы вдоль дороги, покрытые превосходным черноземом, радовали глаз свежей растительностью, но к северо-западу они становились ниже и суше. Перешли р. Калаус с пресной и чистой водой, в которой водились окуни и карпы. Место это было небезопасным: между устьями рек Салуки и Арпы стояли орды кубанских ногайцев (около 8000 семей), которые только два года назад стали подданными России.

Еще два дня продвигались вдоль р. Калаус, теперь почти высохшей, и остановились у леса. Это место Гильденштедт облюбовал для постройки поселения на новой оборонительной линии между Моздоком и Черкасском. Здесь было все необходимое – лес, озера, неплохие луга, на холмах чернозем для пашни, пруды для разведения рыбы, поднимавшейся сюда с Дона, чистая питьевая вода в Калаусе. Гильденштедт предполагал, что от этого места до Куры можно создать пять таких поселений с расстояниями в 20–25 верст.

Следующим местом для поселения была избрана богатая растительностью долина р. Атшילה с чистой водой, хорошей пахотной землей и лугами. Здешние степи напоминали район Моздока, но сейчас, в середине июля, все было так зелено, как под Моздоком в мае. Примерно такие же условия для поселения Гильденштедт нашел у р. Тасле. Дальнейший путь шел в сторону от Кубани. Гильденштедт записал в дневник сведения о ее течении, притоках, населении на ее берегах, о так называемых некрасовских казаках – потомках бежавших сюда во главе с И.Ф. Некрасовым участников Булавинского восстания 1708 г. Гильденштедт описал крепости Тамань и Темирюк.

Вблизи Тасле увидели женскую статую, вырубленную из ракушечника, в натуральный человеческий рост, но без соблюдения пропорций. В степи встретились и другая такая статуя, мужская, еще более бесформенная. Гильденштедт подробно их описал и сделал рисунки.

Гильденштедт наметил еще два места для поселений – на р. Сегерлык и у ее слияния с Тасле. Дорога по берегу Сегерлыка шла открытой

степью, без солончаков. Топлива не было, пришлось варить пищу на сухом навозе. И все же, по мнению Гильденштедта, здесь вполне можно было бы основать поселение, посадив рощи ив, тополей, осин, а для строительства использовать ракушечник. Место впадения речушки Уч-Турк в Сегерлык Гильденштедт также отвел для поселения. На ночевку остановились в ногайском ауле, примерно в 200 кибиток. Поблизости паслись большие табуны лошадей и стада коров. Масло и кислое молоко были здесь в избытке. Мурзу здешнего аула князь Кургок уговорил пойти с экспедицией до Черкаска проводником.

В том месте, где Сегерлык поворачивает круто на восток, переправились на другой берег и отклонились от реки. Место переправы Гильденштедт считал пригодным для поселения, а в ближайшие дни обнаружил еще два удобных места: у речушки Жилуле и у одного из колодцев. Наконец дошли до Маныча. Вода у берега была горько-соленой, но взятую с середины реки можно было пить. У сухого русла речушки Батмакле пробовали рыть ямы, но они наполнялись только соленой водой. К вечеру, однако, в трех верстах от Маныча нашли русло, местами с хорошей водой. Здесь тоже было подходящее место для поселения.

На следующий день шли мимо высохших каналов и колодцев. Видели старинную постройку из ракушечника, видимо, гробницу, хотя русские называли ее татарской мечетью. Кругом были поля проса. 20 июля дошли до моста через Маныч, построенного полковником Бринком, который стоял с трехтысячным войском у р. Сал и выставлял в здешние степи форпосты. Ночевали на берегу Маныча, у так называемого Шахаевского лимана – кругом плодородная степь, хорошие колодцы, где и было намечено очередное поселение. Еще для одного поселения выбрали место на следующий день у колодцев, называвшихся "камышные копани", где уже находился форпост. Так, завершилась изыскательская работа для сооружения Моздокской линии⁹. В упоминавшемся выше письме Миллеру из Черкаска от 30 июня 1773 г. Гильденштедт перечислил все пункты будущей пограничной линии, которая должна завершить линию Кизляр–Азов и обезопасить торговые пути в Крым и Персию, а также к местам добычи соли.

Между тем путешественники приближались к Дону. Жители Черкаска были заняты сенокосом. По подсчетам Гильденштедта, его группа прошла от Моздока до Черкаска около 600 верст. Теперь, когда путь был пройден, он обнаружил некоторые ошибки в картах Атласа Российского.

22 июля экспедиция на больших лодках переправилась через Дон. Приступы жестокой лихорадки заставили Гильденштедта задержаться на три недели в Черкасске. Город находился на острове, образуемом реками Дон и Аксай. Последний, вопреки старым картам, начинался не в степях, а из Дона и снова впадал в него через 50 верст. Широко разливаясь весной, в остальное время года Аксай превращался в множество озер и

⁹ Сведения об этой линии с картой опубликованы в "Месяцеслове историографическом и географическом на 1779 г." По поводу Моздокской линии Гильденштедт записал также в дневнике свои соображения о том, в каких пунктах нужны пехотные гарнизоны, в каких – поселения типа станиц, как обеспечить их строительным лесом, что сажать и выращивать. Очерк заканчивается общим обзором местных рек, почв, условий водоснабжения полей.

луж, из-за чего в городе и ближайших станицах свирепствовала лихорадка. Это наводило Гильденштедта на мысль, что Черкасск и несколько станиц следовало бы перенести в другую, более здоровую местность.

Немного оправившись от болезни, Гильденштедт предпринял поездку на лодке к устью Дона, оставив в Черкасске Крашенинникова с частью вещей. Дорогой описывал берега и рыбацкие деревни. 12 августа доплыли до крепости Дмитрия Ростовского (Ростова). Здесь Гильденштедт в первую очередь нанес визит коменданту генерал-майору Ивану Алексеевичу Потапову и рассказал ему много интересного о Кавказе, о Грузии, а тот — о ногайцах, кочующих между Доном и Кубанью, и о русско-турецких отношениях. Гарнизон крепости сильно страдал от скорбута, и Гильденштедт посоветовал местному врачу использовать корень катрана (*Scambe tatarica*) — растения, которое в большом количестве росло возле крепости. Годом раньше в предместье, в так называемой Купеческой слободе, свирепствовала чума. По пути к Ростову в одной деревне стояли виселицы для тех, кто во время чумы пытался бежать из родных мест. Гильденштедт осмотрел и описал крепость, ее предместья, колодцы, пристань и верфь, где стояли военные суда (так называемые прамы), военные госпитали, сады в Солдатской и Купеческой слободах. Произведя анализ воды в колодцах, Гильденштедт нашел ее вредной для питья и порекомендовал коменданту лучше пользоваться речной. Как-то во время грозы молния ударила в церковь Солдатской слободы, и опять исследователь пришел на помощь. Он посоветовал коменданту поставить громоотводы, объяснив, как это делается.

18 августа Гильденштедт отправился дальше по Дону в четырехвесельной лодке, описал его дельту, строение берегов, брошенные крепости, ловлю рыбы большими неводами, перегораживавшими всю реку. Владелец такого невода трижды в сутки вытаскивал до 2 тыс. карпов, судаков, окуней, щук и др.

Когда прибыли в Азов, приехавший сюда из Астрахани студент Семен Тарбаев встретил Гильденштедта печальным известием: два дня назад от молнии загорелась его квартира и погибли пять ящиков с чучелами, изготовленными в Астрахани. Удалось спасти только один ящик с горным буром и другой — с гербариями и семенами, собранными Соколовым между Астраханью и Царицыном.

В Азове и его окрестностях Гильденштедт познакомился с рыбным промыслом, пчеловодством, со способом приготовления кирпича из местной глины — известь для него выжигали из камней старых стен. Эти камни, видимо, некогда привозили из каменоломен на северном гористом берегу Дона. Гильденштедт подумал о целесообразности возрождения этих каменоломен для построек в крепости Дмитрия Ростовского и в Азове — здесь после возвращения города России в 1769 г. велось большое строительство.

По просьбе коменданта Азова Гильденштедт проводил в низовьях Азовки с помощью своего горного бура поиски питьевой воды и глины, но без особого успеха. За городом он побывал на небольшом кожевенном заводе, где для дубления кожи применялся корень *Statices limonium*. Русские называли его по-татарски "кермек". Комендант рассказывал, что

во время строительных работ в Азове часто откапывали сосуды с монетами, и подарил Гильденштедту несколько старинных монет.

27 августа путешественники выехали из Азова в Черкасск в трех русских кибитках, взятых Тарбаевым из Астрахани. У болотистого Казачьего протока, а потом большим трудом вытаскивали кибитки из грязи. Через речку Каланчу, а потом через Донец (который в отличие от Северного называли Мертвым) переправлялись на больших гребных лодках. Два дня провели в крепости Дмитрия Ростовского — Гильденштедт снаряжал в дорогу студентов Тарбаева и Беляева, которые должны были с тяжелым багажом на почтовых лошадях отправиться на Украину через Изюм, Чугуев и Полтаву в Кременчуг и там ждать возвращения Гильденштедта из Крыма.

31 августа Гильденштедт вернулся в Черкасск. Через Аксай переправились на большом пароме монастыря, построенного в 4 верстах от Черкаска, на северном берегу Дона в память о казаках, павших здесь в битве с турками и татарами. Еще неделю длились разные проволочки в войсковой канцелярии Черкаска, а 7 сентября Беляев, Тарбаев и егеря экспедиции отправились в путь, получив от Гильденштедта маршрут и инструкции. Чтобы вернуться потом в крепость Дмитрия Ростовского, пришлось потратить целый день на поимку в степи лошадей экспедиции, которые паслись вместе с казачьими лошадьми. А в крепости еще на пять дней задержались из-за того, что на месте не доставало серебряных монет для выплаты Гильденштедту причитавшихся ему денег на жалованье и на другие расходы. Пришлось взять часть денег медью и ассигнациями. План состоял в том, чтобы через Таганрог и Берду дойти до Перекопа. Для сопровождения были приданы 20 донских казаков. С экспедицией ехали также переводчики — жители Кизляра дворянин Иван Антонов и казак Степан Зверобоев; они же должны были присматривать за казенными лошадьми.

Ростов покинули 16 сентября, продвигались несколько дней по возвышенной степи, севернее Донца. Кругом — ни деревца, ни кустика, лишь пересохшие русла речек и балок; иногда попадались лужи стоячей воды. По ночам одолевали комары. Разглядывая балки (длинные овраги), Гильденштедт думал о том, что их покатые берега с плодородной почвой могли бы служить для хлебопашества и виноградарства, а леса можно было бы насадить из семенных пород. Родниковой и колодезной воды было предостаточно. Здесь процветали бы поселения, которые могли снабжать продуктами еще и Таганрог и крепость Дмитрия Ростовского, куда теперь их доставляли с большим трудом из глубины России.

18 сентября вышли к Таганрогской линии, построенной для защиты Таганрога при Петре I. Это был земляной вал со рвом до р. Миуса, где его замыкал Павловский редут. В окрестностях Семеновской крепости поймали змею, которая показалась Гильденштедту неизвестной, и он описал ее под названием *Coluber ponticus*.

Въезжать в Таганрог со всей своей группой Гильденштедт не решил, чтобы не попасть в шестинедельный карантин, который здесь строго соблюдался под надзором гвардии капитана Федора Глебовича Немцова. К тому же у студента Крашенинникова из-за зубной боли рас-

пахли железой, а на такие опухоли обращалось особое внимание. Поэтому Гильденштедт поехал в Таганрог один и провел там три дня, осмотрел и описал крепость и гавань с ее деревянным молом, строившемся на фундаменте времен Петра I. Население города состояло из 4 тысяч гарнизонных, нескольких чиновников флота и примерно 40 торговцев. Дома строились из бревен на каменном фундаменте. Казармы были наполовину врыты в землю и благодаря этому зимой легко отапливались, что было важно при здешнем недостатке леса.

Гильденштедт был у коменданта на парадном обеде по случаю тезоименитства великого князя Павла Петровича, а вечером устраивали бал. 22 сентября Гильденштедт возвратился к своей группе, и все двинулись в путь с намерением объездить весь Таганрогский округ. Шли берегом моря. Внимание привлек лов рыбы – одним большим неводом сразу вытащили до 60 тыс. штук, большей частью судаков. Судя по рассказам, весной в Дон входило столько тарани, что ее у берега можно было загребать лопатами; кроме того, попадались крабы и два вида животных – морская свинья и морской кот.

Семеновская крепость, которой достигли 24 сентября, из-за сильного обмеления Миуса утратила свое значение. Гильденштедт в последние дни страдал от жестоких приступов лихорадки. 25-го ночевали в крайней из деревень, основанных в последние пять лет по Миусу, которая называлась Пятой ротой. Затем проехали остальные четыре "роты", Павловскую крепость и новые малороссийские слободы. Жилища большей частью были плетневые, обмазанные глиной, крыши соломенные. Избы казаков в большинстве своем были курные, а у малороссиян – с трубами. Гильденштедт удивился, что здесь не строились каменные дома – ведь по берегам Миуса было достаточно известняка для фундаментов, камыш для обжига кирпича, в верховьях Миуса имелся лес, чтобы пережигать известь. Поселенцы разводили лошадей, рогатый скот, длиннохвостых овец. Малороссияне пахали плугом, похожим на грузинский, запряженным четырьмя волами, а казаки – русской сохой. Сеяли пшеницу, рожь, овес, просо (урожаи были по меньшей мере сам-десять). Сеяли также лен, турецкую пшеничку (маис), татарское просо. Хорошо росли арбузы, дыни, тыквы, огурцы. Разводили много домашней птицы.

27 сентября покинули последнее поселение, запасшись провиантом, так как дальше до Бердянской крепости, на 200 верст, не было ни одной деревни. Переправились через Миус у Каменного брода, где стояла единственная во всей округе мельница – сюда приезжали молоть даже из Азова. Ночь провели на берегу Сарматки, следующую – у западного рукава Большого Еланчика. Видели у дороги два кургана, обложенные камнем, и на одном из них – мужскую статую из ракушечного известняка.

Утром 30-го в трех верстах к северо-западу от Грузкого Еланчика видели еще один курган с опрокинутой мужской статуей из ракушечника. На р. Кальмиус, по величине не уступавшей Миусу, течение было незаметно, а вода имела горький вкус. На берегу попадались камни, видимо, занесенные весной с верховьев. Гильденштедт описал эти камни и каменные слои крутых возвышенностей по обе стороны реки. Здесь, по его мнению, были благоприятные условия для поселений. На холмах

можно было насадить виноградники, в низменностях устроить сенокосы, а высокая равнина, покрытая плодородной черноземно-глинистой почвой, стала бы превосходной пашней. Близость моря имела большое значение для рыбаков. До войны у запорожцев были хутора по Миусу, но набеги крымских татар вынудили оставить эти места.

1 октября, идя вдоль Кальмиуса увидели еще два кургана с мужскими статуями из ракушечника. Затем шли берегом моря. Попадались змеи (Caluber bezus и nutrix). Среди растений на песчаной полосе встречались и солончаковые. Здесь Гильденштедт впервые увидел Bunias Sakile и описал его. В траве на холмах водились куропадки. Рассказывали, что птицеловы, замаскированные холстинным щитом загоняли их в сеть. Миновали Виноградную косу, несколько балок с лужами стоячей воды и остановились на р. Берде у Петровской крепости. Она замыкала русскую пограничную линию, которая тянулась до Днепра и создавалась по проекту, составленному в 1770 г.

Крепость окружали земляной вал и сухой ров, внутреннее пространство замыкали четыре башни. Дома стояли бревенчатые, лес для них доставляли с Днепра гужом. Вода в колодцах была солоноватая, поэтому для пищи и питья привозили воду из р. Берды за 5 верст. На уходящей в море 10-верстовой косе расположилось много маленьких озер, на которых запорожцы добывали поваренную соль. Гарнизон крепости состоял из одного батальона. Напротив крепости стояли суда Таганрогской флотилии, доставлявшие провиант из Ростова в Еникале. Но гавань была небезопасна: при сильном южном ветре суда часто разбивались. Даже в те четыре дня, когда здесь находился Гильденштедт со своими спутниками, разбились 10 транспортных судов. Вид Бердянского лимана навел Гильденштедта на мысль, что, очистив его и соединив каналом с морем, можно было бы создать превосходную гавань¹⁰.

В Петровской крепости возникли непреодолимые препятствия для путешествия в Крым. Конвой из 20 таганрогских казаков нужно было заменить, но у коменданта, как оказалось, были только пехотинцы. Кроме того, выяснилось, что генерал-аншеф Долгорукий, от которого зависела поездка в Крым, в конце сентября уехал из Крыма в Полтаву, а без него экспедиции не могли быть выданы официальные бумаги, которые служили бы пропуском для местных властей. Гильденштедту пришлось отложить поездку в Крым – он думал тогда, что всего лишь на полгода, – и повернуть на Украину.

Результаты исследований экспедиции на пути от Кизляра до Черкаска и дальше по Приазовью нашли отражение не только в дневнике, но также в двух отчетах в Академию наук: 32-м от 29 июля из Черкаска¹¹ и 33-м от 16 ноября 1773 г. из Кременчуга¹².

¹⁰ Эта идея была осуществлена спустя полвека новороссийским генерал-губернатором М.С. Воронцовым, основавшим здесь торговый порт и город Бердянск.

¹¹ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. № 5. Л. 154–171, 142, 170 – 2 экз. карт. Читан 11 и 18 октября 1773 г. См.: Протоколы. III. С. 103. К отчету приложены семена.

¹² Там же. Л. 172–182. Читан 24 и 27 января 1774 г. См.: Протоколы. III. С. 113–114. Решено исправления к картам передать в Географический департамент, а об изменении плана экспедиции сообщить в академическую комиссию.

В 32-м отчете сообщается об обследовании районов рек Нальчик, Джалуква, Чегем, Баксан, Малка, Кума, их водного режима, гор Бештау и их целебных источников. В этом отчете содержится описание каменных надгробий с рисунком одного из них, а также остатков мечети на Куме. Приводятся сведения о расселении, укладе, языке, вере черкесов, ногайских татар, кубанских казаков. В отчете указаны исправления к соответствующему разделу Атласа Российского (к его 11-й карте).

Гильденштедт особо отмечал наличие леса и полезных растений (красителей, лекарственных и др.). В конце отчета был представлен проект основания 22 поселений на линии Моздок–Черкасск с характеристикой возможностей получать строительные материалы и развивать полевые культуры, шелководство, скотоводство. Изложены также соображения о заселении этих мест и установлении мирных отношений как между самими поселенцами, так и между ними и местными народами.

В 33-м отчете, сообщив о несчастье, постигшем Тарбаева с его коллекциями чучел, Гильденштедт писал: "Эта потеря для меня вдвойне чувствительна, так как лишила меня возможности удовлетворить собственное любопытство и я не смог обогатить этими натуралиями академический кабинет"¹³. Относительно каменных надгробий и статуй на землях между Кумой и Доном Гильденштедт заметил, что многие из них разобраны для использования камня, а "следовало бы позаботиться о сохранении этих древностей, что важнее столь незначительной хозяйственной выгоды"¹⁴. В отчете объясняются причины, заставившие отложить поездку в Крым и направиться на Украину.

По Украине

Кременчуг

7 октября 1773 г. путешественники покинули Петровскую крепость, чтобы пройти по пограничной линии от Берды до Днепра – в Кременчуг, где им предстояло встретиться со студентами, с которыми они расстались в Черкасске. Первую ночь провели в Захарьевской крепости, гарнизон которой состоял из одной роты; вал еще не был готов, и люди жили в землянках. По дороге, в 4 верстах от крепости видели на холме мужскую каменную статую. Перейдя Бердянку и еще несколько притоков Берды, достигли крепости Алексеевской, в которой была только почтовая станция донских казаков. Ночевали у устья Берды. На следующий день, проехав 4 версты на северо-запад, на Сторожевском кургане видели мужскую статую из красного полевого шпата с грубо вырубленными волосами, заплетенными на спине в три косы. По р. Конские Воды дошли

¹³ Там же. Л. 172, 172 об.

¹⁴ Там же. Л. 182.

до ее притока Конский Колодец, к месту крепости Кирилловской, строительство которой еще не началось. В 17 верстах от нее находилась Григорьевская крепость, в которой уже была возведена часть вала. Здесь переночевали и 10 октября дошли до крепости Никитинской у р. Жеребец. Гарнизон здесь был неполный батальон с комендантом полковником Василием Степановичем Волковым. На берегах Жеребца можно было видеть несколько восьмиугольных каменных строений с круглыми куполами. Русские называли их татарскими мечетями, но Гильденштедт предположил, что это гробницы татарских мурз. Только одно из строений, внутренние стены которого были отделаны цветным мрамором, видимо, действительно были мечетью. Рассказывали, что на берегах Конских Вод на курганах встречались женские статуи. Гильденштедт предположил, что и эти курганы являются ногайскими гробницами и относятся к древнему периоду этого народа, когда он еще не исповедовал мусульманство¹.

Покинули Никитинскую 16 октября и вскоре оставили район Конских Вод. Гильденштедт занес в дневник общие сведения о верховьях р. Берды, которые по мирному договору 1700 г. были границей России и Крымского ханства; низовье Берды тогда и позднее, по договору 1738 г., оставалось нейтральной землей. Пользовались этой землей только запорожские казаки, а выше, между Днепром и Донцом была сооружена Украинская линия укреплений. Но в последней войне, с 1770 г., когда русские начали использовать земли до старой границы, по всей Берде, Украинская линия потеряла значение и была заложена новая – Днепровская. Предполагалось реки Берду и Конские Воды перегородить плотинами, а между их истоками построить земляной вал. Пройденные путешественниками крепости служили защитой этой линии.

С 17 по 23 октября пришлось оставаться у р. Московки из-за карантина, которому здесь подвергали всех, едущих из Крыма. В присутствии начальника гвардии лейтенанта Алексева, руководившего этой операцией, лекарь осмотрел людей, проветрил и окуривал их вещи, а затем повторил все это по истечении шести дней. Перейдя по мосту на северный берег Московки, экспедиция прибыла в Александровскую крепость, последнюю в Днепровской линии; от Петровской до нее около 200 верст. Крепость (позднее – г. Александровск, с 1921 г. – Запорожье) была воздвигнута в виде четырехугольника на левом высоком берегу Днепра напротив о-ва Хортица.

29 октября покинули крепость, взяв курс вверх по Днепру на Кременчуг. На следующий день доехали до порога Ненасытец. Большие глыбы красного полевого шпата, весной перекрывавшиеся водой, теперь были обнажены². Гильденштедт подробно описал это удивившее его зрелище. Вода во многих местах сама прокладывала себе путь, сдвигая и ломая камни. Но ведь то же самое способен сделать и человек, только скорее и легче, взорвав и убрав эти препятствия. А кое-где можно было

¹ По мнению Палласа, это памятники древних славян.

² Паллас в примечании к этому месту дневника (Reisen... Th. 2. 1791. S. 108) указывал, что Гильденштедт здесь ошибся, приняв гранит за полевой шпат.

бы расчистить и сделать судоходным боковой рукав, не трогая главного русла.

Остановку сделали на четыре дня в крепости Богородщина (или Старосамарская), основанной Петром I. Теперь здесь стояли две роты гарнизона и жили 100 семей малороссиян. Гильденштедт сравнил расположение деревень по обеим сторонам Днепра с картой Атласа Российского и отметил места новых крепостей³. В этих местах сеяли гречиху, из нее пекли хлеб и блины. Рожь встречалась редко, а пшеницы совсем не было. Льна сеяли много, из него делали и масло, и грубые ткани. На р. Ворскла была плотина, от которой приводились в движение семь мельниц. Жернова привозили из Киева. 5 ноября ночевали на высоком берегу Ворсклы, у укрепления Кишенька. В этих местах Гильденштедт заинтересовался разнообразием огородных культур. Готовили здесь мед, брагу, водку и квас.

6 ноября переехали по дамбе р. Шметковку и достигли Колоберды. Вокруг селения встречались глыбы красновато-белого полевого шпата с вкраплениями золотой слюды. Гильденштедту рассказали, что недавно из куска черно-желтой слюды в 17 драмах местный провизор получил три грана чистого серебра, 51 гран висмута (маркезита). Такая же порода встречалась у р. Каменки, притока Волчьей.

На следующий день по дамбе переправились через р. Псёл и заночевали в д. Патоки. Затем, пройдя еще один мост, прибыли в Кременчуг, где их ждали студенты Беляев и Тарбаев. По приказу губернатора Новороссии генерал-майора Черткова путешественникам были отведены квартиры. Здесь им и предстояло перезимовать. Впрочем, ничего другого и не оставалось из-за плохого самочувствия Гильденштедта.

Прежде всего Гильденштедт, как он делал это обычно при длительных остановках, подробно ознакомился с городом и окрестностями, с их историей. В дневник он записал сведения об административном устройстве Новороссийской губернии и появлении в этих местах при Елизавете Петровне колонии Новая Сербия, куда съехались эмигранты сербы (молдаване, валахи, македонцы, болгары), а также историю постройки в этой колонии Елизаветинской крепости. Описаны также условия землепользования колонистов, их привилегии, военная служба в гусарских и уланских полках. Гильденштедт считал целесообразным переселить часть колонистов на восточный берег Днепра и расселить их вплоть до Воронежской и Астраханской губерний.

16 ноября, как уже говорилось, из Кременчуга был отправлен 33-й отчет в Академию наук. В нем описано путешествие по р. Берде и по новой пограничной линии, отмечены неточности академических карт района между Черкасском и Кременчугом, высказана мысль о целесообразности переселения жителей Черкаска и нескольких станиц из-за крайне неблагоприятных там условий проживания. Обследованные районы, по мнению Гильденштедта, наряду с землями на Тереке и Волге ниже Царицына, заслуживали особого внимания, поскольку весьма перспективны для культивирования винограда, шелка и хлопка. Гильденштедт

³ Там же. С. 112.

излагал свои соображения о мерах по улучшению дорог в этих местах, строительстве гавани в устье Берды, расчистке днепровских порогов и постройке обходных каналов, о местных строительных материалах, лесных посадках, об опыте охраны лесов в Новороссийской губернии.

Запланированные поездки санным путем в Киев и Полтаву оказались невозможными из-за бездорожья. 28 декабря Гильденштедт написал 34-й отчет⁴. С отчетом была послана ведомость о расходах экспедиции. Гильденштедт сообщал также, что, поскольку Соколова он передал Гмелину, а Зряковский умер и у него осталось всего два студента, он произвел в студенты Тарбаева, взятого "из гимназистов", и просил Академию это утвердить, чтобы стимулировать его усилия в науках. Кроме того, он просил разрешения оставшиеся в кассе из-за смерти Зряковского 144 р. разделить поровну между Беляевым, Крашенинниковым, Тарбаевым и рисовальщиком Белым для поощрения их и "для облегчения крайне тяжелых условий жизни"⁵.

Из Кременчуга Гильденштедт отправил пять писем Миллеру: в ноябре (число не указано), 28 декабря 1773 г., 26 января, 13 и 29 апреля 1774 г.⁶ В первом письме Гильденштедт сообщал Миллеру, что материалы по истории и географии Новороссийской губернии он будет собирать в Кременчуге в архиве. В письме от 26 января говорилось о том, что доктор Горголиус, губернский врач из Кременчуга, грек по национальности, изучил привезенные Гильденштедтом срисованные надписи на камнях и подтвердил предположение Миллера, что они написаны по-гречески, но с неверной орфографией, потому европейские лингвисты и не могли их прочесть (в частности, в Берлине, куда они посылались). Но это вовсе не означает, что здесь раньше жили греки, а может быть следствием религиозного и культурного влияния. В письме от 13 апреля Гильденштедт сообщил Миллеру, что от Долгорукого наконец получены бумаги, необходимые для поездки в Крым, что он намерен двух студентов с вещами отправить в Белевскую крепость, а с остальными через Запорожскую сечь и Перекоп двинуться в Крым и оттуда уже возвращаться через Бахмут, Белевскую крепость, Полтаву, Лубны, Переяслав, Киев, Нежин, Батурин. Миллер представил ему исторические сведения о Крыме.

Из Кременчуга в начале 1774 г. Гильденштедт отправил в Академию наук еще два отчета: 35-й от 26 января⁷ и 36-й от 15 апреля⁸. В них он информировал о своей работе над историко-географическим описанием Новороссийской губернии, о попытках расшифровки найденных на Тереке и Кубани надписей с помощью врача Горголиуса, о приготовлениях к поездке в Крым. О своих помощниках Гильденштедт писал в 36-м отчете.

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. № 5. Л. 183–184. Читан 7 апреля 1774 г. См.: Протоколы. III. С. 124.

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. № 5. Л. 183 об.

⁶ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 3. № 118. Л. 103–106 об., 107, 107 об., 108–109 об., 110–113 об., 114.

⁷ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. № 5. Л. 185–186 об. Читан 10 марта. См.: Протоколы. III. С. 119.

⁸ Там же. Л. 187–188 об. Читан 16 июня. См.: Протоколы. III. С. 136.

Крашенинников побывал в Черном лесу на р. Ингул, Беляев – в Полтаве у князя Долгорукого, чтобы получить необходимые документы для въезда в Крым. 26 января Беляев и Тарбаев отправились с вещами экспедиции в Белевскую крепость. Причем Беляеву было дано задание по пути изучать географию и экономику Екатеринбургской провинции Новороссийской губернии. Сам же Гильденштедт в оставшееся до отъезда время занимался изучением флоры под Кременчугом, под Воронежем и вдоль Терека.

10 февраля 1774 г. Гильденштедт получил письмо от Эйлера. В нем говорилось, что он должен действовать, насколько это позволяют "драматические обстоятельства", а маршрут обратного пути целиком оставляется на его усмотрение⁹.

6 мая путешественники снова отправились в путь в надежде на этот раз попасть в Крым. С Гильденштедтом ехали рисовальщик Белый, егерь, переводчик с татарского Иван Антонов, два конюха, повар, двое из прислуги и пять казаков. Группа имела одну повозку, пять телег и 19 лошадей. На большом пароме переправились через Днепр к укреплению Крюков. На берегу лежали понтоны, из которых в середине мая скрепляют мост. Ночевали у слободы Белецковка по соседству с двумя цыганскими семьями, которые здесь работали кузнецами. Дальше дорога шла сначала по голым песчаным холмам, а потом лесом, в котором Гильденштедт впервые в России увидел ломонос (*Clematis recta*). Под крепостью Табурище Гильденштедт осмотрел судовые мельницы, которых на скалистом берегу Днепра было 20. По дамбе переехали р. Цыбульник и остановились в укреплении Крылов, где было около 1000 домов малороссиян и русских, большей частью раскольников. В поселении велась бойкая торговля, устраивались ярмарки. На холме стояла ветряная мельница.

Под Крыловом, на дамбе через р. Тясмин, был установлен шлагбаум, указывавший на границу с Польшей. По ту сторону был польский поселок, тоже Крылов. Переночевав в Крылове, поехали вдоль польской границы вверх по Тясмину через прекрасный лес. Из слободы Галагановка вдали был виден Чигирин, некогда бывший резиденцией гетмана малороссийских казаков; теперь это была небольшая деревня, в полсотни домов.

9 мая вверх по реке Ирклею дошли до укрепления Вершацк, где остановились в доме майора Урапова, ведавшего землемерными работами в Новороссии. Он жил в этих местах уже 20 лет, и Гильденштедт решил воспользоваться его знанием края и совершить несколько экскурсий. Кроме того, Гильденштедт послал за студентом Крашенинниковым, который еще в марте отправился в знаменитый лес Чута наблюдать весенние растения и заболел лихорадкой.

Лошадям экспедиции дали отдохнуть, поэтому Гильденштедт поехал на почтовых по берегу р. Чутка до местечка Цыбулев, где осмотрел и описал Чутский лес. В Цыбулеве обедал у майора Дмитрия Михайловича, серба, поселившегося здесь 20 лет назад. С ними были также лесничий

майор Максимов, надзиравший за лесами Елизаветградской провинции, и лесовод Федор Александров, ведавший лесными посадками. Два года назад под его присмотром посадили дубы, клены, шелковицы и другие деревья возле раскольничьих деревень Клиницы, Калиновка и др., и этот опыт удался.

Гильденштедт объездил массивы Черный и Великий лес на речках Малый Ингулец и Рудая, а также лес, называемый Миржанова Пасек. Действительно, в нем было больше 100 ульев из выдолбленных липовых стволов (зимой их держали в погребе). В садах в Вершацке и Цыбулеве росли яблоки, груши, вишни, сливы, черешни, персики, абрикосы. Встречались и шелковицы, изредка виноград, но говорили, что из-за холодов он плодоносит не каждый год. В садах росли крыжовник и смородина, пионы и розы. Потом Гильденштедт ездил за 7 верст от Вершацка в Каеву Пасек, между речками Чута и Чутка; здесь росли и фруктовые деревья. Речки изобиловали рыбой и раками; их вылавливали корзинами.

13 мая побывали в Чигирине, где от старой крепости сохранились лишь следы рва да остатки кирпичной стены и двух башен. Были вырыты ямы, из которых ломали песчаник для жерновов. На северной, польской стороне р. Иркле виднелся большой крест – знак того, что землевладелец приглашал всех желающих поселиться здесь и в течение трех лет не будет брать с них податей. Гильденштедт заметил, что это противоречит трактату, согласно которому на 30 верст от русской границы не должно быть поселений. Жители этих мест поставляли подводы и волов для торговли с Крымом, туда везли главным образом лен, обратно – соль.

15 мая Гильденштедт осмотрел казенный стеклянный завод, построенный в 1763 г. в лесу Чута, и описал устройство печей, технологию получения оконного и посудного стекла, пути доставки сырья. "Вообще, – записал он в дневнике, – мне кажется экономически неразумным в крае, очень бедном лесами, строить такой завод, не столь уж необходимый и потребляющий много дров, к тому же и сырье привозится сюда издалека"¹⁰. По его мнению, стоило бы переоборудовать этот завод в кирпичный.

Прежде чем покинуть Вершацк, Гильденштедт решил объездить расположенные неподалеку гусарские полки. Проехали слободу Плоска, где жили староверы, некогда бежавшие в Польшу, а потом возвратившиеся в русское подданство, получив гарантию неприкосновенности своей веры. Таких слобод в этой губернии было девять. Жители их сохранили русские обычаи в одежде, домашнем укладе и отличались трезвостью, чистотой и порядком. Путники остановились в укреплении Дмитровка. Здесь было около 500 домов, в которых жили, кроме малороссиян, молдаване, валахи, сербы. Около 100 болгарских семей (примерно 1500 человек) со своим скотом год назад переехали сюда по распоряжению генерал-фельдмаршала П.А. Румянцева. Они разместились на восточном берегу р. Синюхи.

Из Дмитровки направились вдоль р. Ингулец, мимо Черного леса и

⁹ СПбФ АРАН. Ф.1. Оп. 3. № 55. Л. 74, 74 об.

¹⁰ *Güldenstädt J.A. Reisen. Th. 2. S. 141.*

опустевшего из-за разбойничьих набегов монастыря Уховка. На Ингульце пороги напоминали днепровские. На р. Березовке Гильденштедт изучал строение берегов и растения на склонах оврагов. В Козовке наблюдали подземную мельницу, приводимую в движение лошадьми, – в глубокой яме колесо вращало жернова, а ось колеса выступала наружу и приводилась в движение жердью, в которую впрягали лошадей. Все лошади болели. Гильденштедт назвал их болезнь "гнилой лихорадкой" и дал советы по лечению. Дальше направились в расположение 6-й роты желтого гусарского полка в Павличи – маленькое селение с убогими домами, так как вокруг совсем не было леса. Гильденштедт обратил внимание на растение ясенец (*Dictamnus albus*), которое применяли в пчелиных ульях против загнивания дерева и для лечения разных болезней.

22 мая проезжали через Великий лес, в 8 верст длиной и 3–4 шириной. Им тоже ведал майор Максимов. На обратном пути в Вершацк наблюдали, как здесь пахут под просо. В плуг были впряжены 3–4 вола, один человек погонял их, а другой управлял плугом. Рассказывали, что здесь каждый год на одной и той же земле сеют поочередно просо, гречиху, пшеницу, ячмень, овес, рожь. Просо и гречиха давали урожай сам-двадцать или сам-сорок.

Покинули Вершацк 25 мая, направившись по западному берегу р. Ирклей, которую переехали по мельничной дамбе. Часть пути пришлось на польскую территорию, так как русский берег был сильно изрыт оврагами. Недалеко был виден красивый Матренин лес, похожий на Чутку. Миновав истоки р. Ирклей, приехали в слободу Княжную, основанную несколько лет назад князем Баратеевым, полковником черного гусарского полка. Слобода располагалась у истока р. Тясмин, в основном на польской земле. Каждое воскресенье здесь устраивались базары. У слободы Вершаки на Тясмине на открытой равнине на полверсты раскинулась красивая роща из молодых берез и елей. Вскоре к северу от дороги показался лес Нерубай, тянувшийся на 8 верст. Он принадлежал польскому князю Любомирскому.

В течение пяти дней объездили шесть укреплений – шанцев, занятых ротами черного гусарского полка, а 27-го прибыли в шанц Ново-Миргородский. Здесь была канцелярия черного гусарского полка. На южном берегу Большой Выси стояло пятиугольное укрепление с валом и сухим ровом, вокруг – около 600 жилых домов, лавки, сады, много виноградников. Рассказывали, что морозы здесь вовсе не вредят винограду и он растет хорошо, но все же его выращивают столько, сколько могут употребить свежим. В городе были цех ремесленников, кирпичный и кожевенный заводы; правда, из-за плохой глины кирпич был некачественным. Дерево красивый желтый для дубления овечьих и козьих шкур привозили из-за Буга. Гильденштедт описал процесс крашения кожи в желтый и красный цвета. Дрова покупали у князя Любомирского.

Дома здесь обмазывали белым мергелем, слой которого лежал под черноземом и щелочной глиной. По мнению Гильденштедта, он мог бы служить хорошим удобрением.

27 мая ночевали в Миргороде, обедали у вдовы подполковника Шмидта, владелицы винокуренного завода и мельницы на р. Выси.

Мельницы летом здесь стояли из-за недостатка воды, но в другие времена года благодаря запрудам они работали. В реке водилась рыба. Недалеко отсюда Высь образовывала остров, а напротив него, в овраге, называемом Коробчинским буераком, рос лес, в котором Гильденштедт насчитал около 30 пород деревьев. В расположении 2-й роты черного гусарского полка на берегу Выси дома вместо заборов, чтобы сберечь лес, были окружены небольшими земляными валами и рвами. Встречались плетни из ивовых веток или вбитых в землю досок. Гильденштедту казалось, что гораздо красивее и прочнее были бы живые изгороди, для которых легко можно посадить подходящие деревья и кусты.

В последние дни мая объездили еще четыре роты, у каждой был свой поселок в 200 домов. В Землецке жили несколько отставных офицеров, имевших поблизости земли и деревни. Недалеке от поселка стояли карантинные постройки, так как здесь проходили дороги из Польши, Венгрии, Валахии. Отставной капитан, владелец слободы в 60 домов, основал здесь торговое общество. Рогатый скот, шерсть, мед, воск и пеньку вывозили отсюда вплоть до Силезии, а ввозили из Польши водку и соль, из Венгрии – вино, из Германии – шерстяные и шелковые изделия. Небольшой лес у устья Берладинки окопали и принялись за его расчистку, а рядом заложили большой виноградник – саженцы были присланы из Венгрии и Валахии.

30 мая двинулись вдоль границы, по р. Синюхе, до ее впадения в Буг. В укреплении Архангельском было около 300 домов. Здесь 39 купцов создали некую торговую компанию и 23 ремесленника объединились в цех. На другом берегу, за дамбой, в польском с. Торговица, стояла мельница, а по эту сторону дамбы – русская мельница, реку переходили свободно. Повернув к югу, попали в укрепление Тишковка на речке того же названия, где жили валахи. Прежнее население зимой 1768/69 г. бежало отсюда, опасаясь нападений татар. Дальше к югу, по речке Сухой Ташлык достигли 31 мая укрепления Добрянского – место оказалось очень плодородным, но леса не было, а из большого леса, видневшегося вдалеке, поляки не давали дров даже за деньги. Три года назад сюда пришли валахи, приписанные к молдавскому полку.

В укреплении Масловом на берегу Синюхи, куда прибыли 1 июня, не встретили ни души. Мужчины были в походе, а женщин и детей три дня назад угнали запорожцы. Вернее, угнали скот, а люди ушли следом за своим скотом; остались лишь несколько женщин с малыми детьми, ожидавших мужей из похода. У речки Черный Ташлык видели еще одну слободу, разоренную запорожцами. Екатерининское укрепление на восточном берегу р. Синюхи было построено в 1770 г. генерал-аншефом графом Паниным для прикрытия переправы через Буг и дороги на Бендеры. В этом месте сходились границы России, турецкой Бессарабии и Польши. У моста через Буг, на западном берегу реки стояли лагерь несколько тысяч солдат 2-й армии, а в 40 верстах ниже по Бугу – 5 тысяч запорожских казаков у границы с татарскими землями. Запорожцы в тех местах могли только ловить рыбу и владели переправой.

Дальше ехали вдоль Черного Ташлыка, а после недавнего нападения запорожцев, 4 июня повернули по речке Плетена-Ташлык. В слободе

Глинка жили большей частью русские раскольники, бежавшие в Польшу при Петре I и Елизавете. Лес сюда везли из Польши, рогатого скота держали мало, а больше лошадей для езды и для полевых работ. У укрепления Плетена-Ташльцкокого, заселенного валахами, Гильденштедт провел день в ботанических изысканиях. По дороге попадались змеи, одну из них Гильденштедт назвал *Coluber bicolor*.

6 июня доехали до долины, в которой берет начало р. Большая Высь. У холма Старый Майдан обнаружили лежавший на земле семифутовый камень – человеческую статую очень грубой работы. Теперь здесь жили валахи. От прежних селений, покинутых во время войны, остались лишь церкви. Новые обитатели по образу жизни и одежде мало отличались от малороссиян. В поле работали большей частью на волах; лошадей было мало, но много овец и свиней. Пахали большими плугами, сеяли пшеницу, просо, рожь, ячмень, овес, гречиху, бобы, кукурузу. В языке этих людей Гильденштедт заметил много латинских корней. Сами они называли себя молдаванами, тип лица имели европейский, рост небольшой, характер переменчивый и упрямый.

В тот же день к вечеру, переправившись через Ингул, достигли Елизаветинской крепости¹¹, где сделали остановку на пять дней. Шестиугольник крепости был окружен сухим рвом, на восточной стороне слобода под названием Подол насчитывала около 600 домов. Здесь было много торговцев и ремесленников. Из построек выделялись ратуши и церкви православная и раскольническая (большинство жителей посещали последнюю и делились они на секты).

К северу от крепости в Солдатской слободе жили офицеры и солдаты, там же размещался большой госпиталь; южнее – Греческая слобода; западнее – Артиллерийская, или Пулковская. В каждой слободе была своя церковь. Из гражданского населения всего насчитывались 2400 человек; в гарнизоне – три батальона и артиллерийская команда.

В самой крепости располагались казармы для холостых солдат и дома для офицеров, церковь, гауптвахта, губернская канцелярия, школа, тюрьма. Дома были деревянные, неприглядные на вид с соломенными крышами, садов мало. Ингул так высох, что кое-где его можно было даже перепрыгнуть. В колодцах вода была с неприятным запахом гнили. Торговля сейчас была в упадке, но в мирное время она шла бойко и без пошлин с Польшей, Валахией, Крымом. Гильденштедт описал растительность возле крепости в большой балке, на болотистом берегу Ингула и на красивом лугу западнее реки. Чрезвычайно разнообразным оказался мир растений на северном, каменистом берегу Сугокля. Гильденштедт записал в дневнике около 150 названий, среди них много лекарственных. На восточном берегу Ингула находился кирпичный завод, топливо для него привозили из Черного леса.

12 июня из крепости вышли на юго-восток. В Петровской слободе на речке Аджамке жили русские. Несколько лет назад татары сожгли здесь большую часть домов, угнали людей, теперь здесь оставалось только 40

¹¹ Отрывок "Путешествия" с описанием Елизаветграда опубликовал в русском переводе "Елизаветградский вестник" 4 февраля 1889 г.

семей. 14 июня проехали еще несколько слобод – везде следы опустошения и новые поселенцы. 15-го продвигались вдоль речки Омельник, где Гильденштедт отметил разнообразие растений – более 100 названий он занес в дневник.

Елизаветградская провинция, по его мнению, была бы особенно ценна как край опытного сельского хозяйства. А в остальном она едва ли окупает средства, вкладываемые сюда казной.

Все эти соображения Гильденштедт изложил в 37-м отчете в Академию наук, написанном в Каменке 22 июня 1774 г.¹², в нем содержались подробное описание Елизаветградской провинции и предложения по охране и посадке лесов, улучшению состава луговых трав, по развитию скотоводства, земледелия, садоводства, виноделия. Гильденштедт считал целесообразным постепенно переселять отсюда польских малороссиян, молдаван и валахов на пустовавшие земли между Волгой и Днпром, освобождая здесь место для новых поселенцев с запада. Гильденштедт, заметив, что в этой провинции женщин примерно на 20 тыс. меньше, чем мужчин, предлагал вести демографический учет по всей стране и принять поощрительные меры к восстановлению равновесия и к целенаправленной миграции (образец такого учета можно найти в Швеции).

Вторую половину июня пришлось провести в слободе Каменской, на западном берегу Днепра, чтобы починить сильно поломавшиеся в пути телеги. Гильденштедт изучал летние растения у Днепра, занес в дневник около 200 названий. У Кременчуга через Днепр был перекинут понтонный мост длиной в версту, напоминавший Гильденштедту мост в его родной Риге. В Кременчуг в конце июня пришло много плотов из сосновых и словых бревен, спиленных под Добрянском на Десне. Оттуда же пришли плоские барки с дегтем и водкой. В Кременчуге и Исть-Самаре эти барки разбирали и продавали на дрова. В последних числах июня начали жать рожь, и Гильденштедт описал жатву и уборку. Он узнал, что в районе Каменки попадают осетры, севрюги (здесь их называли "пеструша"), стерлядь, или чечуга. Ему принесли молодую косулю, пойманную неподалеку; рассказывали, что встречались и олени. Вблизи устьев Днепра и Буга раньше было много сайгаков, но теперь они уже стали редкостью; в камышах водились дикие кабаны, в степи – лисицы, барсуки, зайцы и волки. Птиц на Днепре было меньше, чем на Дону и Волге, однако Гильденштедт все же насчитал около 30 видов.

Изучив геологическое строение берега Днепра и небольшого каменистого острова у устья Псе́ла, Гильденштедт не обнаружил здесь следов металла. Потому он и не мог понять, откуда родилось предание, будто грузинский царевич Александр, побывавший 10 лет назад в этих местах, нашел здесь благородные металлы и обрабатывал их. Также поразил его рассказ о том, что на берегу Днепра возле Каменки нашли янтарь величиной с куриное яйцо. Он решил, что это был кусок полевого шпата янтарного цвета – подобный он видел в широкой расщелине у устья Псе́ла.

¹² СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. № 5. Л. 189–196 об., 198. Читан 22 августа. См.: Протоколы. III. С. 145.

Тем временем Гильденштедт продолжал готовиться к путешествию в Крым. Он продвигался со своей группой по так называемой Кайдачной дороге, которая вела в Запорожскую сечь. Но 20 июля, находясь уже на границе запорожских земель, он получил приказ от Академии наук ускорить возвращение в Петербург. Тем самым стало ясно, что путешествие в Крым отменяется.

Пришлось возвращаться в Кременчуг, куда прибыли 26 июля, чтобы использовать оставшееся летнее время и объездить некоторые примечательные районы. Для этого предстояло еще забрать Беляева и Тарбаева из Белевской крепости. О прерванной поездке в Крым и возвращении в Кременчуг Гильденштедт доложил Академии в 38-м отчете, написанном 26 июля¹³.

31 июля выехали из Кременчуга, ехали вдоль Днепра, потом по открытой степи, теперь уже сухой и выжженной, достигли Псёла и городка Омельник, относившегося к Миргородскому казацкому полку. Переночевав в Омельнике, двинулись вдоль Псёла, потом вдоль речки Манжелевки и местечка Манжелей, известного своими красивыми черными овцами, затем снова вдоль Псёла до местечка Голтва. Здесь в низинах сеяли коноплю, а на холмах рожь; поля не удобряли, но часто оставляли под паром, поэтому пашни не хватало. Дома были очень разбросаны, и от этого тоже пропадало много земли. В Голтве находились укрепления, около 100 домов на западном берегу Псёла и несколько сот с тремя церквями на другом берегу. Между домами пробегала р. Голтва. В укреплении стояла сотня Миргородского казацкого полка, а за его стеной – главный госпиталь второй армии. В Голтве Гильденштедт осмотрел и подробно описал селитряную варницу, владелец которой поставлял селитру в артиллерийскую канцелярию. Покинув Голтву, ночевали на берегу Великого Кобыляничика, в д. Графинка, некогда принадлежавшей графу Воронцову.

3 августа достигли городка Великого на р. Ворскле. На ее крутом берегу жители находили кристаллы селенита, которые называли "земляное сердце", истирали в порошок и принимали как сердечное лекарство.

Великий имел укрепление, около 100 домов на холме и несколько сот в низине. Лименская крепость на р. Орель куда прибыли 4 августа, относившаяся к Украинской линии, была пуста, но неподалеку было видно несколько слобод и местечек, населенных малороссами. Рассказывали, что они здесь терпят всяческие притеснения от запорожцев. Но сейчас из-за эпидемий сообщение с запорожцами шло только через карантин.

7 августа наконец достигли Белевской крепости, где застали Тарбаева и все вещи в полном порядке; Беляев же еще не вернулся из поездки по западной части Украинской линии. На восточной стороне возле Белевской был раскинут большой казенный сад, заложенный вместе с крепостью 35 лет тому назад. Виноград в нем одичал и не плодоносил, а 1200 шелковиц были высокие и крепкие, хотя выросли без всякого ухода. Их высота

даже затрудняла сбор листьев. Ассессор Н.П. Рычков (сын П.И. Рычкова), надзиравший над плантациями шелковицы под Царицыном, в том году и здесь развел шелковичных червей, построив для этого четыре здания, и получил 6 пудов шелка. Посаженные в саду 450 деревьев грецкого ореха прекрасно росли и плодоносили без всякого ухода.

Бахмут, Киев, Нежин, Глухов

Вторую половину августа и сентябрь Гильденштедт посвятил поездкам по Слободской Украине, чтобы осмотреть восточную часть Украинской линии и соленые источники в Спеваковке (в дневнике Гильденштедта *Spīwaŋowka*), Горе (Славянске) и Бахмуте. Часть людей и вещей остались в Белевской, куда должен был приехать с западной части Украинской линии студент Беляев.

Из Белевской выехали 14 августа на восьми почтовых лошадях. Ехали вдоль р. Берестовеньки, по низменному лугу, видом и составом трав напоминающему северные луга. Крепость св. Иоанна на р. Берестовой (это была одна из 17 крепостей Украинской линии, тянувшейся от Днепра к Северному Донцу протяжением в 400 верст) была пуста. Осмотрели крепость св. Параскевы на той же реке, слободы Староверовку и Ленивку. Последняя была населена однодворцами. Возле хат росло много вишен, слив, яблонь, дворы были заняты скирдами ржи, пшеницы и проса – запасы на случай неурожая, которые здесь бывали нередко. И год путешествия Гильденштедта тоже был очень плох; рожь, пшеницу, ячмень и овес не жали, а косили, настолько они были редки и низки. Гречиха уродилась лучше, но сильный холод в ночь на 13 августа все проморозил. Стало очевидно, что виноделие севернее Украинской линии невозможно.

Возле Ленивки Гильденштедт описал, как здесь пашут и боронуют под озимую рожь. Удобрений навозом в этих местах не знали, каждый участок земли через два года на третий оставляли под пар. Стога ставили на досках приподнятыми от земли – таким образом зерно могло сохраняться годным для посева около 10 лет. Так поступали однодворцы. Малороссы же сушили обычно снопы в поле, затем дома молотили и хранили зерно в ямах, где оно могло сохраняться до 10 лет, но для посева уже через три года едва годилось. На возвышенности возле Ленивки был баштан – огурцы, арбузы, дыни, тыквы. Большая часть арбузов погибла от холода.

Недалеко от крепости Ефремовская у истоков речки Орель видели балку, густо заросшую орешником, бересклетом, терном, дубом, ясенем, кленом, осинкой; рядом находился лес с огромными дубами, взятый в казну.

От Ефремовской граница, разделявшая Екатеринославскую провинцию и земли запорожцев, шла до Донца по р. Берека. Запорожцы запрещали жителям провинции пользоваться землей за линией, а за право косить там сено брали плату. Крепость Алексеевка была пуста, недалеко от нее на горе виднелись развалины деревянного дома князя Кантемира и сад. Берека, которая весной приводила в движение мельницы, теперь представляла собой лишь лужу.

¹³ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. № 5. Л. 199, 199 об. Получен 5 сентября, читан 15 сентября. См.: Протоколы. III. С. 148.

Следующей на пути крепостью была Петровская, замыкавшая Украинскую линию со стороны Донца. Ее деревянные здания – казармы, караульни, магазины и лазареты – совсем развалились. У ворот крепости стояли две статуи из крупнозернистого песчаника: одна изображала сидевшего мужчину с тремя косами до пояса, другая – женщину с повязкой в форме гребня на голове и локонами по плечам. Похожие статуи, чуть больше человеческого роста, путешественники видели на Маныче.

Переехав по мосту Береку, дошли вдоль Донца до слободы Каменки Изюмской провинции. Река Каменка, пополнявшая свои воды из многих ключей, приводила в движение две мельницы. Жители платили подушную подать и поставляли рекрутов в Изюмский гусарский полк (слободские казачьи полки в 1765 г. были переименованы в гусарские). Нынешний губернатор организовал здесь, как и по всей Слободской губернии, сбор ржи, ячменя и овса для запасов, из которых весной выдавалось взаймы всем нуждавшимся зерно для посева. Гильденштедту эта идея очень понравилась. Рассказывали, что в Каменке находили черные камни, похожие на угли, но у Гильденштедта не было времени, на их поиски.

Наблюдая за деревьями, росшими в различных условиях, Гильденштедт пришел к любопытному выводу: "Кроме климата причиной присутствия или отсутствия различных пород деревьев и других растений является почва. Например, мне кажется, что калина гордовина (*Viburnum lantana*), дубровник обыкновенный (*Spiraea crenata*) и таволга городчатая (*Teucrium chamaedrys*) не могут расти там, где под черноземом нет камней. Эти растения присущи Кавказскому хребту, а затем появляются только в Елизаветградской провинции; по всей же Украинской линии, где совсем нет камней, они не встречаются. Следовательно, в том месте, где они растут, можно предполагать наличие под черноземом каменных залежей"¹⁴.

17 августа дошли до истоков речки Голая Долина. Местный Черкасский лес стал предметом спора между жителями Изюма и запорожцами, сделавшими три года назад Голую Долину своей границей с Изюмской провинцией. Большие дубы, которые видел в лесу Гильденштедт, по его мнению, вполне годились для кораблестроения – их можно было бы сплавлять до Донца и Дону в Таганрог. Гильденштедту сказали, что местность между Святогорским монастырем и Маяками богата разнообразными породами деревьев, и он решил свернуть к монастырю, сделав крюк верст на 20. Недалеко от монастыря в береговом меловом кряже Донца были вырублены часовня, кельи и глубокие ходы. Монастырю, построенному 100 лет назад харьковским полковником Федором Шидловским (в дневнике Гильденштедта *Schirovsky*), принадлежали две деревни. Недалеко от монастыря еще 10 лет назад развели виноградник (около 400 лоз), и хотя он был увешан ягодами, но мелкими и плохими. В лесу, кроме сосен, встречались и другие породы, в том числе редкие, например, шевское деревце (*Phus cotinus*), листья которого употребляются при выделке сафьяна. Раньше Гильденштедт видел его только на песчаных холмах у Терка и в местности Гард на Буге.

¹⁴ *Güldenstädt J.A. Reisen... Th. 2. S. 228.*

Маяки, где путешественники ночевали, был небольшим городком, окруженным сухим рвом и частоколом и разделенным между Изюмской провинцией Слободской губернии и Бахмутской провинцией Новороссийской губернии.

18 августа, спустившись к р. Торец, достигли города Тора (Славянск), где Гильденштедт решил посвятить несколько дней изучению соляных источников и местных солеварен. Речка Калантаевка принимала воду из пяти соленых озер, но теперь сильно высохла. Гильденштедт детально описал в дневнике колодцы, из которых доставали рассол, подъемный механизм, устройство варниц. Неподалеку можно было видеть забросенный канал, пересекавший старый земляной вал. Канал (результат деятельности в этих местах другого петербургского академика – Г.Ф. Юнкера) предназначался для подвоза к варницам дров от Торца, но оказалось, что сооружение его угрожает наводнением городу и соляным озерам, и строительство пришлось прекратить. По мнению Гильденштедта, было бы проще расчистить и расширить Калантаевку. Идея устройства колодцев, подъемных машин и варниц тоже принадлежала Юнкеру. В установке насосов, расположении варницы Гильденштедт нашел некоторые дефекты, устранение которых, по его мнению, могло бы сократить труд по подъему рассола и уменьшить количество труб. Варницы несколько лет назад были заменены, но старые, юнкеровские, еще лежали разбитые и, как показалось Гильденштедту, они были устроены превосходно. Тщательно сравнив старые и новые, он пришел к выводу, что хотя новые варницы в 4 раза дешевле, но они имеют недостатки, которые намного перекрывают кажущуюся выгоду: требуют значительно больше топлива, скоротечно быстрее портятся, в них попадает копоть и пыль, рабочие вынуждены находиться в жару и в дыму – всего этого в старых не было, к тому же старые могли работать круглый год, а нынешние зимой почти не пригодны.

Вообще Гильденштедт считал, что местное солеварение малопродуктивно, имеет плохой сбыт в Малороссии, куда привозится много соли из Крыма. Но если повести дело более рачительно, можно обходиться и без крымской соли, например построить градири, переоборудовать насосы и принять другие меры к сокращению расхода топлива и числа работников. По мнению Гильденштедта, город следовало бы перенести на две версты вниз по Торцу (сейчас в нем было около 150 домов и еще примерно 200 в предместье) и запретить селиться около колодцев и озер всем, кроме солеваров, из-за гнилых испарений и отсутствия хорошей воды.

22 августа, проехав 43 версты, достигли Бахмута. По дороге видели две каменные женские статуи; вторая, около речки Дальние Ступки, была без рук. Говорили, что между Днепром и Перекопом таких много.

Бахмут (Артемовск), расположенный на отлогих берегах р. Бахмут, окружали земляной вал и батареи. С запада и с севера располагались две слободы, почти по 100 домов каждая. В юго-западной части города находилась маленькая крепость, а между нею и левым берегом реки – солеварни с двумя колодцами. 12 насосов, остальные запасные. И здесь Гильденштедт подробно описал все устройства и высказал свои соображения

об их улучшении. Кроме двух действующих колодцев, было еще три, в одной версте ниже по реке, но теперь они были засыпаны. Там, где колодцы имели отток в реку, вода на протяжении 6 верст была соленой. В городе было очень мало хорошей воды. По речке Бахмут уже не осталось леса, а дрова для солеварен доставляли с Донца и речек Булавин Колодец и Миус, за 60–70 верст. В трех верстах от города вверх по реке два года назад устроили карантин для приезжавших из Крыма, с новой Днепровской линии, из Таганрога, Азова, Ростова и Черкаска. Гарнизон города составлял один батальон. Два раза в год здесь устраивались ярмарки.

Выехали их Бахмута утром 25 августа. В балке Скалевой под слоем каменного угля вытекал источник, вода которого, как показалось Гильденштедту, могла быть целебной. Он полагал, что местность у верховья реки Бахмут с хорошей водой и плодородной почвой можно было бы заселить и восстановить леса путем посадок. Теперь здесь были только хутора, принадлежавшие жителям Бахмута.

Ночевали в слободке Микитовка. На следующий день ехали степью мимо истока р. Лугань, возле которой еще были остатки леса – отсюда брали дрова для Бахмута. У истока Миуса на холме видели три каменные статуи. У р. Белая Лугань проезжали слободу Белинка, основанную четыре года назад раскольниками из Стародуба (около 150 семей), дома – деревянные, русские, топились по-черному. В Белинке ночевали. Утром, направившись к югу, видели у истоков Миуса около 100 русских семей, недавно переселенных из-под Севска Белгородской губернии. Теперь они оказались без сена, и для пахоты под озимые осталось очень мало времени. Деревня Большая Екатериновка, основанная пять лет назад майором Стеричем, пустовала – жители разбрелись из-за его конфликта с властями Новороссийской губернии. Покинутой оказалась и слобода Стерича Ново-Павловка. Оставленные их жителями дома начали занимать раскольники. Эти места были богаты лесом – отсюда его везли в Таганрог, Азов, в крепость Дмитрия Ростовского. Особенно в лесах распространился дуб. Говорили, что там встречаются олени, косули, дикие кабаны, куницы; в степях же много волков, лисиц, зайцев и других грызунов. Рыбы в Миусе теперь стало мало из-за мельничной дамбы, построенной выше Таганрогской линии и мешавшей подъему рыбы в реку.

28 августа свернули на северо-восток. По дороге на Петропавловку то и дело попадались могильные холмы со статуями из песчаника. Эта слобода, покинутая ее жителями, также была занята переселенцами из-под Севска.

На следующий день ехали по степи вдоль р. Луганчик и хуторов, принадлежавших офицерам Бахмутского гусарского полка. Свернув к Донцу, переправились в донскую казацкую станицу Луганскую, чтобы посмотреть ярмарку, которую здесь обычно устраивали в последнюю неделю августа. Собралось много торговцев из Черкаска, крепости Дмитрия Ростовского, Воронежа, Харькова, Белгорода и из окрестных мест. Особенно бойко торговали лошадьми, рогатым скотом, овцами. Овец много продавали донские казаки, татары и калмыки, жившие под Черкасском и крепостью Дмитрия Ростовского. Русские купцы предлагали

деготь, водку, юфть, сафьян и полотно, местные земледельцы – зерно, шерсть, овощи, а покупали готовую одежду из полотна, китайки или шерсти, сапоги, пояса, шапки, деревянную и железную посуду, веревки, телеги, колеса, хомуты. Несколько лавок торговали стеклом, хлопчатобумажными и шелковыми изделиями и пряностями. По типу домов и одежде мужчин станица походила на донские, но женщины одевались, как казачки на Хопре.

Вернувшись на правый берег Донца, заночевали в слободе Терны. Дальше ехали вдоль Лугани, мимо укрепления Каменно-бродского и других рот Бахмутского гусарского полка. Гильденштедт отметил в дневнике, что в этих местах теплый климат, плодородная почва, хорошая родниковая вода, большие леса.

Чтобы добыть лошадей для экспедиции, пришлось двинуться по левому берегу Донца, где у однодворцев их было много. Здесь между ротами (в самой большой из них – Серебрянской насчитывалось 300 домов) располагались хутора, принадлежавшие офицерам. Эта местность пустовала до 1753 г., когда сюда прибыли покинувшие Венгрию сербские генералы Перерадович, Шевич и Хорват. Последним двум была отведена земля под названием Словено-Сербия на правом берегу Донца и на Лугани. В 1764 г. названия Словено-Сербия, так же как и Ново-Сербия, отведенная Хорвату, были упразднены, первая вошла в состав Елизаветградской провинции, вторая стала частью Бахмутского уезда Новороссийской губернии.

Следующую неделю продвигались вдоль рек Донец, Айдар и Койсуг через слободы Спеваковка, Боровинка, Сухаревская, Ямполовка на р. Жеребец. Интересовавшие Гильденштедта сведения он заносил в дневник. У моста через Оскол, напротив слободы Царев-Борисовка, стояла старая крепость, построенная еще Борисом Годуновым.

Вечером 3 сентября достигли Изюмской крепости на возвышенном правом берегу Донца с земляным валом, рвом и батареями; жилые дома находились в слободе к северу от крепости. Жители ее разводили баклажаны (*Solanum esculentum*) и паслен. После ночевки в Изюме переехали Донец, затем Мокрый Изюмец и дальше двигались вдоль левого берега Донца, богатого лесом. Гильденштедт осмотрел мельницы и винокуренные заводы, в которых из-за дефектов строительства отметил лишний расход топлива. Правда, ему очень понравилась система водного охлаждения. Побывали в слободе Спеваковке, возле которой изюмские казаки издавна добывали соль, но построенные лет сорок назад заводы оказались невыгодными и вскоре закрылись. Солеваров перевели в Бахмут и Тор, а жители-однодворцы переехали на р. Айдар, где основали слободу под тем же названием. На месте прежних заводов теперь можно было видеть только высохшие колодцы.

У слободы Прокопьевской вышли на прямую дорогу, отклонившись от Донца, пересекли речку Чепель – у ее впадения в Донец были судовые мельницы, называемые байдаками. На р. Бурлей, недалеко от слободы Геевки, осмотрели винокуренный завод с оригинальным устройством домашних труб, выходящих на чердак, крыша которого имела прорезь для выхода дыма и защищала трубы от дождя, а чердак использовался для

копчения окороков. В том году винокурение из-за неурожая было приостановлено по приказу губернатора.

Часть слобод была заселена малороссиянами и принадлежала Изюмской провинции; в других жили однодворцы и они относились к Екатеринославской провинции. Между ними не прекращались споры о границах.

В слободе Старо-Охочей на р. Берестовой наблюдали стрижку овец. Малороссияне их стригли только весной, так как зиму овцы проводили в открытом поле. Однодворцы держали их в хлеву и стригли весной и осенью, причем качество шерсти осенней стрижки было гораздо выше, и из нее делали хорошее, мягкое сукно. Зато у малороссиян скот был более здоровый, овец они почти не доили, а все их молоко шло ягнятам.

6 сентября достигли балки Гуляй-поле, осмотрели крепость Новые Водолаги и слободу возле нее, где этой весной по указу слободского губернатора Щербинина и асессора Н.П. Рычкова из полученных семян пытались развести шелковицу, но всходов было немного, да и те большей частью засохли. В Новых Водолагах 4 раза в год устраивали ярмарки. В слободе жили зажиточно – в хатах изразцовые печи, большие окна, деревянные полы, вокруг фруктовые сады. Население составляли в основном ремесленники, преимущественно кожевники и гончары.

Повернув на юго-запад, вышли к слободе Староверовке, в которую заходили 14 августа, а дальше возвращались уже знакомой дорогой до Белевской крепости, где Гильденштедт нашел в полном порядке оставленных здесь людей и вещи. Сюда же несколько дней назад приехал студент Беляев, вернувшийся с западного конца Украинской линии.

Всю следующую неделю готовились к дальнейшему путешествию. Обратный путь Гильденштедт решил совершить опять двумя группами, чтобы легче было доставать лошадей, а главное – чтобы охватить наблюдениями как можно больше районов. 15 сентября Беляев и Тарбаев выехали на трех телегах, запряженных шестью лошадьми, с книгами и коллекциями минералов и животных. Им предстоял путь через Харьков, Белгород, Курск, Орел до Серпухова, где они должны были встретиться с Гильденштедтом.

Остальные на другой день на четырех телегах и одной коляске отправились в Киев. Взяли курс на север, переезжали балки и плодородные поля, остановились в слободе Карловке на речке Орчик – притоке Орели. Слобода, основанная фельдмаршалом Минихом в прошлую турецкую войну, была населена малороссиянами из разных мест. Позднее Елизавета Петровна подарила эту слободу своему фавориту Алексею Григорьевичу Разумовскому, а после его смерти она досталась его брату Кириллу Григорьевичу, президенту Петербургской Академии наук и последнему гетману Украины. Согласно заведенному им порядку, каждая семья была обязана выделять по одному человеку для разной работы на два дня в неделю. Разумовскому принадлежали также кабаки, или шинки, конский завод, овчарня с 5 тыс. овец, стадо коров в 300 голов.

До Полтавы ехали по степи, перерезанной речками Орчик, Тагамлык, Коломок. На лугах паслись кони, коровы и овцы, лишь небольшая часть степи была занята пашней. Вдоль Коломка, верст на 50 от его устья было много мельниц.

Четыре дня, с 18 по 21 сентября, провели в Полтаве. На правом берегу Ворсклы возвышалось укрепление с валом и сухим рвом, но теперь оно, полуразрушенное, без пушек и гарнизона, пустовало. В крепости дома, лавки и три церкви были из камня. К северу от крепости между двумя балками располагался Полтавский монастырь с церковью и домом архимандрита. Монастырь был основан лет 100 назад. Служили там 66 монахов. В монастырском саду созрели грецкие орехи. Виноград был неплохой – путешественников угостили даже молодым вином, но оно было кислым – видимо, виноград собрали слишком рано. Воду для монастыря раньше брали в Ворскле, но год назад вырыли колодец в 32 сажени глубиной. В этом монастыре в 1709 г. располагалась штаб-квартира Карла XII, осаждавшего крепость Полтаву, жители которой не присоединились к Мазепе и остались верны Петру I. В 3 верстах севернее монастыря, на равнине, где развернулось знаменитое сражение, еще и сейчас можно было видеть лагерь Петра, а в двух верстах от него – редуты и батареи. Там же возвышался большой холм, в котором покоились убитые – его называли "шведская могила".

Гильденштедту рассказывали, что лавки Полтавы обычно ломались от крымских и турецких товаров, но он их не видел. Многие европейские товары, например французские шелковые изделия, продавались здесь дешевле, чем в Москве, видимо, из-за беспоплатного провоза через Польшу и Ново-Сербию. Дома (всего их было в крепости около 400 и примерно в 2 раза больше в слободе) в основном были деревянные, в последнее время в них появилась красивая мебель. В Полтаве размещалась резиденция полковника Полтавского казачьего полка. Здесь же находился войсковой пастор для офицеров-немцев. Это было введено восемь лет назад по специальному указу в городах, не имевших лютеранского пастора: в Иркутске, Тобольске, Казани, Астрахани, Смоленске, Севске и Полтаве.

Гильденштедт описал встретившиеся растения. Пшеницы здесь сеяли мало – видимо, из-за плохого просушивания ее поражала ржа. Жители Полтавы часто покупали пшеницу в Белгородской губернии.

Из Полтавы ехали под дождем, по вязкой грязи до местечка Решетилровка, которое славилось шкурками ягнят, продававшимися на ярмарках в Ромне по 60–70 р. за сотню. Особенно ценились шкурки недоношенных ягнят. Дальше направились вдоль р. Голтвы, по дороге встречались заброшенные селитряные холмы – майданы. На реке Псёл с песчаным дном и чистой быстротечной водой мельницы работали круглый год. На левом берегу Псёла выделялся Сорочинск с четырьмя церквями. Здесь 4 раза в год устраивали ярмарки.

Переехали через Псёл, потом через Хорол и дошли до Федоровки – владения семейства Апостолов (Даниил Павлович Апостол был в 1727–1734 гг. гетманом левобережной Украины). В ней стояло около 400 домов. Жители разводили пчел. Улья из выдолбленных бревен весной выносили в лес, а летом – в поле, особенно в гречиху. Урожай ржи и пшеницы здесь были невелики. Самый богатый хозяин обычно имел четыре пары волов. Основной доход здешним жителям давало овцеводство. Сеяли больше всего проса и гречихи. В Хороле ловили щук, окуней, линей, сомов, кара-

сей, вьюнов, в раковинах попадались жемчужины. Жена местного полковника показала Гильденштедту красивую коллекцию таких жемчужин.

Утром 24-го переправились через Хорол, ехали мимо слободки Зубанихи, где сеяли много табака, мимо пашен (в одних местах их готовили под озимую рожь, в других она уже взошла) и достигли местечка Хорол. Здесь стояли около 4000 домов и пять церквей, небольшое укрепление на высоком берегу. В балках рос хороший лес, который Гильденштедт описал. По рассказам местного жителя, в песке находили наконечники стрел из такого твердого металла, что они пробивали железо. В курганах наряду с человеческими встречались кости лошадей, а также щиты и изображения идолов.

25-го переехали по плотине р. Сулу и прибыли в город Лубны – небольшое укрепление с сотней домов, лавками и хорошим колодцем. Четыре раза в год здесь бывали ярмарки. Гильденштедт увидел в поле неизвестное ему орудие под названием "калло" – особый род плуга. Говорили, что река и пруды здесь очень богаты рыбой, много раков и черепах, попадаются большие раковины, в которых иногда находят маленькие жемчужины. В лесах водятся волки, лисы, барсуки, зайцы, сурки, суслики; можно увидеть и косуля.

Местный аптекарь (аптека существовала еще с петровских времен) рассказывал, что его аптека снабжала стоявшую в этих местах армию лекарствами и что в эту войну их уже отпущено на 200 тыс. р. Здесь собирали целебные травы и для московской Главной аптеки, а 10 лет назад в Лубнах был устроен аптекарский огород. Аптекарь дал Гильденштедту для пересылки главному аптекарю в Петербурге И.Г. Моделю 25 римских серебряных монет, найденных в районе Днепра. Их продавали на базарах по 30–40 к. за штуку и называли "Ивановы головы". Говорили также, что здесь попадаются большие окаменелые кости, которые считали слоновыми. Еще Гильденштедту сказали, что между реками Удай и Сула раньше добывали *алебастр*, и он решил туда поехать. Переправились через Удай, потом ехали по его левому берегу до слободы Копи. Лес, принадлежавший местному монастырю, был чист и красив. Дальше на северо-запад по балке Удай доехали до местечка Городище с заброшенным укреплением. На полях жали гречиху небольшими зубчатыми серпами. Большие фруктовые сады в Городище часто арендовали московские купцы. Вот и сейчас стояло 50 подвод с яблоками перед отправкой в Москву.

Сменив лошадей, двинулись дальше между реками Миога и Удай, мимо Красногорского монастыря с его деревянными постройками, мимо слободы Писники с хорошими фруктовыми садами, принадлежавшей семейству Милорадовичей (они переселились из Герцеговины в Россию при Петре I). Михаил Андреевич Милародович, участник многих походов и сражений начала XIX в., с 1818 г. военный губернатор Петербурга, убит П.Г. Каховским 14 декабря 1829 г.). В слободе Макиевке (около 200 домов), где провели ночь на 28 сентября, поля огорожены рвом и земляным валом, чтобы на них не заходил скот. По виду леса можно было заметить, что продвигаешься на север. И вообще Гильденштедту показалось, что

именно эта местность представляет собой границу между северными европейскими растениями и животными и южными азиатскими.

Гильденштедту рассказывали, что в Приятине (в 18 верстах от Макиевки) ежегодно бывают четыре ярмарки, торговцы из Москвы скупают много скота. За Приятиним ехали по тракту, который вел на Прилуки, затем переправились через речку Перевод и дальше двигались вдоль нее по безлесной местности. Потом по красивой плотине перебрались через речку Оржицу и по ее правому берегу добрались до слободы Тепловка, основанной лет 20 назад малороссиянами и принадлежавшей семейству Тепловых. Здесь и заночевали. 29 сентября переезжали речки Журавку, Годуновку, миновали слободы Лозовый яр и Причиску – владения К.Г. Разумовского – и доехали до местечка Быки, принадлежавшего ему же.

Слободы, расположенные друг против друга на берегах р. Супоя, не имели сообщения, так как река вброд была непроходима, а мостов и плотин из-за недостатка леса строили мало. Одна плотина была возле местечка Быки, другая, в 35 верстах от нее, – у местечка Яготин, владения Разумовского. В Яготине он развел плантацию шелковицы (1434 дерева), но шелка еще не было.

В слободах на Супое Гильденштедт впервые видел ветряные мельницы, у которых двигалась только крыша. На топливо в этих местах сушили плитки из соломы и навоза. Торфа в здешних болотах и мха не было. Дома окружали не плетни из веток, а рвы и земляные валы. Из-за недостатка пастбищ скот выгоняли на поля, стоявшие под паром.

30 сентября переправились через Супой и далее ехали по его правому берегу, мимо участков Переяславского полка, ночевали в слободе Русановка. В этих ровных и низменных местах в слободах даже в сухую погоду стояла грязь. После сухого лета и обильных дождей в сентябре травы поднялись, и еще сейчас косили сено.

Итак, путешественники приближались к Киеву. 1 октября миновали *Гоголево*, *Красиловку*, *Бравары*, кое-где попадались небольшие рощи дубов, березы, осины. Жители собирали дубовые листья, на которых зимой пекли хлеб, когда кончались запасы капустных. Особое внимание Гильденштедта привлек тимьян-чабрец, которого он раньше нигде не встречал, с сильным и приятным запахом. 18 верст от Бравар до киевского моста ехали целых пять часов по трудной песчаной дороге.

В Киев прибыли под утро 2 октября. За понтоном мостом длиной в 450 шагов поднялись на высокий холм, миновали Печерскую крепость и старый Киев, спустились на Подол. В Киеве Гильденштедт пробыл шесть дней, описал в дневнике русло Днепра и берега, течение речек Сырец и Либит, минеральные источники и колодцы, деревья и кустарники на холмах и в оврагах. Многие растения из-за теплой осени цвели вторично. Среди множества фруктовых садов ухоженностью и порядком отличались сад у царского дворца между старым Киевом и Печерской крепостью и губернаторский сад на склоне под крепостью. В царском саду склон, обращенный к югу, был засажен виноградом. В центре сада, между аллеями лип и кленов, а также на террасах росли яблони, груши, сливы, вишни, абрикосы, смородина, крыжовник, миндаль. Грецкого ореха и

шелковиц было много не только в этом саду, но у жителей. А на Подоле раскинулась царская плантация шелковицы с постройкой для выращивания червей. Но шелководством здесь жители не занимались. Виноград в Киеве тоже разводили только как диковинку. Он редко созревал и был обычно кислым. В оранжерее в царском саду росли лимоны, апельсины, инжир, лавр и другие южные деревья и цветы.

Гильденштедт описал в дневнике Печерскую крепость и монастырь, его историю, подземные пещеры, вид мощей, порядок для посетителей пещер. Затем следовало описание церкви, монастырей, колодезь. Особенно внимательно он ознакомился с находившимся на Подоле духовным училищем – Киево-братским училищным богоявленским монастырем, где было в то время около 500 учеников. Гильденштедт рассказал в дневнике об условиях содержания семинаристов, об изучавшихся предметах и вообще о состоянии школ на Украине. Изложил он и сведения по истории города.

Торговля в Киеве, по впечатлению Гильденштедта, была незначительной. В лавках предлагали пряности, обычные галантерейные товары и хозяйственный инвентарь. Активнее шла торговля на трех ежегодных ярмарках, в Печерской крепости (на Подоле две). Основной доход купцов шел от винокурения и кабаков. Гильденштедт заметил, что в городе, "к стыду богатых монастырей, было очень много нищих по всем дорогам и много слепых, о лечении которых властям следовало бы позаботиться"¹⁵.

Гильденштедт покинул Киев 10 октября, чтобы направиться на Москву через Нежин, Батурин, Глухов, Севск и Калугу. По всей этой дороге были почтовые станции. Обычно платили за одну лошадь по полкопейки с версты, но теперь, в связи с нехваткой лошадей из-за войны, плата возросла вдвое. По пути Гильденштедт описал разнообразные породы деревьев, но в целом леса было мало, поэтому топили соломой и камышом.

Три дня провели в Нежине – важнейшем торговом центре Малороссии. Город был окружен рвом, в котором кое-где стояла вода, а на берегу Остеры была еще маленькая крепость. Со времени образования генерал-губернаторства в Малороссии крепость пустовала и теперь была сильно запущена. В предместье, напротив крепости стояли мужской и женский монастыри. Население составляло около 16 тыс. человек. На весь город был один лекарь от Медицинской коллегии, да еще доктор Иван Горголиус, из здешних греков, правда, не имевший права на медицинскую практику. Аптеки не было. Купцами и ремесленниками управлял магистрат, но греки, которых было много среди купцов, имели свое "братство" и свой суд. Многие из них говорили на родном языке и носили азиатское платье. Со времен Петра I греки пользовались здесь особыми привилегиями и были свободны от гражданских повинностей. В лавках лежали разнообразные европейские, турецкие, крымские, русские и сибирские товары. У здешнего менялы Гильденштедт видел римские монеты, продававшиеся по 35 к. за штуку. Он подробно расспросил о предметах вывоза и ввоза в торговле с Данцигом, Лейпцигом, Силезией, Польшей,

¹⁵ *Güldenstädt J.A. Reisen... Th. 2. S. 359.*

Гурцией, Валахией, Крымом, отметил много деталей, касавшихся условий нежинской торговли и транспортировки товаров, и все это занес в дневник.

На нежинские ярмарки пригоняли лошадей и крупный рогатый скот татары, казаки и калмыки. В последней войне прусский король покупал на Украине лошадей; цены за годы войны поднялись вдвое. Изучая местные ремесла, среди которых особенно выделялись ткачество и производство головных уборов, он пришел к выводу, что здесь, при обилии сырья, открывались большие возможности для развития канатного, суконного, полотняного и табачного производства.

В пригородах было много фруктовых садов, в которых встречались и шелковицы. Гильденштедт заключил, что низменные окрестности Нежина очень благоприятны для устройства шелковых плантаций. Винограда и арбузов здесь было мало, и те часто не созревали.

Покинули Нежин 16 октября и в тот же день доехали до местечка Борзна. Отсюда Гильденштедт решил совершить объезд верст на 30 к юго-востоку от московского тракта, чтобы посетить немецкую колонию у истока р. Остер. Колония была основана в 1767 г., сейчас в ней проживали около 50 семей; две деревни были населены католиками, две – лютеранами. В каждой деревне была школа, где преподавали чтение, письмо и катехизис.

Проехав немецкие деревни Клейнвердер и Гросвердер, остановились на ночлег в Калчиновке у немецкого крестьянина, где великолепно отужинали редким тогда еще продуктом – картофелем¹⁶. На следующий день посетили колонии Кундевис и Белемеше. В Белемеше пастор Иоганн Вильгельм Шрейбер рассказал, что деревня возникла на развалинах старого города с таким же названием и что здесь собирались основать немецкий город Катериненштадт, но строительство задержалось из-за войны. Сейчас здесь работали казенные конские заводы, коровники, овчарни. На здешних низменных лугах даже в засушливые годы была трава, но дров не было. Почва плодородна. Жители деревень, имевшие достаточно земли, не удобряли ее, а оставляли участки под паром (колонисты запахивали каждый год и удобряли), получая в удачные годы ржи от сам-десять до сам-двадцать пять. Пшеница, ячмень, овес тоже родились хорошо. Рачительные хозяева сначала сеяли в дважды перепаханную землю просо, осенью ее перепахивали и следующей весной сеяли ячмень, а после жатвы удобряли, перепахивали и осенью сеяли рожь или пшеницу. Гильденштедт осмотрел поля, где заканчивали сеять, изучил сорняковые растения. Он изложил в дневнике и, видимо, высказал крестьянам свои соображения о способах борьбы с сорняками с помощью определенных приемов вспашки. По мнению Гильденштедта, именно благодаря этим приемам поля на Дону, Тереке, Кубани, в Грузии и в Новороссии чисты от сорняков. Он подробно описал применявшиеся в колонии плуги и подготовку зерна к посеву, отметил преимущества жатвы косой перед жатвой серпом. Здесь были получены также хорошие урожаи картофеля – по 60–120 клубней с корня, но некрупных, с

¹⁶ Начало распространения картофеля в России положил Указ Сената 1765 г.

куриное яйцо или кулак. Гильденштедт заметил, что употребляя картофель, колонисты экономят хлеб и что теперь и малороссияне пристрастились к этому продукту, особенно во время поста. Стали использовать картофель и при винокурении. Имея мало лугов, колонисты вынуждены были и их убирать жидким навозом или золой, а скот кормить частично соломой.

20 октября направились через Бахмач на Батурино. У Бахмача попадались соленые болотца – жители брали оттуда воду, чтобы экономить соль. На р. Дочь, по мнению Гильденштедта, можно было бы посадить семенами сосны, смешав их с овсом, чтобы в первое лето дать молодым побегам тень и защищать их от песка.

В Батурине (владения Разумовского) Гильденштедт задержался долго, с 21 октября до 17 ноября. Здесь он привел в порядок свои описания различных плугов и познакомился с разными видами сельскохозяйственных работ, в чем ему помогал управляющий майор Отто фон Гофштейн, лифляндец. С 1769 г., когда граф нанял его, до 1772 г. поголовье скота почти удвоилось (теперь у него было 5 тыс. лошадей и более 11 тыс. овец). В Батурине находилось управление всеми владениями Разумовского, разделенными на девять волостей. Его крестьяне имели землю, но не в собственность, т.е. вольны были уйти, правда теряя при этом все. На землях графа, имевшего пашни, луга, леса, были хутора с винокурнями и пивоварнями, конные заводы, коровники, овчарни. Крестьянин отработывал на графа "панцину" (т.е. барщину) – два дня в неделю. Составив таблицу посевов и урожай за 1772 г. по каждой волости по 12 культурам, Гильденштедт сделал вывод, что для новых осваиваемых земель на юге Украины и в Причерноморье наиболее выгодны просо и яровая пшеница, в то время как в северной части, в районе Севска, Брянска и Смоленска, лучше всего рожь, конопля и лен. Рожь, ячмень, гречиха и овес на Украине могут выращиваться в достаточных количествах не только для собственных нужд, но и для Белоруссии (если там из-за интенсивного льноводства будет недостаток в этих культурах). В целом же, по его мнению, удобрение полей и усовершенствование плугов могли бы значительно увеличить продуктивность полей на Украине.

Гильденштедт описал местные винокурню, маслобойню, сыроварню и солодовню, способы обмолота зерна, сушки и хранения сена, содержания скота, стрижки овец, разведения пчел (для них специально поблизости посадили много липовых деревьев), рыбной ловли, охоты. В графском саду под Батурином виноград редко созревал, но шелковицы росли хорошо, правда, шелка еще не получили. Очень понравились Гильденштедту устроенные здешним управляющим живые ограды. Гильденштедт подробно описал суконную фабрику в Батурине, оплату каждого вида труда, в том числе детского, домашнее ткачество и прядение, типы тканей для одежды простого народа и формы казаков, а также для богачей и аристократов. В д. Устье недавно была построена с помощью англичан кожаная фабрика, но постройку зеркальной фабрики пришлось приостановить, хотя в нее было вложено много денег – не учли нехватку леса и других материалов. В 3 верстах от Батурина, на речке

Шелковица были единственные на Украине кирпичные плотина и мельница, но они работали только несколько месяцев в году из-за недостатка воды. Возле плотины было несколько минеральных источников, но исследовать их в то время года было уже невозможно. В заключение очерка о Батурине Гильденштедт привел общее описание района, а также старой крепости (бывшей резиденции гетмана Мазепы), ее подземного хода и графской библиотеки в несколько тысяч книг.

Выехали из Батурина 8 ноября, по льду переехали Сейм и двинулись на северо-восток по московскому тракту. Встречались уже сани, но Гильденштедт не рискнул перейти на сани и оказался прав, так как скоро началась оттепель. 9-го свернули с тракта на запад к Десне, чтобы увидеть летний дворец фельдмаршала П.А. Румянцева и живших неподалеку от него меннонитов¹⁷. По льду переправились через Десну, за версту от нее был дворец с названием Черешенка, а еще за 2 версты – слобода Вишенка, возле которой жили 60 немцев меннонитов. В свое время они бежали от религиозных преследований из Зибенбюргена в Молдавию под защиту графа Румянцева. По обычаям своей секты они жили здесь как бы одной семьей, в бедных домах на одном дворе. Одни занимались земледелием и уходом за скотом, другие были ремесленниками, ткачами, гончарами, кузнецами, каретниками, сапожниками. Граф для начала отвел им пашню, луг, немного леса и освободил на три года от податей, потом же они должны будут платить, как другие крестьяне, за каждые 12 десятин пашни и 6 десятин луга – обычный в этих местах участок крестьянской семьи – по 8 р. 40 к. в год.

Река Десна навела Гильденштедта на мысль о целесообразности соединения ее каналом с Окой между Брянском и Орлом. Это очень поспособствовало бы развитию торговли, особенно, если расчистить днепровские пороги и наладить торговлю по Черному морю.

Попав в распоряжение черниговского и стародубского полков, Гильденштедт собрал сведения о Чернигове и его окрестностях, о близлежащих лесах, о полевых культурах, которые здесь сеют, о форме плугов, о путях доставки мачтового леса из-под Стародуба в Ригу, о транспортировке поташа и других товаров. Записки о Стародубском крае он завершал описанием изготовления в этих местах поташа и снабжения жителей хлебом, которого у них не хватало. По его мнению, проблему нужно решать не за счет сокращения посевов льна, а за счет ограничения винокурения. Относительно фабрики парусного полотна возле д. Тополи Гильденштедт выражал сомнение в целесообразности развития мануфактур в крае, где недостает рабочих рук для обработки имевшейся пахотной земли.

11 ноября из-за проливного дождя застряли в местечке Корелевиц. На следующий день пересекли несколько притоков Рети и саму Реть по мельничной плотине. Гильденштедт описал прекрасный сосново-березовый лес на правом берегу Рети. После еще нескольких переправ через речушки достигли города Глухова, где оставались до 28 ноября.

¹⁷ Меннониты – одна из протестантских сект, основанная Симонисом Менноном в середине XVI в.

С 1708 г., после измены Мазепы и разрушения Батурина, Глухов стал главным городом Малороссийской губернии. К укреплению на берегу Есмани, окруженному стеной с четырьмя воротами, примыкали четыре пригорода. В городе были новое двухэтажное кирпичное здание Малороссийской коллегии, девичий монастырь, пять каменных церквей, торговый ряд, аптека. Аптекарем оказался земляк Гильденштедта рижанин Мориц Вильгельм Шрейбер. Казна давала ссуды жителям на строительство каменных домов, но пока был выстроен только один дом, а деревянных в городе насчитывалось около 1000. У Киевских ворот стоял большой дворец генерал-губернатора со служебными постройками и оранжереями. Гарнизон города состоял из одного батальона под началом коменданта под его же управлением находились местные русские купцы. Бывшая охрана Гетмана из 150 казаков после отмены гетманства (1764 г.) превратилась в полицию, подчиненную Малороссийской коллегии.

Садоводство в Глухове развивалось слабо, да и климат не очень этому благоприятствовал. Персики и абрикосы росли только в оранжереях, например в 10 верстах от Глухова в имении Скоропадского. Поля почти не удобрялись.

В 10 верстах юго-западнее Глухова в балке, называемой Глинице, была найдена превосходная белая глина для фарфора; она использовалась местными гончарами и доставлялась на московскую фарфоровую фабрику. Цены на продукты питания показались Гильденштедту высокими, рыбы здесь было немного. Генерал Кочубей рассказал ему, что занялся разведением табака, накопил его уже 6000 пудов, но еще не нашел покупателя.

29 ноября двинулись на сани по московскому тракту. Между слободами Есмани и Толстодубова стоял шлагбаум, означавший границу между Малороссией и Великороссией (это соседство, как заметил Гильденштедт, создавало большие возможности для спекуляции водкой). В Толстодубове ночевали в убогой избе, топившейся по-черному, — Гильденштедт уже отвык от таких домов. По дороге на Севск еще сохранились остатки двух земляных валов, некогда защищавших город от набегов. По прибытии в тот же день в Севск путешественники были задержаны в карантине — они были установлены восточнее Курска и западнее Смоленска, когда в Малороссии свирепствовала чума.

В Севске Гильденштедт составил очередной отчет в Академию наук¹⁸, в котором описал свой путь по Украинской линии, состояние славено-сербских колоний, географию территорий между Днепром, Донцом, Азовским морем и Украинской линией — рельеф, реки, почва, ископаемые, леса сады. В целом, как утверждал автор отчета, эта страна не так цветуща, как могла бы быть, из-за малообразованности знати и чиновников, нерадивости простого народа, плохого ведения хозяйства, неразвитости торговли, пагубности самогоноварения.

Интересен в этом отчете раздел, касающийся каменного угля, обнаруженного в 25 верстах к юго-западу от Бахмута в балке Скалевая.

¹⁸ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. № 5. Л. 200–215 об. Читан в Конференции 9 января 1775 г. См.: Протоколы. III. С. 167.

на правом берегу р. Кривой Торец¹⁹. Этот смолистый каменный уголь при раздувании мехом давал такой сильный жар, что от него очень хорошо ковалось железо. Слой, правда, как отметил Гильденштедт, очень тонок (1 фут) и труден для добычи, но весьма вероятно, что можно было бы найти более толстые слои, если обследовать окружающую местность тщательным шурфованием. В отчете содержатся сведения о поездке студента Беляева: "Своим дневником, который он вел в этом путешествии, где он дал описание осмотренных мест и экономики жителей, собранием гербариев и семян, сделанным за четыре месяца, студент Беляев и теперь заслужил похвал, которые я всегда воздавал ему за его усердие и успехи"²⁰.

Завершался отчет изложением соображений о необходимости открытия на Украине школ и университетов, в особенности по математическим, физическим и экономическим наукам. Киевская академия, по мнению Гильденштедта, не может быть таким университетом²¹.

Дорога на Москву и Петербург

Следует сказать, что в последние месяцы украинского путешествия Гильденштедта Академия получила из других своих экспедиций трагические известия. С. Гмелин на пути из Эзели в Астрахань был схвачен Усмей-Амир-ханом под Дербентом, посажен в тюрьму и умер там 27 июля. Об этом Академия узнала из письма Миллера, которого, в свою очередь, уведомили об этом из Астрахани. В середине ноября стало известно, что академик Георг Мориц Ловиц, находившийся с астрономической экспедицией на Волге, был схвачен пугачевцами и погиб мученической смертью 13 августа в Иловле¹.

Но Гильденштедт обо всем этом не знал. Отправив большой отчет в Академию, он стал, по обыкновению, описывать город своего пребывания, севские укрепления, население, ближайшие монастыри. Главным предметом торговли здесь было зерно и конопля, которые посылались в Ригу и Петербург. Две фабрики в городе изготовляли ярь-медянку и венецианский лак (по-русски — бакан). Гильденштедт не смог познакомиться с технологией на этих фабриках, так как их владельцы строго охраняли свои секреты, а чаны с кислотой, в которых по три месяца держали медные листы, стояли запертыми в погребе. В качестве кислоты употреблялись переработанные отходы от винокурения. Владелец одной из этих фабрик Михайло Волков сказал Гильденштедту, что знает способ приготовления берлинской сини и индиго и вырастил здесь нужные для

¹⁹ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. № 5. Л. 204, 205.

²⁰ Там же. Л. 201 об.

²¹ Там же. Л. 212 об., 213.

¹ Протоколы. III. С. 148, 159, 165.

этого растения. Он показал также несколько плиток фарфора, изготовленного из глуховской глины.

Раз в неделю из окрестностей крестьяне привозили свои продукты на базар в Севск. Вообще же по городу постоянно ходили торговцы калачами, блинами и пирогами. Гильденштедт заметил, что в малороссийских городах такой "объедаловки" он не наблюдал. Записал он в дневник сведения о социальном составе жителей, системе уплаты податей, несении рекрутских и других повинностей, о доходах местных винокуров, доставке строительного леса и песчаника. Рыбы в Севе и впадающей в него Марице почти не было из-за плохой воды. Садоводство в городе тоже очень слабо развивалось. Пахали сохой с одной лошадей, труд волов не применялся, а бычков продавали на мясо. Поля не удобряли, но весной выжигали. Несколько сот крестьянских семей из-под Севска переселились в район Бахмута из-за нехватки земли. По этому поводу Гильденштедт заметил в дневнике: "Этого, видимо, не получалось бы, если бы земля распределялась между крестьянами равномерно. А так обычно бедные крестьяне арендуют землю у богатых по 50–100 копеек за десятину"².

Выехали из Севска 10 декабря по дороге на Орел–Тулу. В д. Литиш, принадлежавшей графам Чернышевым, осмотрели винокурный завод, уже наполовину сокративший продукцию из-за нехватки дров. Проезжали владения Кантемиров и Трубецких. В Дмитровке где ночевали, было около 300 домов и жили там большей частью вольные люди, платившие землевладельцу подать от 2 до 50 р. в год, в зависимости от рода занятий. Крепостные, которых здесь было немного, около 50 душ, платили Кантемиру по 1 р. Здешние купцы торговали коноплей и хлебом. Город Кромы, примерно в 400 верстах от Москвы и в 500 от Киева, оказался очень убогим, хотя имел пять церквей (из них две каменные). Дважды переправлялись через Оку – по мельничной плотине и по льду.

В Орле остановились на один день. Гильденштедт описал город, его главные улицы, лавки, церкви, пригороды, монастыри. Мануфактура в городе была только одна – суконная, и та довольно захудалая. Домов было около 2 тысяч. Местные купцы, которых вместе с семьями насчитывалось около 4 тысяч, торговали рожью, пшеницей, тонкой пшеничной мукой, коноплей, стеклом. Рожь доставлялась по воде в Москву, а в последнюю войну – и на склады второй армии. Пшеницу везли также по воде, главным образом в Казань и Астрахань, муку – в Москву и Петербург, сюда – частично по суше. Стекольные заводы стояли на Десне под Трубчевском и Брянском. В Орел по Волге доставлялись соль, сибирское железо; железа больше получали по суше с Демидовских заводов в Брянске. Раз в год устраивалась большая ярмарка у монастыря Коренной, в 123 верстах восточнее Орла и 23 верстах западнее Курска. Из песчаника, который был виден в высоком правом берегу Оки, делали жернова и фундаменты, а из желтой глины, образывавшей верхний слой берега, – кирпич. Лес был привозной, из-под Калуги и Карачева. Для создания запасов рыбы в Оке и Орлике держали в воде деревянные садки.

В Орле Гильденштедт вновь размышлял о пользе соединения каналов рек Снегут и Орел, чтобы связать Оку с Десной и тем самым Волгу с Днепром.

13 декабря утром покинули Орел, переправились по льду через Оку и шли по правому берегу. Встречались сосновые и березовые рощи. У д. Думчина рощу превосходных дубов срубили и продали за 4 тыс. р. Гильденштедт с удивлением заметил, что при рубках не оставляли деревьев на семена, в то время как, если вспахать почву, очень скоро от единичных деревьев вырос бы новый лес.

Проезжая Мценск, осмотрели его укрепление и пригородную слободу. В городе было около 1000 домов, большей частью деревянные и убогие, каменная церковь, мужской и девичий монастыри. Купцы торговали рожью и коноплей. В городе было множество необычных коз – серых с черной полосой на спине; причем не только козлы, но и козы имели бороды. Дальше ехали по трудной дороге, с множеством оврагов. Поля, как узнал Гильденштедт, в этих местах удобрялись, под озимые пахали 3 раза, под яровые – 2. Одежда крестьян изменилась – вместо украинской плахты здесь носили рубахи. Ночевали в Сергеевской (владения Гагариных), где стояли около 150 домов, каменная церковь и несколько каменных лавок. Даже конюшни были каменные, но помещичий дом деревянный. Перед домами росли ивы, которые здесь называли "ракиты". На следующий день, проехав через д. Ясная поляна, в которой было 34 дома, к вечеру добрались до Тулы. По склонам оврага Козловка тянулся дубовый лес, который принадлежал казне и использовался для тульских оружейных заводов. Во времена Петра I в этих местах, у р. Упы, притока Оки, хотели прорыть канал, чтобы соединить Волгу с Доном.

Крепость на левом берегу реки, построенная еще в начале XVI в., была большей частью из кирпича. К старой кафедральной церкви с золочеными куполами была пристроена колокольня. Вокруг крепости было 100 лавок, а церквей в городе 26, из них 20 каменных, и еще мужской и девичий монастыри. В деревянном здании оружейного завода машины приводились в движение водой; для сверления стволов и для шлифовки работали стальной молот и два железных по 20 пудов, а также четыре меха для плавки железа. В городе жили около 5 тыс. слесарей, шпажников, оружейников, которые не несли ни рекрутской, ни других повинностей, а только должны были поставлять оружие для армии за определенную плату. Лишь несколько сот их работало на заводе, остальные – дома, и они могли свободно продавать часть своих изделий. В Туле изготавливали превосходное оружие, украшенное золотом и серебром, печати, подсвечники, шипцы и прочую утварь, но ножей, вилок, ножиц, клинков, всяких замков и часовых цепей не делали. Почти все делали из сибирского железа, а не местного – Демидовский завод в левобережной части города из-за недостатка леса пришел в упадок. Купцы, которых в Туле было около 8 тысяч, торговали с Москвой, Петербургом и Ригой рожью, коноплей, салом, воском, щетиной, заячьими шкурками и юфтью. Гильденштедт расспросил о путях перевозки товаров, о ценах на местном базаре, куда 3 раза в неделю крестьяне привозили зерно, сено, дрова, уголь, рога, лыко, свиной, птицу.

² *Güldenstädt J.A. Reisen... Th. 2. S. 429.*

16 декабря, покинув Тулу, ехали через овраги по хорошим мостам. Гильденштедт узнал, что поля здесь удобрялись, но не выжигались, пахали 2 раза, сеяли рожь, ячмень, овес и гречиху, скот зимой кормили соломой, разводили много пчел в ульях из выдолбленных бревен. Назавтра продвигались по безлесной местности, мимо владений Нарышкиных. Лет 20 назад здесь были еловые леса, но пожары и винокуренные заводы уничтожили их.

В Серпухове путешественников не задержали, так как они имели аттестат из севского карантин. Здесь скопилось много крестьянских возов с зерном, задержанных по дороге в Москву. Такой же карантин был и на другой дороге в Москву, через Калугу.

В Серпухове Гильденштедта встретили Беляев и Тарбаев, с которыми он расстался в Белевской крепости. Они прибыли еще 14 ноября, проехав, согласно данной им инструкции, через Харьков, Белгород, Курск, Кромы, Орел, Болхов, Белев, Калугу. Карантин они проходили в Курске, где их вещи просматривали и окуривали, но в Серпухове им тоже пришлось пять дней быть в карантине. Студенты представили Гильденштедту свои дневники. Беляев записывал сведения о местности, ее геологическом строении, деревьях, экономике, Тарбаев – о животных, птицах, рыбах³. Из растений почти ничего нового не собрали. Что же касается деревьев, минералов и животных, то наблюдения студентов почти полностью совпадали с тем, что видел Гильденштедт на тех же широтах по пути от Белевской крепости до Серпухова. Сходны были и наблюдения за погодой, которые тщательно записывал Беляев. По материалам, собранным студентами, Гильденштедт занес в свой дневник некоторые обобщения о строении почвы и о полезных ископаемых по всему руслу Оки и ее притокам, а также о рыбах, встречавшихся в этих реках.

В Серпухове осмотрели крепость на высоком холме – ее каменные стены с башнями и амбразурами, кривые улочки с убогими деревянными домами. Каменных домов было всего с дюжину, а церквей – шесть. Напротив крепости за р. Нарой виднелся монастырь. В городе было три фабрики парусного полотна, две – солдатского сукна и несколько кожевенных. В этом городе продали телеги, на которых приехал Беляев и Тарбаев, и купили сани.

19 декабря все вместе двинулись в путь через почти безлесную равнину, перерезанную оврагами. Женщины от Орла до Серпухова носили короткие юбки из тонкой шерсти, так называемые пановы, а шапки либо низкие, называемые сороки, либо высокие – кички. Кое-где встречались двурогие шапки, как у донских и татарских казаков. Но по мере приближения к Москве женская одежда менялась, вместо юбок появились длинные сарафаны, на женщинах белые платки, а девушки ходили без платков, с косой по спине и лентой вокруг лба. У украинских же девушек волосы обычно заплетались в две косы и укладывались венчиком вокруг макушки.

Под Московской крестьянские дома строились обычно с сенями, в жилой комнате напротив двери были три окна со стеклами (среднее пошире и два

поуже), печку складывали в правом углу у двери с дощатой перегородкой, отделявшей часть комнаты для женских работ, над входом – полати. Большинство домов, однако, топились по-черному. В домах обычно жили большие семьи – родители с женатыми сыновьями или женатые братья, в то время как на Украине каждая супружеская пара имела свой дом.

20-го, доехали до Поклонной горы, впервые издали увидели Москву. Верст через 12 подъехали к Серпуховским воротам (где нужно было подписать паспорта) и еще через шесть верст добрались, наконец до Немецкой слободы, где для Гильденштедта была приготовлена квартира. Гильденштедт записал в дневнике, что был исполнен чувства благодарности судьбе за свое счастливое возвращение после почти шестилетних странствий. В Москве он узнал, что трое из участников экспедиции не вернулись.

Два с половиной месяца Гильденштедт прожил в Москве – он сильно простудился. Отсюда он послал в Академию два отчета, от 16 января и от 23 февраля 1775 г.⁴ В первом содержались краткие сведения о пути от Севска до Москвы и объяснение причины своей задержки в Москве, во втором – о скором отъезде в Петербург. Крашенинников остался на некоторое время в Москве по делам, связанным с каким-то наследством, остальные – Беляев, Тарбаев, Белый, два солдата и два служителя 8 марта отправились на семи санях с семью парами лошадей. Гильденштедт задержался на одну ночь, чтобы быть на крестинах сына своего друга пастора Бруммера. На следующий день он догнал группу во Всехсвятском – селе, некогда подаренном грузинскому царевичу Вахтангу и ставшем своеобразной грузинской колонией. Дальше – Пешки, Клин, Завидовка, дорога по льду Волги, Городня. Здесь Гильденштедт узнал, что жители занимались полеводством, рыбной ловлей, извозом. Ловились в этих местах шереспер, язь, сабля, елец, карась, линь, пескарь, головль, лещ, плотва, синец, судак, окунь, ерш, налим, сом, щука; иногда попадались стерлядь, реже осетр, белуга еще реже.

Между Москвой и Петербургом Гильденштедт постоянно слышал жалобы на нехватку земли. Поля здесь удобряли, вспахивали плугом 2–3 раза, сеяли пшеницу, рожь, ячмень, гречиху, коноплю, лен и особенно много овса. Лошадей у крестьян было больше, чем коров, а волов совсем не держали. Коз было много, а свиней и овец меньше.

В Твери ночевали, утром Гильденштедт осмотрел крепость, дворец, где теперь была резиденция епископа. Часть города, горевшая 10 лет назад, теперь была застроена каменными домами – на эти дома казна давала ссуду на 10 лет. На главной улице дома были двухэтажные, с плоскими крышами, галереями и маленькими балконами. Церкви (более 20) – все каменные, у устья Тверцы стоял мужской монастырь, за Волгой – девичий. Главным промыслом жителей Твери было судоходство. Барки с хлебом, пенькой и льном, прибывавшие по Волге, отсюда вверх по Тверце волокли лошади.

13 марта покинули Тверь и ночевали в с. Медное, где было около 200 домов. На полях видели много камней – жители утверждали, что поле

³ Рукопись Беляева сохранилась в АРАН.

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. № 5. Л. 216, 216 об., 217. См.: Протоколы. III. С. 169, 172.

с камнями родит лучше, чем чистое. Гильденштедт расспросил крестьян и записал в дневник, как ведется подготовка полей под каждую культуру. Лес сюда привозили с верховьев Тверцы, и даже лапти были привозные из южной части Московской губернии.

На следующий день переправились через Тверцу и доехали до Торжка, где остановились в Ямской слободе. Гильденштедт познакомился с городом, где было лишь около 40 крепких кирпичных домов, 28 церквей, три мужских и два девичьих монастыря – все каменные. День был базарный, и в город съехались с хлебом много крестьян-карелов из-под города Бежецка Московской губернии. Гильденштедт не упустил случая поговорить с этими людьми, разузнать об их деревнях, вере и языке. Они говорили по-русски, но между собой – на своем наречии. Оказалось, что карелы и русские часто вступают в смешанные браки, почти одинаково одеваются и ведут хозяйство.

После полудня отправились в путь вдоль левого берега Тверцы. Местность постепенно повышалась, овраги становились глубже. Проехали мимо порогов – Прутинского, Боровского, Лось и мимо верфей, где строили барки для отправки в Петербург и на Волгу.

Ехали то левым, то правым берегом Тверцы, через Вышний Волочек, который только недавно получил статус города и где уже начали строить первый каменный дом. Каменная пятиугольная церковь в центре города тоже была новая – возведена 10 лет назад. Гильденштедт собрал и записал сведения о канале, соединявшем недалеко от города р. Цну с истоком Тверцы. Канал был построен Сердюковыми, им же принадлежали в городе винокурный и другие заводы. От устья Тверцы до канала суда тянули лошади, а по каналу суда шли своим ходом в Цну, в Мстинское озеро, Мсту, Ильмень.

После ночевки в Вышнем Волочке ехали по новой дороге, проложенной три года назад. Гильденштедт с особым удовлетворением отметил, что часть дороги была укреплена булыжником, так как он еще в своем первом отчете предлагал именно таким способом экономить лес – мостовые обычно укреплялись бревнами.

17 марта прибыли в Валдаи, где было около 400 деревянных неказистых домов, две каменные церкви и одна деревянная. Валдаи тоже лишь несколько лет назад стал городом. Гильденштедт не усмотрел у жителей этих мест признаков польского и финского происхождения, какие предполагали у них некоторые ученые. По его мнению, их язык был типично новгородским. Приезжим в Валдае предлагали баранки и бублики. Гильденштедт, вероятно, впервые увидел эти изделия, так как он их подробно описал в дневнике, притом заметил, что девицы, продававшие этот товар, ловко набивали цену ласковыми словечками. Шапки у женщин были из цветного сукна с каракулем, а у богатых – из бархата с куницей или бобром. Замужние прятали волосы, а у девиц по спине спускалась коса с лентой. Примечательно, что женщины носили сапоги. Гильденштедт полагал, что все это – и шапки, и сапоги – была украинская или польская мода.

Сопоставив свои наблюдения на Валдае с другими описаниями (например, И.Г. Гмелина об окрестностях Ярославля), Гильденштедт определил

протяженность Валдайской возвышенности. Деревья, как он отметил, на возвышенности были более разнообразны, чем на равнине; здесь стали появляться дубы, которых от самой Москвы не было видно. Дубовые стволы сплавливали по речке Полометь, связывали в плоты и гнали до Петербурга.

Из рыб в Поломети ловятся лососек, вьюн, налим, уклея, головень, плотва и др., в ближайших озерах – лещ, карась, мездруга (Гильденштедт предположил, что это та самая рыба, которую на Волге называют красноперка, а на Оке – густера). Из диких зверей на Валдае встречались лось, медведь, барсук, рысь, лиса, волк, ласка, горностаи, куница, черная в хвойном лесу, или, как говорили в народе, "по ельникам", и желтая в лиственном, "по лешникам", еще белка, крот, заяц и другие грызуны. В реках и озерах жили норки. Гильденштедт описал способ лова лисиц и зайцев сетью, устройство пчелиных ульев, способы окраски тканей и другие особенности хозяйства и быта жителей Валдая.

20 марта часть пути проехали по льду Мсты, пересекли речку Волховец и к вечеру добрались до Новгорода. Гильденштедт узнал, что в окрестностях Новгорода чаще сеют рожь, овес и гречиху, чем пшеницу, ячмень, горох, коноплю и лен. Ржи и гречихи в хорошие годы собирали урожай сам-десять, овса и ячменя – сам-пять. Земли близ деревень (их называли полями) удобряли, но не оставляли под паром. А те земли, которые находились за 5 верст от деревень, называли пустошами и не удобряли, но использовали не больше четырех лет. Обычно это перелески, которые осенью вырубали, весной сжигали и запахивали. Когда эта земля истощается, ее оставляют и она снова зарастает. Пашни и покосы, одни на всю деревню, община делит путем жеребьевки на пять или десять лет. Этот обычай Гильденштедт счел неразумным, так как он не способствовал улучшению земли.

На следующий день переехали по мосту через Волхов. На расстоянии версты от ворот Новгородского кремля показался новый верстовой столб в виде каменной пирамиды – такие столбы устанавливались по всей новой трассе Новгород–Царское село. Небольшие деревни у дороги, некогда принадлежавшие новгородским монастырям, теперь стали собственностью казны и управлялись Коллегией экономии, поэтому они назывались "экономическими". Гильденштедт отметил, что многие категории крестьян – дворцовые и экономические, казаки, украинцы – живут довольно свободно и распоряжаются плодами своего труда. Но, говоря о возможностях для крепостных крестьян заниматься промыслами, он указывает, что одни помещики дают на это позволение, другие нет, "благо у них есть на это право"⁵.

Ночевали в Острове, от Чудова до Петербурга уже была настоящая "перспективная" дорога. Деревни по сторонам небольшие, по 10–20 домов, в Саблине – уже 30 домов, в Ижоре и Славянке – по 60. Проезжая по деревням Копорского уезда, Гильденштедт отметил, что земля здесь плохая, нуждается в обильном удобрении, а даже с удобрением дает ржи не более, чем сам-пять, а овса – сам-четыре.

⁵ *Güldenstädt J.A. Reisen... Th. 2. S. 476.*

24-го, переночевав в Славянке, проехали через Шушары, через экономическую деревню Купчино, затем через Среднюю рогатку и в 10 часов утра были уже в Петербурге. Гильденштедт поехал прямо в дом Эйлера, где его встретили как старого друга.

27 марта Гильденштедт пришел в заседание Конференции Академии наук и, как сказано в Протоколе⁶, "занял свое место". Затем он прочитал своей последний отчет⁷, в котором коротко описал путь экспедиции от Москвы до Петербурга. Отчет заканчивался словами: "Я завершил путешествие, продолжавшееся почти семь лет и совершенное по приказу Императорской Академии наук. День моего прибытия в Петербург после столь многих трудностей и опасностей был для меня большим праздником, но еще более праздничный для меня сегодняшний день, когда я, милостивые государе, вступаю в Ваше собрание, уважаемое всем просвещенным миром". Гильденштедт благодарил Академию за внимание к нему на протяжении всей экспедиции, выражал готовность и дальше служить на благо своей страны.

Он сообщил также о подготовленных для Академии описании путешествия, статьях и коллекциях. Итак, начался новый этап его жизни, который, по воле судьбы, оказался непродолжительным – семь лет, ровно столько же продолжалась и его экспедиция.

В Академии наук и в Вольном экономическом обществе

С марта 1775 г. началась для Гильденштедта размеренная академическая жизнь, с регулярным посещением 2 раза в неделю заседаний Конференции, обработкой материалов экспедиций (своей и Гмелина) и выполнением различных заданий и поручений. Представляется целесообразным построить рассказ об этом периоде не в хронологическом порядке, а по областям деятельности, начав с работы над экспедиционными материалами.

Протоколы заседаний Конференции – главный источник сведений о данном этапе жизни Гильденштедта – говорят о том, что его участие в них было весьма активным. Показательно и то, что в отсутствие по какой-либо причине конференц-секретаря И.А. Эйлера ведение протоколов поручалось Гильденштедту, хотя он был среди академиков самым молодым¹.

Первым делом Гильденштедт позаботился о передаче в Академию привезенных им коллекций животных и растений. 11 мая он принес и

⁶ Протоколы. III. С. 175.

⁷ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. № 5. Л. 218–219.

¹ Только что вернувшегося из экспедиции Гильденштедту еще не исполнилось и 30. Немного старше его были Паллас, Крафт, Лепехин, Лексель; чуть больше 40 было Эйлеру и Вольфу.

отдал Лепехину различные семена возглавляемого им Ботанического сада², 18 мая показывал в Конференции часть своих коллекций птиц и четвероногих, предназначенных для Натуркамеры (так в это время стали называть разделы "Кунсткамеры" с коллекциями минералов, растений и животных)³.

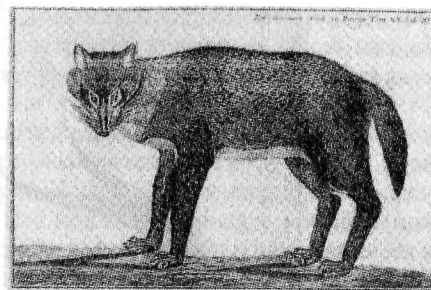
Как упоминалось, Гильденштедт посылал в Академию вместе с отчетами и статьи. В результате еще до его возвращения из экспедиции в "Новых комментариях" (т. 14, 16 и 17) в 1769–1772 гг. напечатаны семь его статей: о суслике, утке-нырке, о *Sphalax* – разновидности сонь, парагузне – неизвестной разновидности ласки, о двух рыбах и о растении "Крашенинниковья". Выше говорилось, что Академия сначала не одобрила желание Гильденштедта увековечить память и заслуги Крашенинникова, назвав его именем новое растение, но все же опубликовала статью Гильденштедта именно под этим названием.

Вернувшись из экспедиции, Гильденштедт продолжал представлять в Конференцию статьи об открытых им животных. 12 мая 1775 г. он принес два сочинения: о рыбе из рода окуней и о шести птицах⁴. В конце февраля 1776 г. Гильденштедт читал в Конференции обстоятельное сочинение о "золотом волке" (шакале), 11 апреля – о *Chaus*, родственном кошкам⁵.

Последние две статьи из серии описаний животных – об антилопе и о двух рыбах (рассматривались в Конференции 11 мая и 14 декабря 1780 г.)⁶ были одобрены Конференцией и опубликованы в "Актах" в 1780 и 1781 гг.

При жизни Гильденштедта еще четыре его статьи, относящиеся к экспедиционному периоду, вышли на русском и немецком языках, в популярных академических изданиях: "Месяцеслове историческом и географическом", "Академических известиях" и др. В этих статьях рассказывалось о гаванях на Азовском и Каспийском морях, о целебных источниках на Тереке, о новой пограничной линии.

Казалось бы, важнейшим делом Гильденштедта после возвращения из путешествия должна была стать обработка и подготовка к печати материалов экспедиции. Но он занялся другим делом – приведением в порядок для издания путевых дневников своего погибшего коллеги и друга С.Г. Гмелина. Его рукописи, к счастью, находились у студентов, которые доставили их в Петербург и передали его вдове. 28 мая 1775 г. Гильден-

Шакал, или "золотой волк"

² Протоколы. III. С. 180.

³ Там же. С. 181. Передача остальных частей коллекции не зафиксирована в Протоколах. Возможно, они направлялись в Натуркамеру, минуя Конференцию.

⁴ Там же. С. 188, 190.

⁵ Там же. С. 228, 229, 235 (шакала студенты Гмелина привезли в Петербург живым, но через три месяца он умер). См.: Там же. С. 192, 204.

⁶ Там же. С. 468, 505, 506.

Кавказская антилопа, или газель

штедт докладывал в Конференции, что она официально поручила ему продолжить работу ее покойного мужа, передав все рукописи. Это были дневники, предназначенные для т. 4 и 5 "Путешествия" Гмелина (первые три тома были изданы в 1770–1775 гг.), материалы ботанических и зоологических наблюдений, а также по истории калмыков, переписка с канцеляриями, счета. Конференция постановила переписку и счета передать в академическую комиссию, рукописи же Гильденштедту оставить у себя. При этом ему поручалось следующее: из материалов "Путешествия" сформировать т. 4 с большим предисловием, включив в него статью Гмелина о торговле на Каспии; ботанические наблюдения ученого сравнить со своими и составить общую работу по каспийско-кавказской флоре; зоологические очерки Гмелина подготовить для публикации в "Новых комментариях", а материалы по истории калмыков отдать для доработки Палласу⁷.

⁷ Там же. С. 185.

Мы не располагаем сведениями о том, как продвигалась работа над дневниками Гмелина. Известно только, что за неполных шесть лет до своей смерти Гильденштедту так и не удалось ее завершить, и сделать это пришлось Палласу⁸.

В июле-августе 1775 г. Гильденштедт, разбирая карты и гербарии Гмелина, обнаружил, что среди них находятся и гербарии его дяди И.Г. Гмелина, собранные им во Второй Камчатской экспедиции. Оказалось, что во время путешествия С.Г. Гмелин возил их с собой и они немного попортились. Нужно было отделить и материалы, относившиеся к т. 5 "Сибирской флоры" И.Г. Гмелина, подготовкой которого к печати занимался Паллас. Кроме того, в Петербурге остались и рукописи Гмелина после его отъезда. О них Гильденштедт докладывал в Конференции 18 января 1776 г. и указал, что среди них есть принадлежавшие Гмелину-старшему рукописи Стеллера (позже они были переданы в Архив⁹).

Гильденштедту досталось "в наследство" также руководство студентами Гмелина А. Соколовым и К.Л. Габлицем. 17 августа 1775 г. он представил Конференции четыре тетради Габлица (дневники экспедиции 1773–1774 гг., описания растений и птиц) и дал им высокую оценку. Через месяц, 24 августа Гильденштедт на заседании Конференции рекомендовал послать Соколова и Габлица учиться за границу. Конференция решила просить академическую комиссию направить Габлица в Геттинген, а Соколова, поскольку он не знает латинского языка, – в Голландию. При этом Гильденштедт выразил желание послать на учебу и своего студента Беляева, который, правда, не хотел ехать. Гильденштедт надеялся, что комиссия удастся выяснить причину и уговорить Беляева¹⁰. Однако впоследствии и Соколов, и Габлиц отказались от учебы за границей и решили возвратиться в Астрахань, сохранив корреспондентские связи с Академией наук. 22 августа 1776 г. Конференция решила удовлетворить их просьбу и поручила Гильденштедту составить для них инструкцию, которую он и представил через два дня, а 2 сентября в Конференции была зачитана эта инструкция с дополнениями Палласа¹¹.

По мнению Гильденштедта, Соколов и Габлиц могли пригодиться Академии и как знатоки грузинского языка. 12 сентября 1776 г. Гильденштедт принес в Конференцию две приобретенные им во время экспедиции грузинские хроники: одну – объемом 642 л., другую – в 281 л. Гильденштедт предложил поручить их перевод на русский язык Соколову и Габлицу (на тот момент были переведены только 55 с. первой рукописи)¹².

С начала 1777 г. шла непрерывная переписка с Соколовым, который возглавил плантации шелковицы на Тереке, и Габлицем, работавшим в ботаническом саду в Астрахани. Гильденштедт просил комиссию отправить им термометры и барометры, показывал в Конференции посланные

⁸ Там же. С. 185.

⁹ Там же. С. 194, 197, 198, 225.

¹⁰ Там же. С. 198, 199.

¹¹ Там же. С. 252–254.

¹² Там же. С. 256.

из Астрахани семена, материалы метеорологических наблюдений, коллекции, описания хода дел на плантациях, наводил нужные справки, рецензировал их сочинения и т.д.¹³. Другими сведениями о работе Гильденштедта со студентами и их дальнейшей судьбе мы не располагаем. За полтора года до смерти Гильденштедта к нему был официально прикреплен адъютант Н.Ф. Озерецковский. Об этом было объявлено в собрании 10 октября 1779 г.¹⁴

Корреспондентские связи Гильденштедта на территории России не ограничивались Соколовым и Габлицем. Например, 16 декабря 1779 г. он докладывал о метеорологических наблюдениях ассессора Энгеля в Москве, 10 января 1780 г. читал в заседании Конференции письмо от Эльтерлейна из Выегры об опыте замораживания ртути. Гильденштедту поручили поместить последние в газету¹⁵. 17 мая того же года он представил в Конференции результаты выполненных в Самаре врачом Фризом наблюдений за изменениями в атмосфере и состоянием волжского льда за 1778 г.

Заметный вклад внес Гильденштедт в выпускавшийся Академией "Месяцеслов исторический и географический". Выше уже упоминалось о его статьях, опубликованных в этом издании. Приведенные в них карты стали настоящим украшением календарей.

13 декабря 1779 г. директор Академии С.Г. Домашнев объявил в Конференции, что поручает Гильденштедту ведение календаря – он должен был заботиться о заказе и сборе статей и представлять в августе каждого года рукопись календаря на следующий год в академическую комиссию.¹⁶ Но исполнять это задание Гильденштедт смог только год.

В протоколах Конференций отмечено, что Гильденштедт выступал и как рецензент, и как консультант по широкому кругу вопросов. Укажем на некоторые из них.

Известно, что Академия наук почти ежегодно проводила международные конкурсы по различным проблемам естественных наук. Сначала публиковалась задача и предлагалось к определенному сроку присылать сочинения (анонимно, под девизом). Затем назначенные Академией рецензенты писали отзывы, на основании которых Конференция определяла победителей; они получали соответствующую награду, а премированное сочинение публиковалось Академией.

Из конкурсов, проводившихся при Гильденштедте только один, в 1776 г., был по биологической проблеме – о кроветворении. 16 и 19 сентября Гильденштедт докладывал Конференции свое мнение о присланных работах, отдав предпочтение той, которая значилась под № 3.¹⁷ Ей и присудили награду. Автором оказался врач, генеральный инспектор минеральных источников во Франции Пьер Тувенель. В 1780 г. Конференция предложила академикам назвать темы по биологии на

конкурс 1782 г. Две темы 6 сентября выдвинул Гильденштедт: об общности между животным и растительным миром и о так называемых криптогамных, т.е. тайнобрачных растениях (так называют растения, не имеющие цветков: папоротники, хвощи, плауны, мхи и др.). На следующем заседании Конференции решила объявить вторую. Она была сформулирована так: "Изъяснить теорию рождения и плодородия растений, от Линнея тайнобрачными именуемых". Но быть судьей сочинениями этого конкурса Гильденштедту уже не довелось.

Не раз заслушивались в Конференции отзывы Гильденштедта о журналах, книгах и рукописях. Так, 19 декабря 1776 г. он рекомендовал Академии шесть выпусков нового лейпцигского журнала "Allgemeines Verzeichniss neuer Bücher mit kurzen Anzeigen". Решили его выписать¹⁸. 6 октября 1777 г. Гильденштедт и Лепехин дали положительные отзывы на медицинские статьи, присланные доктором Гильбертом¹⁹. 7 мая 1778 г. по рекомендации Гильденштедта Академия подписала на новый журнал в Касселе "Tableau de littérature allemande pour les étrangers"²⁰.

21 октября 1779 г. Гильденштедт вместе с Штелином и Стриттером представил отзыв на присланное императрицей сочинение И.А. Маскова "Historisch-geographisch chronologische Tabellen der allgemeinen Reichsgeschichte Rußlands"²¹ Гильденштедт и Стриттер высказали мнение, что рукопись не заслуживает издания, так как не содержит ничего нового.

Вместе с другими академиками Гильденштедт участвовал в подготовке ряда предложений по запросам академического руководства. Таким был, например, составленный им в мае 1776 г. вместе с К.Ф. Вольфом и В.Л. Крафтом проект улучшения работы подведомственных им отделов Академии в связи с разработкой нового регламента²². 19 августа того же года директор просил академиков высказать свои соображения о будущих естественно-научных экспедициях, назвать еще не исследованные районы. 22 августа Гильденштедт и Паллас подали соответствующие записки²³. В записке Гильденштедта²⁴ указывалось на особую важность изучения мест, где он не побывал: устья Днепра, Кинбурнской косы, Крыма. По его мнению, заслуживали повторного посещения земли между Донцом и Бугом, между Балтийским морем и Валдаем. 23 сентября 1779 г. было передано академикам поручение императрицы отобрать лучшие изданные в разных странах учебные пособия по различным предметам для перевода их и использования в школах и университетах. 10 октября Гильденштедт дал свои предложения по этому поводу.²⁵

5 июня 1780 г. С.Г. Домашнев сообщил, что в начале июля ожидается визит в Академию прибывающего в Петербург австрийского императора

¹⁸ Там же. С. 271.

¹⁹ Там же. С. 324.

²⁰ Там же. С. 358.

²¹ Там же. С. 435; СПбФ АРАН. Р. 1. Оп. 75. № 1.

²² Протоколы. III. С. 242.

²³ Там же. С. 242, 246.

²⁴ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2. 1776, август.

²⁵ Протоколы. III. С. 424, 425, 430.

¹³ Там же. С. 286–513.

¹⁴ Там же. С. 432.

¹⁵ Там же. С. 409, 443, 448.

¹⁶ Там же. С. 443.

¹⁷ Там же. С. 257.

Иосифа II, который путешествует под именем графа Фалькенштейна. В связи с этим Палласу, Лаксману, Крафту и Гильденштедту было приказано подготовить для показа подведомственные им кабинеты и коллекции, а еще Гильденштедту – речь для торжественного собрания. Гильденштедт сначала избрал тему "О некоторых кавказских горских народах, родственных венграм", но директор предложил ему вместо этого сюжета, рассчитанного на "чистое любопытство", найти тему "более важную и больше связанную с непосредственной пользой". Тогда Гильденштедт назвал другую – "Рассуждения об открытии торговли между Россией и Германией по Дунаю и Черному морю", и это было одобрено. 1 июля высокий гость со свитой побывал в кабинетах, географическом департаменте, библиотеке, типографии. Ему подарили комплекты "Новых комментариев", "Актов", тома описаний путешествий, собрание карт, планов и гравюр. Но на прослушивание речей у императора не хватило времени; так что ему пришлось только вручить программу подготовленного собрания. Речь Гильденштедта, однако, не пропала втуне; в том же году она была издана на русском и немецком языках.

Можно привести и другие примеры деятельного участия Гильденштедта в делах Академии. Один из них – работа над созданием большого труда по географии России. С таким предложением обратился к академиком директор Домашнев 12 сентября 1776 г. В комиссию по подготовке плана труда вошли Румовский, Паллас, Лепехин и Гильденштедт. 23 сентября Паллас, Лепехин и Гильденштедт представили письменно свои соображения по написанию книги; соединить их в единый проект было поручено Румовскому²⁶. Работа эта, правда, не была доведена до конца²⁷.

В начале 1779 г. основная при дворе Коммерц-комиссия поручила Академии составить инструкцию по улучшению в Малороссии культуры двух видов табака: тютюна и бакуна. Писали инструкцию Паллас, Лаксман, Гильденштедт, адъютант Георги. Свести все в единый текст и перевести на русский язык должен был Лепехин. Через три месяца, 29 апреля Комиссия затребовала дополнительных разъяснений по табаку; на этот раз поручение выполнял Гильденштедт²⁸.

В 1780 г. Академия подключилась к широкому комплексу мероприятий по реформе образования. 16 марта в Конференции был зачитан указ императрицы о том, что Академии поручается произвести инспекцию пансионатов и школ, проверку квалификации учителей. Академия возложила эту миссию на Палласа, Крафта, Лепехина и Гильденштедта и составила для них инструкцию. Через два месяца, 1 мая был представлен доклад о результатах проверки²⁹. В Уложенную комиссию была направ-

лена записка "Мнение о устройстве школ в России"³⁰, где, помимо общих соображений о значении образования и в особенности нравственного воспитания (по мнению авторов записки, в Германии едва ли найдется 10 хороших школ, а во Франции еще меньше), указывалось на необходимость учредить школьную коллегию или директорию из государственных мужей и ученых, которые бы сочиняли общие предписания и уставы для школ и университетов и осуществляли инспекцию.

Важнейшим событием в деятельности Гильденштедта стало его выступление с речью на публичном собрании 29 декабря 1776 г. Это собрание было юбилейным, в ознаменование 50-летия основания Академии. Принятию решения пышно отпраздновать юбилей, по-видимому, способствовала популярность Академии, которая сильно возросла после успешного завершения ее больших естественно-научных экспедиций. Императрица проявляла тогда особые знаки внимания к Академии. В Германии за большую сумму (эту цену не смог заплатить ни один университет, ни одно научное общество Европы) она купила и подарила Академии 18 томов рукописей Кеплера.

Предложение о праздновании было внесено в Конференцию Штелином 8 июня 1775 г. Речь шла о юбилейной дате 27 декабря – за исходную веху был принят день первого, "инавгурационного" публичного собрания 27 декабря 1725 г. Намечалось выбить в честь юбилея медаль, провести публичное собрание с большим докладом, приурочить к этому дню присуждение очередной конкурсной премии. Однако выступивший затем Л. Эйлер сказал, что лучше перенести праздник на 1 августа 1776 г., т.е. 50-летие считать от того дня, когда Екатерина I впервые принимала академиков в своем дворце. К этому времени, предполагалось, двор возвратится в Петербург, и вообще летом можно будет проводить праздник с большей торжественностью³¹.

Но в августе провести собрание не удалось, и его отложили на 29 декабря. Конференц-зал был к этому дню отремонтирован и торжественно украшен. Но ожидавшийся приезд императрицы не состоялся – она прислала своего шталмейстера генерал-майора В.М. Ребиндера передать, что не сможет приехать из-за плохой погоды. Собрание почтили своим приездом великий князь Павел Петрович с супругой Марией Федоровной и их придворные. Среди гостей были придворные императрицы, сенаторы, президенты и члены коллегий, дипломаты, иностранцы. Конференц-секретарь И.А. Эйлер приветственное слово о славном пути Академии, которая за полвека вступила в полосу расцвета благодаря трудам своих исследователей, особенно тех, которые, преодолев тяжелые препятствия, собрали для потомков знания о "стране, полной чудес". За выступлением директора Академии была произнесена большая речь Гильденштедта. Затем были объявлены награждение по очередному конкурсу и тема следующего конкурса, имена вновь избранных русских и иностранных почетных членов (среди последних был прусский король Фридрих II, письмо которого к Домашневу было тут же зачитано). Румов-

²⁶ Там же. С. 256, 258.

²⁷ Подробный план труда напечатан в "Академических известиях" за 1780 г. (Ч. IV. С. 101–140). О судьбе проекта см.: Сухова Н.Г. Из истории организации географических исследований Академии наук XVIII в.: (Неосуществленный проект общего описания России) // Наука и техника. Л., 1973. Вып. 8, ч. 1. С. 23–26.

²⁸ Протоколы. III С. 399, 407–408.

²⁹ Там же. С. 460, 464.

³⁰ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. № 6в. Л. 70–71.

³¹ Протоколы. III. С. 186.

ский сообщил о плане создания большого труда по географии России, была продемонстрирована новая Генеральная карта Российской империи, показана юбилейная медаль. Торжество завершилось праздничным обедом. Здание Академии вечером осветилось иллюминацией. Как продолжение праздника, в воскресенье 1 января члены Академии были приняты императрицей, а на следующий день – великим князем Павлом Петровичем³².

Но вернемся к выступлениям. Центральное место в собрании 29 декабря занимала произнесенная Гильденштедтом "Речь о произведениях российских, способных к содержанию всегда выгодного превосходства в продаже в чужие края российских товаров перед покупкою иностранных". Текст речи был напечатан в "Академических известиях" в пяти выпусках за 1780 г. в русском переводе, но в 1777 г. вышел в Петербурге на французском языке, а в следующем, 1778 г. в Лейпциге – на немецком.

Начал Гильденштедт свою речь с общих высказываний о пользе наук, осознанной и в России, и о заслугах в этом плане Академии наук за 50 лет, способствовавшей благосостоянию современников, в значительной степени – своими экспедициями.

Перейдя к основной теме, оратор привел статистические данные о прибыли от ввоза и вывоза Россией товаров за 1760, 1768, 1775 гг.,³³ говорившие о том, что Россия вывозит больше, чем ввозит. Но за последние годы, как он утверждал, благодаря росту потребления, "особенно между людьми среднего состояния", все меньше остается избытка товаров для вывоза, поэтому все острее становится вопрос о "размножении наших произведений" как для внутренних "издержек", так и для "отпуска в чужие края". Для достижения этой цели ставятся три задачи: умножить общее число товаров, необходимых для внешнего и внутреннего рынка; расширить обработку товаров вместо продажи их невыделанными; повысить внимание к товарам, особо "покупаемым". Весь дальнейший текст речи – конкретизация этих задач по отдельным видам продукции и отдельным территориям страны. При этом Гильденштедт частично использовал сведения из иностранных изданий, но основную массу материалов составляли как собственные наблюдения и исследования, так и ряда других путешественников по России.

По обширному перечню товаров в речи обрисовано состояние их производства и даны рекомендации на будущее. Приведем лишь отдельные примеры. Для увеличения поголовья крупнорогатого скота Гильденштедт считал целесообразным содержать малые стада – их легче уберечь от болезней; к тому же необходимо учредить ветеринарные училища. Можно производить соленое мясо для вывоза морем в Константинополь. При заготовках пушнины не пренебрегать и мелкими зверьками (бурундук, кулон, суслик, крот и др.). Особое внимание оратор уделил сбережению лесов, условиям добывания корабельного леса, рогож, смол, поташа, предложил учредить лесной департамент. Вместо вывоза воска,

конопли, льняного семени, щетины, пеньки, по его мнению, нужно производить и вывозить свечи, конопляное масло, полотна, щетки, канаты, парусину, вместо полосного железа – лопаты, наковальни, молоты, якоря. Предлагал Гильденштедт и меры по сокращению закупок за счет развития собственного производства шерсти, кож, сыров, красителей, шелка, тонких льняных полотен, хлопчатобумажных тканей, по расширению выращивания различных фруктов и улучшению их сортов, а также масличных деревьев, кунжута, горчицы, хмеля, табака, лекарственных растений. Указывались возможности значительно увеличить производство изделий из металлов и полуметаллов, стекла, глины; особо отмечены места, где найдено "земляное уголье", разработка которого послужила бы сбережению лесов; необходимость развития добычи поваренной соли, ввозимой в больших количествах, и использования минеральных вод, которые несколько не хуже зарубежных. Все это, как считал оратор, обеспечит перевес вывоза во внешней торговле и в конечном итоге принесет изобилие народу.

Среди десятков речей, прозвучавших в XVIII в. в публичных собраниях Академии наук, данная речь Гильденштедта уникальна по широте охвата актуальнейших проблем экономической жизни России, изложенных к тому же не "по книгам", а в значительной степени на основе собственных наблюдений.

В последние семь лет жизни Гильденштедт трудился в Академии наук и в Вольном экономическом обществе, которое было первым научным обществом в России. Учрежденное в 1765 г., в период повышенного внимания правительства Екатерины II и широких кругов дворянства к проблемам сельскохозяйственного производства, развитию промыслов и торговли, оно ставило своей целью распространение полезных знаний по земледелию, домостроительству и различным отраслям экономики, поощрение новаторства и изобретательства.

Общество сначала существовало на взносы и пожертвования своих членов, но впоследствии стало получать и государственные субсидии на издание "Трудов", в которых публиковались сочинения практические и применимые к России, но не "спекулятивные". На еженедельных собраниях избирались новые члены (по рекомендации трех членов), заслушивались и утверждались к печати статьи и сообщения, обсуждались темы конкурсов и присуждение наград. Общество имело двух секретарей – русского и немецкого. Президент избирался на треть года (позднее этот срок увеличился до года и более) из трех кандидатур, предложенных прежним президентом. Для подготовки обсуждений, написания рецензий и отзывов избирались комитеты – входившие в них лица назывались "комитетскими членами". Чтобы обеспечить хотя бы минимальную посещаемость заседаний, на каждую треть года часть членов, живших в Петербурге, назначались "очередными", т.е. для них присутствие было обязательным. На особо важных, "полных" собраниях предполагалось присутствие всех членов-петербуржцев³⁴.

³² Там же. С. 277–282.

³³ Гильденштедт писал Миллеру 6 марта 1777 г. (СПбФ АРАН. Ф. 21, Оп. 3, № 118, Л. 156–157), что изучал книги Петербургской таможни.

³⁴ Подробное историю Общества см.: Ходнев А.И. Вольное экономическое общество. СПб., 1965; Орешкин В.В. Вольное экономическое общество в России, 1765–1917. М., 1963.

Одной из сильных сторон Общества было то, что в его составе с самого начала значительное место занимали ученые. Так, наряду с сенаторами Р.И. Воронцовым, А.В. Олсуфьевым, действительными камергерами Г.Г. Орловым, И.Г. Чернышевым, президентом Медицинской коллегии А.И. Черкасовым, которых по отношению к науке скорее можно отнести к разряду мещанатов, среди 15 учредителей Общества были академик химии Г. Леман, выходец из Академии наук и ее почетный член Г.Н. Теплов, многолетний сотрудник Академии наук, а в те годы библиотекарь императрицы И.И. Тауберт, будущий почетный член Академии наук А.А. Нартов, статский советник Т.И. Клингштедт, профессор ботаники при аптекарском саде Г. Фальк.

Вскоре после основания Общества, 6 сентября 1766 г., в него был принят академик Я. Штелин, который стал немецким секретарем Общества, и пробыл в этой должности до своей смерти в 1785 г. В один день с Штелином членами Общества стали недавно возвратившийся в Россию из Германии математик академик Л. Эйлер и его сын И.А. Эйлер, физик академик У.Ф.Т. Эпинус, на неделю позднее – историк старейший академик Г.Ф. Миллер, 6 мая 1769 г. – профессор химии (с 1770 г. академик) Э. Лаксман. Таким образом, хотя по численности непрофессионалы, естественно, преобладали, академическая "прослойка" к моменту вступления в Общество Гильденштедта все же была весомой.

20 января 1770 г. оренбургский губернатор И.А. Рейнсдорф, Т.И. Клингштедт и У.Ф.Т. Эпинус письменно предложили принять в члены Общества С. Палласа, С. Гмелина, И. Лепехина и А. Гильденштедта³⁵. Текста представления, к сожалению, обнаружить не удалось. Как видим, все четверо путешественников были приняты в Общество заочно. Такое случалось нередко, поскольку членами Общества в большинстве своем становились жители провинций, часто весьма отдаленных. По заведенному обычаю, предложение о приеме голосовалось на четвертом заседании после внесения, что и состоялось 24 февраля, когда все четверо были приняты в члены Общества³⁶.

Следует отметить, что пока продолжалась экспедиция Гильденштедта, в журналах Общества не отмечено каких-либо писем или посылок от него. Связь установилась вскоре после его возвращения в Петербург. 22 апреля 1775 г., при выборах администрации на майскую треть года, "комитетскими членами" были избраны И.А. Эйлер, Лаксман, Лепехин и Гильденштедт³⁷. 19 августа того же года он впервые был включен в список присутствовавших в заседании³⁸. И с тех пор, до самой своей смерти, Гильденштедт присутствовал почти на всех заседаниях Общества, независимо от того, был ли он на данный период "очередным членом", или нет.

Уже через три недели, 9 сентября, Гильденштедт докладывал в заседании сочинение, правда, не свое, а своего погибшего в экспедиции

друга С. Гмелина "Описание российского торгового дела на Каспийском море"³⁹. Следует отметить, что представлять собственные сочинения в Обществе, несмотря на свое деятельное участие в его работе, Гильденштедт, видимо, не стремился (как впрочем, и другие академики). Только 25 мая 1776 г. Гильденштедт сообщил о двух своих статьях: об употреблении мхов и о хлебно-виноградной культуре⁴⁰. Они были даны на отзыв Лепехину, который 17 июля предложил второе из них опубликовать, а от издания первого воздержаться из-за обилия содержащихся в нем латинских названий. 31 августа Гильденштедт сообщил, что к мхам, приведенным без русских названий, он даст рисунки. Решили напечатать⁴¹. Но, можно сказать, "по иронии судьбы", эти статьи не были опубликованы. Дело в том, что в издании "Трудов" Общества после 1775 г. наступил пробел. После т. 29 за 1775 г. и 30-го, содержавшего реестры всех томов, издание возобновилось только в 1780 г. под названием "Продолжение трудов Вольного экономического общества". Таким образом, имя Гильденштедта как автора "Трудов" не появилось. Однако он рецензировал множество чужих работ – то в составе небольшого комитета, то вдвоем, чаще всего с Лепехиным, то один. По-видимому, приобретенные в экспедиции широкие знания природы и экономики России, хорошее знакомство с зарубежной литературой (многие сочинения присылали иностранцы) и просто исключительные трудолюбие и добросовестность делали Гильденштедта ценнейшим работником в этой области. Случалось, что за короткий срок приходилось давать подробные отзывы сразу на несколько сочинений. Следует также сказать, что почти все отзывы, которые представлялись от имени нескольких лиц, написаны рукой Гильденштедта.

Чтобы дать некоторое представление о круге проблем, с которыми ему приходилось иметь дело, приведем выборочный перечень его отзывов и рецензий, как упомянутых в "Журнале" за разные годы, так и сохранившихся в оригинале в архиве Общества.

1775 г., сентябрь. Гильденштедт назначен в состав комитета по рецензии конкурсных сочинений на темы о выделке русской шерсти, об изобретении пахотного орудия для облегчения труда земледельцев, о строительстве крестьянских домов⁴². Сохранилась рецензия на четыре конкурсных сочинения (три немецких и одно французское) о пахотном орудии за подписью Эйлера, Палласа, Лаксмана, Лепехина, Гильденштедта, написанная рукой Гильденштедта⁴³, и тех же рецензентов – на три немецких сочинения об улучшении выделки русской шерсти⁴⁴.

1775 г., октябрь. Лепехину и Гильденштедту поручено рассмотреть сочинение студентов А. Каверзнева и И. Бородавского (они были посланы на средства Общества в Лейпциг к пастору Шираху для изучения пчеловодства) о разведении и содержании пчел⁴⁵.

³⁹ Там же. Л. 410.

⁴⁰ Там же. Л. 442 об.

⁴¹ Там же. Л. 448, 449 об.

⁴² Там же. Л. 413.

⁴³ Там же. № 378. Л. 64, 64 об.

⁴⁴ Там же. Л. 66, 66 об.

⁴⁵ Там же. № 9. Л. 416.

³⁵ РГИА. Ф. 91. Оп. 1. № 7. Л. 3 об., 4.

³⁶ Там же. Л. 16 об.

³⁷ Там же. № 9. Л. 376.

³⁸ Там же. Л. 406.

1776 г., май. Гильденштедту даны на отзыв сочинения австрийского надворного советника Энтнерсфельда. Имеется отзыв о шести статьях данного автора: о сбережении лесоматериалов, о лучшем использовании навоза, об уничтожении мельничных мышей, о горении сырого зерна, об уничтожении сельского населения, об избежании потерь зерна⁴⁶. Положительно, да и то с "натяжкой", Гильденштедт отозвался о статьях о мельничных мышах и о потере зерна. Остальные, по мнению Гильденштедта, либо содержат мало нового, либо исходят из чисто австрийских условий и мало пригодны для России.

1776 г., июнь. Однозначно отрицательный отзыв Гильденштедт и другие рецензенты написали на поданные анонимно два сочинения об эпидемии чумы у скота. Первое он назвал опасным, так как автор утверждал, будто эта болезнь не заразна, второе счел слишком простран-ным, бесполезным и во многом ошибочным⁴⁷.

1776 г., июль. Гильденштедту даны на отзыв три сочинения барона Гибша о причинах "скотского падежа"⁴⁸.

В октябре Гильденштедту поручено вместе с Эйлером, Лаксманом и Лепехиным оценить сочинение Кеферштейна о крестьянских домах. На этот раз рецензенты высказались за перевод работы на русский язык и публикацию⁴⁹.

1776 г., декабрь. Гильденштедт и другие рецензенты представили отзыв на двух сочинениях об очистке соли из русских озер⁵⁰.

В 1777 г. Гильденштедту снова пришлось иметь дело с рукописями Энтнерсфельда, приславшего в Общество пять статей: о "медвяной росе", о "мучной росе", об улучшении печей и экономии дров, о создании фонда для воспитания бедных девочек, о свободном вывозе вина. Рецензент подробно рассмотрел каждую и указал, где подобная тема уже рассматривалась и чем предложения автора, пригодные для Австрии, не годятся для России⁵¹.

В следующем, 1778 г. 1 января нескольким членам Общества, включая и Гильденштедта, было дано на отзыв сочинение о разведении деревьев, в марте они доложили, что в "Трудах" общества уже напечатано лучшее сочинение на эту тему⁵².

1779 г., 18 сентября. Статский советник Кельхен и Гильденштедт получают на отзыв сочинение Клауса фон Эрцена, советника герцога Мекленбургского, о прививках рогатого скота для предупреждения его падежа. На этот раз рецензия положительная, с рекомендацией перевести на русский язык и печатать "от слова до слова". Сохранился отзыв, написанный рукой Гильденштедта⁵³.

⁴⁶ Там же. Л. 478. Л. 14–15 об.

⁴⁷ Там же. № 9. Л. 445 об.; № 378. Л. 68–69 об.

⁴⁸ Там же. № 9. Л. 447, 447 об.

⁴⁹ Там же. Л. 460; № 3. Л. 70.

⁵⁰ Там же. Л. 466.

⁵¹ Там же. Л. 475. Текст отзыва см.: Там же. № 378. Л. 72–77 об.

⁵² Там же. № 9. Л. 506.

⁵³ Там же. № 19. Л. 53, 57, 82, 82 об.

В октябре того же года Гильденштедт и Кельхен получили на рассмотрение модель сеятельной и боронильной машины, присланной из Берге (Норвегия) Нильсом Кнагом Ягером, с подробным описанием на латинском языке. В сохранившемся отзыве Гильденштедт подробно писал о преимуществах этого орудия и его пригодности для России⁵⁴.

Одним из наиболее примечательных предложений, полученных Обществом в 1779 и 1780 гг., были изобретения крестьянина Тимофея Мошкина, который 30 января 1779 г. сообщил Обществу о своей молотильной машине и лодке. Нескольким членам, в том числе Гильденштедту и Эйлеру, было поручено установить "доброту и возможность практическую" этих изобретений. 6 февраля комиссия представила отзыв: машина Мошкина "имеет в своем составе, хотя, впрочем весьма сложном, многое новое и до сего времени неизвестное, и заключает в себе много пользы". Изобретатель, присутствовавший на заседании, пообещал сделать модели как этой машины и лодки, так и еще двух машин (каменопильной и сваебойной), что и исполнил, представив модель молотильной машины в августе 1780 г. Гильденштедту, Лаксману и Соболевскому поручалось рассмотреть и установить, "найдется ли сия машина в практике возможною". Им же предложено изучить рисунки машин "сваи бить и камень пилить"⁵⁵. К сожалению, дальнейшая судьба этих изобретений по документам Общества не прослеживается.

В конце 1780 г. Гильденштедт участвовал в рассмотрении сочинений, среди них – Ганса Грима о болезнях рогатого скота, Шретера об осушительных работах в имении Рябово⁵⁶, книги Матинского о мерах и весах в разных государствах⁵⁷.

Из сказанного видно, что членство Гильденштедта в Вольном экономическом обществе было отнюдь не формальным и что он в качестве эксперта и рецензента по очень широкому кругу вопросов был во второй половине 80-х годов в числе ведущих фигур в Обществе.

Была еще одна область в истории Общества, в которой Гильденштедт оставил заметный след – это создание при Обществе "читательной библиотеки". До сих пор было распространено мнение, что библиотека возникла вместе с самим Обществом, т.е. в 1765 г. Действительно, с момента, когда Общество начало издавать свои "Труды", оно, естественно, хранило их комплект вместе с отдельными подаренными Обществу книгами. Такое собрание книг (скорее всего, оно было невелико) вполне могло называться библиотекой.

13 февраля 1779 г. в заседании было решено опубликовать каталог, или реестр всех изданий Общества. В связи с этим президент Крузе внес предложение завести "читательную библиотеку" из немецких, французских и русских книг по земледелию и домостроительству. На ее комплектование каждый читатель, как член Общества, так и посторонний, будет вносить до 6 р. в год. "Полное распоряжение сего плана

⁵⁴ Там же. Л. 62; № 378. Л. 92.

⁵⁵ Там же. № 17. Л. 3, 5; № 18. Л. 19, 19 об.

⁵⁶ Там же. № 19. Л. 21–25.

⁵⁷ Там же. № 17. Л. 26 об.

препоручено сочинить господину профессору Гильденштедту" к будущему собранию.

23 февраля в журнале записано: "Читан был план, представленный господином профессором Гильденштедтом о заведении читательной библиотеки при Вольном экономическом обществе. План сей был единогласно от всех присутствующих господ сочленов апроб[ur]ован и подтвержден. Определено оной перевести и выписать в самом скорейшем времени продолжение тех книг, которые в библиотеке Вольного экономического общества уже находятся, возложено на одного же господина профессора Гильденштедта. Что же касается до других к выписке нужных книг, то назначено оные рассмотреть в будущем собрании".

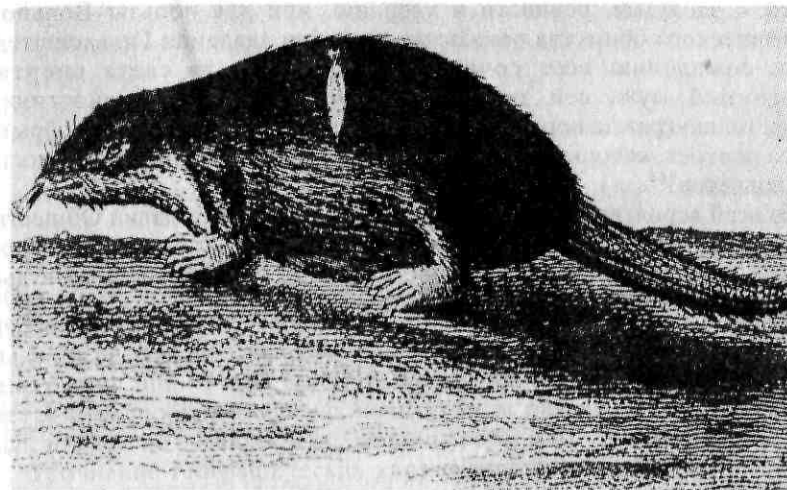
При протоколе этого дня сохранились записи мнения Гильденштедта о покупке разных книг. Что касается реестра, то труд его составления взял на себя Соболевский, а помогать ему вызвались Лаксман и Гильденштедт, "не упуская никакого случая, где они обществу полезны могут быть, охотно и самопроизвольно к сему делу приступили"⁵⁸.

13 марта проводилось "полное" собрание, на котором было оглашено предложение президента о библиотеке, создаваемой на основе плана Гильденштедта, "который и библиотекарем Общества быть назначен. Все дела, касающиеся до читательной библиотеки, как то выписывание книг и пр., будут производиться под особенным его смотрением". Его счета будут ежегодно рассматриваться собранием. Все это решено записать как прибавление к уставу Общества⁵⁹.

В приходно-расходных журналах за 1780 г. есть запись о получении Гильденштедтом 200 р. на покупку книг⁶⁰. 13 мая того же года он отчитывался в собрании о приобретенных журналах и книгах⁶¹. Деятельность Гильденштедта как первого библиотекаря Общества не была продолжительной из-за его безвременной смерти, но она все же достойна памяти.

В заключение коснемся президентства Гильденштедта в Обществе. Как уже говорилось, президент избирался на каждую треть года, и вместе с президентом избирались на тот же период "комитетские члены", т.е. лица, обязанные рассматривать присланные сочинения и проекты, и "очередные члены", те, кто должен был в течение данных четырех месяцев обязательно посещать собрания. Таким образом, избирался президент и его "команда".

Еще 6 сентября 1777 г. Гильденштедт был избран президентом на последнюю треть этого года, но уже в протоколе от 4 октября есть запись, что Гильденштедта по его просьбе освободили от президентства, так как он "признает себя не в состоянии соответствовать президентской должности". На его место избрали генерал-майора Семена Гавриловича Зорича⁶².

Вухоль

К концу 70-х годов стали осознаваться неудобства такой частой смены президентов. 8 января 1780 г. собрание просило Клингштедта остаться президентом на второй срок. Он дал согласие, при условии, что "комитетскими" членами останутся Кельхен, Гильденштедт, Лепехин и Лаксман⁶³.

13 мая того же года Кельхен предложил для голосования в президенты на майскую треть три кандидатуры: сенатора Степана Федоровича Ушакова, генерал-поручика Михаила Савича Бороздина и академика Антона Гильденштедта. По большинству баллов был избран Гильденштедт, "который от всех присутствующих в сем достоинстве и поздравлен".

В дальнейших протоколах нами не обнаружены записи о повторных избраниях или продлении сроков, но бесспорен тот факт, что Гильденштедт до конца 1780 г. и всю первую треть 1781 г., т.е. целый год – дольше, чем все его предшественники, – вел все заседания. В то же время как рядовой член он входил в комитеты, составлял отзывы, о которых уже упоминалось выше, а также занимался делами библиотеки.

Последнее заседание, которое провел Гильденштедт, состоялось 3 марта. На этом заседании И.А. Эйлер был назначен казначеем Общества. 27 марта в протоколе записано: "По причине смерти бывшего президента господина академика Гильденштедта, который для Общества столь много усердия, ревности и услуг во всякое время и при всех случаях показывал, положено быть апреля 14 дня полному собранию как для выбора нового президента, так и для учреждения других дел". На следующий день "полное" собрание постановило: "В знак незабвенной

⁵⁸ Там же. Л. 9–10.

⁵⁹ Там же. Л. 16, 16 об.

⁶⁰ Там же. № 402. Л. 144 об.

⁶¹ Там же. № 19. Л. 128. Со списком книг и ценами.

⁶² Там же. Л. 481.

⁶³ Там же. Л. 10, 10 об.

памяти к заслугам, ревности и усердию, кои для пользы Вольного экономического общества показывал господин академик Гильденштедт, сей, к сожалению всех сочленов, столь рано из света смертью отторгнутый муж, сей знаменитый достоинствами, ученостию и добродетелию гражданин, определено поставить навсегда в зале собрания тот его портрет, который от господина майора фон Розенберга Обществу в дар поднесен"⁶⁴.

По всей вероятности, портрет этот висел в зале заседаний Общества, в той портретной галерее, о которой упоминал А.И. Ходнев⁶⁵ и которая существовала до ликвидации Общества в 1918 г. О дальнейшей судьбе этой галереи сведений найти не удалось.

Заключение

В основной части жизнеописания Гильденштедта, где центральным событием было его семилетнее путешествие, рассказ строился в хронологической последовательности, отчего научные наблюдения и размышления были разбросаны, как камешки на длинной дороге, и проследить связь между ними при чтении текста было подчас трудно. Поэтому представляется целесообразным в заключительном разделе сгруппировать его исследования по отдельным областям и проблемам.

Уточнение географических карт считается одной из важных задач любой научной экспедиции. Гильденштедт внес ряд исправлений в существовавшие карты низовьев Волги, маршрута от Кизляра до Черкаска, течения р. Аксай и других участков своего пути. Поистине бесценны были его карты течения Терека и его притоков, а также Грузии. Среди его бумаг, привезенных из экспедиции – чертежи, планы, карты, составленные ранее. По наброскам Гильденштедта позднее была издана "Новая карта Кавказа".

Значительная протяженность маршрутов экспедиции с севера на юг, по местам с самыми разнообразными природными условиями, позволила Гильденштедту составить большие гербарии, включавшие несколько сот растений. Берлинское общество естествоиспытателей вскоре после смерти Гильденштедта поместило в своих "Трудах"¹ подробный обзор кавказских наблюдений Гильденштедта, главным образом по ботанике. (За любезное предоставление ксерокопии этого обзора принишу благодарность М.И. Фундаминскому (Штутгарт) и В. Хинче (Галле).) Почти 100 лет спустя академик Ф.И. Рупрехт писал во "Флоре Кавказа": "Мне в специальном изучении растений Кавказа важнейшим подспорьем были материалы, собранные моими предшественниками... На первом месте следует упомянуть дневник путешествия и ботанические наблюдения Гильденштедта, написанные его рукой, сделанные сто лет назад и подкрепленные множеством растений, которые до сих пор хранятся в нашей Академии и только частично изданы, нередко попорченные, которые я теперь впервые исправил и издал в своем месте"².

Описывая отдельные растения, Рупрехт нередко ссылался на Гильденштедта. В другом труде, по истории ботаники, он отмечал, что издан-

⁶⁴ Там же. № 20. Л. 1, 5, 7, 9. В берлинском некрологе (см.: Введение. Примеч. 2) сказано, что Гильденштедт во время эпидемии лечил больных в доме Эйлеров и, заразившись, скоропостижно умер.

⁶⁵ Ходнев А.И. Указ. соч. С. 657.

¹ Kurz zusammengezogener Beytrag aus etlichen freundschaftlichen Briefen, zur Reisegeschichte des verstorbenen Herrn Doctor von Gildenstend, nach den Kaukasischen Gebürgen und Georgien, gehörig // Schriften der Berlinischen Gesellschaft Naturforschender Freunde. Berlin, 1782. Bd. 3. S. 466–479.

² Ruprecht F.J. Flora Caucasi. Pt. 1 // Mém. Acad. imp. sci. St. Petersburg. Ser. VII. 1869. T. XV. Praefatio.

ное Палласом описание путешествия Гильденштедта "изобилует многими и поныне еще ценными физико-топографическими сведениями о тогда еще столь неизвестном Кавказе, а равно о растительности посещенных им стран, но, к сожалению, в весьма отрывочном виде"³. Впрочем, Паллас в своем предисловии к изданию "Путешествия" признался, что при подготовке рукописи к печати он многие ботанические и зоологические записки опустил, рассчитывая, что они составят особое сочинение, как этого хотел сам Гильденштедт. В.И. Липский в своей "Флоре Кавказа"⁴ также высоко оценивал материалы Гильденштедта, его подробное описание природы Кавказа, составленные им коллекции (несколько сот видов растений). По словам Липского, путешествие Гильденштедта было основным источником, откуда черпались сведения по Кавказу.

С самого начала экспедиции Гильденштедта его ботанические интересы концентрировались на культурных растениях, на сельском хозяйстве. Наблюдая в разных местах посевы зерновых и их уборку, собирая сведения об урожайности культур, он обращал внимание на способы вспашки, формы плуга, удобрения, условия землепользования. Надо полагать, что познания в сельскохозяйственной области он приобретал в ходе экспедиции. Так, например, под Ржевом его поразило, что крестьяне не боролись с сорняками. Позднее, на Дону, Тереке, в кубанских степях он видел чистые от сорняков поля и приписывал это особым приемам вспашки. Узнав под Новгородом, что там община делит землю по жеребьевке на пять или десять лет, а потом перераспределяет заново, он не одобрил такую систему, поскольку она не способствовала улучшению земли.

Наблюдая за работой крестьян, Гильденштедт пришел к выводу о преимуществах свободного труда перед крепостным.

На протяжении всего пути по югу России его внимание привлекали опыты разведения шелковицы и винограда, он всегда пытался объяснить причины успехов и неудач, установить естественные климатические пределы для этих культур. Особенно он ратовал за развитие шелководства и виноградарства на Тереке.

Самые обширные сведения экономического характера Гильденштедт собрал на Украине. Описание этой поездки, длившейся примерно год, в "Путешествии" занимает почти треть книги. Разнообразие природных условий, пестрый состав населения, сложные, еще не устоявшиеся социальные отношения, формы управления и хозяйствования, торговые отношения с южными и западными соседями – все это давало путешественнику богатую почву для анализа и сопоставления⁵. При этом в описании поездки по Украине, особенно по южной ее части, находили

³ Рупрехт Ф. Материалы для истории имп. Академии наук по части ботаники // Зап. Акад. наук. СПб., 1865. Т. VII, прил. 3. С. 12.

⁴ Липский В.И. Флора Кавказа // Тр. Тифлис. ботан. сада. СПб., 1899. Вып. 4. С. 32–33, 165–167 и др.

⁵ Holobušíj V.A. Guldénstádt's "Reisen durch Rußland" und ihre Bedeutung für die Erforschung der sozialökonomischen Entwicklung in der Linksufrigen Ukraine im 18. Jahrhundert // Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen: Festschrift für Eduard Winter zum 70. Geburtstag. В., 1966. S. 406–416.

отражение самые актуальные проблемы: итоги Русско-турецкой войны, черноморская торговля и др.⁶

Богатейшие сведения по сельскому хозяйству Гильденштедт получил в Батурине, во владениях графа К.Г. Разумовского. Управляющий познакомил его со своими подробными статистическими данными по 12 культурам для каждой из 9 волостей, что позволяло сделать выводы о зависимости урожайности от природных условий разных районов.

С особым интересом изучал Гильденштедт леса, начиная с превосходных лесопосадок под Воронежем, которые ему показались образцом для подражания, и далее на Украине – Чутский, Черный и Великий леса. Его внимание также привлекали работа лесничих, контроль за вырубкой леса, организация посевов и посадок. В свой дневник он заносил и опыт достойный подражания. В то же время, увидев под Орлом место, где продали и вырубил рощу превосходных дубов, он выразил удивление, что не оставили отдельных деревьев, из желудей которых, если вспахать почву, вырос бы новый лес.

Посещая солеварни, винокурни, стекольные и другие заводы, Гильденштедт постоянно придумывал способы сокращения расхода дров, а иногда и приходил к выводу, что то или иное производство не компенсирует ущерба, которое оно наносит лесу. Он удивлялся, что строят деревянные дома там, где полно камня и материала для производства кирпича. На обратном пути, приближаясь к Петербургу, Гильденштедт с радостью отметил появление новой дороги, покрытой булыжником, так как в начале путешествия он как раз писал в отчете в Академию, что ради экономии леса следовало бы на дорогах заменять бревна булыжником. Любопытен вывод, к которому Гильденштедт пришел, проезжая по богатой лесами Украине: наличие или отсутствие тех или иных пород деревьев зависит не только от климата и почвы, но и от того, есть ли под поверхностной почвой слой твердых пород.

В истории науки Гильденштедт известен как родоначальник гипотезы о происхождении чернозема от перегной трав, не поедаемых скотом, в малонаселенных местах. И хотя подобные идеи высказывались раньше (Б. Рамаццини, Ж.Л. Бюффон и др.), они получили широкое распространение именно благодаря Гильденштедту⁷.

В сборе зоологических коллекций Гильденштедта преследовали неудачи, однако все же довольно большое их число дошло до Академии. Кроме того, Гильденштедт прислал ряд статей о животных, либо неизвестных науке, либо представлявших собой неизвестные разновидности тех, которые уже описаны: грызунов, рыб, птиц, шакалов и др. В обзоре зоологических трудов Академии наук, опубликованном академиком И.Ф. Брандтом в 1832 г., где дана краткая аннотация статей Гильденштедта, отмечено: «Гильденштедт... относится к самым усердным и выдающимся зоологам нашего учреждения. В "Комментариях", в отделе

⁶ Шебунин А.А. Русское Черноморье 70–80-х гг. XVIII в. и Академия наук: (Труды А.И. Гильденштедта и В.Ф. Зуева) // Архив истории науки и техники. М.:Л., 1936. Вып. 8. С. 75–109.

⁷ Рупрехт Ф.И. Геоботаническое исследование о черноземе // Зап. имп. Акад. наук. СПб., 1876. Т. X, прил. 6. С. 27, 61.

позвоночных помещено его описание около 20 животных, сведения о которых он или первым сообщил, или исправил»⁸.

Авторы современной монографии по истории отечественной науки и млекопитающих, говоря о Гильденштедте, отмечают его идеи о зональном распределении фаун и из описанных им животных особо выделяют крапчатого суслика, обыкновенного слепыша, камышевую кошку (хаус), перевязку (перегузну), джейрана, кавказского горного козла. Гильденштедт ввел в систематику млекопитающих два новых рода: слепыш (*Spalax*) и выхухоль (*Desmana*)⁹.

Гильденштедт с помощью химических реактивов изучал воду рек Терека, Волхова, Москвы, Дона, Куры и др. Большое практическое значение имели исследования источников питьевой воды на юге России, в районах, близких к пограничной линии и подлежащих заселению. Как врач его, естественно, интересовали целебные источники, особенно на Северном Кавказе. Он собирал о них сведения у населения, испытывал их действие на себе, своих спутниках и специально подобранной группе больных из солдатских лазаретов. В его статье, изданной в 1778 г. в "Месяцеслове", а позднее и по-немецки, дано обстоятельное описание целебных источников Астраханской губернии и района Терека. После первых сведений о кавказских минеральных водах, полученных еще во времена Петра I от врача Х. Шобера, Гильденштедту удалось далеко продвинуться в их изучении и популяризации.

Реки интересовали Гильденштедта не только как источники воды и места обитания рыб, но и как пути сообщения. Он постоянно размышлял о возможности соединения рек и озер каналами, о путях доставки по ним леса и разных товаров. Так, например, в Осташкове можно было построить канал от оз. Селигер до р. Полы, в Царицыне – Волго-Донской, в Брянске и Орле – Десна-Ока. Впечатляющая картина днепровских порогов, где вода прокладывала себе путь через камни, навела его на мысль о взрыве порогов. На Бердянском лимане его осенила еще одна идея – соединив каналом лиман с морем, можно создать превосходную гавань, что, кстати, и было претворено в жизнь через полвека с основанием города и порта Бердянск.

Поиски полезных ископаемых также входили в круг задач, поставленных перед Гильденштедтом инструкциями Берг-коллегии и Вольного экономического общества. Однако состав экспедиции и оборудование не позволяли вести основательные геологические изыскания. Но даже поверхностные наблюдения и сведения, полученные от местных жителей, представляли немалый интерес, особенно, когда дело касалось природных строительных материалов, удобрений, красящих веществ и т.п. Уже в начале пути, недалеко от Торопца, Гильденштедт обратил внимание на болотную железную руду, из которой можно было бы плавить хорошее

⁸ Brandt J.F. Versuch einer kurzen Übersicht der Fortschritte, welche die Kenntniss der Thierischen Körper den Schriften der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg verdankt // Recueil des actes de la séance publique de l'Académie imperiale des sciences de St. Petersbourg tenue le 29 Décembre 1831. SPb., 1832. P. 7–8.

⁹ Соколов В.Е., Парнис Я.А. У истоков отечественной териологии. М.: Наука, 1993. С. 211–223.

железо. Под Порховом от отметил груды известкового камня, годного для строительства, под Воронежем – белый мергель, полезный как удобрение, под Тамбовом – слои, богатые купоросом и квасцами. Интерес представляли сведения, собранные Гильденштедтом на Кавказе, о сланцах, железной руде, свинцовом блеске на западном берегу Терека, у устья р. Нарзан, о нефтяных источниках на склоне горы у р. Сунджа, о железных и медных рудниках в районе Дамблуты и у крепости Болниси, о добыче железа в с. Цедис и многое другое. На Украине, под Бахмутом он наблюдал поверхностный каменный уголь и изучал его свойства. Его интересовали не только сами ископаемые, но и возможности их использования на месте, присутствие поблизости леса, перспективы перевозки водными путями.

Обширные сведения по экономике России, собранные за время путешествия, Гильденштедт пополнил, ознакомившись с экспедиционными материалами С.Г. Гмелина, зарубежными данными о российской торговле, а также с таможенными книгами. Все это позволило ему выступить в публичном собрании Академии 29 декабря 1776 г. с большой речью (107 с.) "О произведениях российских, способных к содержанию всегда выгодного превосходства в продаже в чужие края российских товаров перед покупкою иностранных". Вышедшее вскоре на русском, французском и немецком языках это сочинение стало значительным явлением в русской экономической литературе.

О том, что наблюдения Гильденштедта могут иметь практическое значение и в наше время, говорил академик А.Е. Ферсман в 1931 г.¹⁰ К речи Гильденштедта обратился и В.И. Вернадский. Отметив постоянное внимание Петербургской Академии наук к вопросам прикладного знания ради "увеличения этим путем народного богатства", Вернадский сказал: "Эта ее (Академии. – Ю.К.) научная работа, в главной мере, вылилась в изучение естественных производительных сил нашей страны. Эти вопросы глубоко захватывали – в очень широком масштабе – мысль и деятельность М.В. Ломоносова, они определили великие исследовательские экспедиции Академии, и на первом юбилее Академии – в ее первое пятидесятилетие – огромная работа в этой области была сведена в блестящей речи академиком А. Гильденштедтом. Он дал этой работе и идейное обоснование"¹¹. К столь высокой оценке речи Гильденштедта можно лишь добавить, что большая часть использованных в ней материалов – это наблюдения самого Гильденштедта в ходе экспедиции.

Завершить жизнеописание Гильденштедта хотелось бы выражением надежды, что его двухтомное "Путешествие", многое из которого уже переведено, выйдет наконец на русском языке. Это позволит оценить тот вклад, который внес молодой академик И.А. Гильденштедт в изучение России, ее природных ресурсов, экономики, жизненного уклада многих населявших ее народов.

¹⁰ Ферсман А.Е. Ископаемое сырье Ленинградской области и его перспективы // Труды ноябрьской сессии Академии наук СССР, 25–30 XI. 1931 г. Л., 1982. С. 354.

¹¹ Вернадский В.И. О задачах и организации прикладной научной работы Академии наук СССР // АН СССР. КЕПС. Отчеты. Л., 1928. № 20. С. 16–17.

Основные даты жизни и деятельности

И.А. Гильденштедта

- 1745 29 апреля родился в Риге.
1763 окончил Рижский лицей, поступил в Медико-хирургическую академию в Берлине.
1767 поступил на службу в Академию; возглавил отряд экспедиции на восток; принят в члены Общества естествоиспытателей во Франкфурте-на-Одере; защитил во Франкфурте-на-Одере диссертацию "О теории изначальных сил человеческого организма" на степень доктора медицины.
1768 прибыл в Петербург; впервые присутствовал на заседании Конференции; выехал с экспедицией из Петербурга.
1769 решением академической Конференции произведен в адъюнкты.
1770 избран членом Вольного экономического общества.
1771 произведен в академики.
1774 принят в члены Берлинского общества естествоиспытателей.
1775 вернулся с экспедицией в Петербург; выступал в Конференции со своими последними отчетами; избран "комитетским членом" (т.е. в руководящий орган) Вольного экономического общества.
1776 подал в Конференцию предложения о будущих естественно-научных экспедициях; представил соображения о создании обобщающего труда по географии России; в юбилейном публичном собрании Академии наук выступил с речью "О произведениях российских, способных к содержанию всегда выгодного превосходства в продаже в чужие края российских товаров перед покупкою иностранных".
1779 назначен библиотекарем Вольного экономического общества; принят в члены Курфюршского Майнцского общества естествоиспытателей в Эрфурте.
1780 участвовал в составлении записки для Уложенной комиссии об устройстве школ в России; избран президентом Вольного экономического общества.
1781 23 марта скоропостижно скончался.

Труды И.А. Гильденштедта и примечания

1. *Theoria virium corporis humani primitivarum*. Francoforti ad Viadrum, 1767. [Докторская диссертация об изначальных силах человеческого тела.]
2. *Mus sulcia* // *Novi Commentarii Academiae scientiarum imp. Petropolitanae*. (1769) 1770. Т. XIV, ps. I. P. 389–402. (Далее: *Novi Commentarii*). Резюме: p. 36; *Backmeister H.L.Ch.* *Rußische Bibliothek zur Kenntniß des gegenwertigen Zustandes der Literatur in Rußland*. 1772. Bd. I. S. 143. (Далее: *Backmeister*). [Суслик, подобный *Cricetum Mamota* Linn., но по отмеченным отличиям автор принимает его за особый вид. По Брандту – *Spermophilus Guttatus*.]
3. *Anas Nyroca* // *Novi Commentarii*. (1769) 1770. Т. XVI, ps. I. P. 403–408. Резюме: p. 37; *Backmeister*. 1772. Bd. I. S. 143–144. [Утка нырок отличается от семи видов, отмеченных Линнеем и другими авторами.]
4. *Spalax, novum Glirium genus* // *Novi Commentarii*. (1769) 1770. Т. XIV, ps I. P. 409–440. Резюме: p. 37–38. *Backmeister*. 1772. Bd. I. S. 144–145. [Соля, отличается от семи видов, отмеченных Линнеем. Из-за малого размера глаз Гильденштедт назвал ее *microphthalmus*.]
5. *Pereghusna, nova mustelae species* // *Novi Commentarii*. (1769) 1770. Т. XIV, ps I. P. 441–445. Резюме: p. 39–40. *Backmeister*. 1772. Bd. I. S. 145. [Отличается от известных *Mustelae*. По Брандту – *Mustela Sarmatica* Pall.]

6. *Salmo Leucichthus et Cyprinus Chalcoides descripti* // *Novi Commentarii*. (1771) 1772. Т. XVI. P. 531–547. Резюме: p. 46–47; *Backmeister*. 1774. Bd. 2. S. 22–24. [Характеристика осетровых рыб Каспийского моря.]
7. *Krascheninnikovia novum plantarum genus* // *Novi Commentarii*. (1771) 1772. Т. XVI. P. 548–560. Резюме: p. 24. *Backmeister*. 1774. Bd. 2. S. 24. [Растение, открытое Гильденштедтом как самостоятельный род, который он назвал в честь С.П. Крашенинникова.]
8. *Cyprinus Capoeta et Cyprinus Mursa* // *Novi Commentarii*. (1772) 1773. Т. XVII. P. 507–521. Резюме: p. 35; *Backmeister*. 1775. Bd. 3. S. 24–25. [О рыбах рода *Cyprinus* в Каспийском море и впадающих в него реках.]
9. *Acerina, piscis, ad Percae genus pertinens, descriptus* // *Novi Commentarii*. (1774) 1775. Т. XIX. P. 455–462. Резюме: p. 53; *Backmeister*. 1776. Bd. 4. S. 56–58. [Рыба, не известная ученым, близкая к *Perca serpua* Линнея. По Брандту – *Perca acerina*.]
10. *Sex avium descriptiones* // *Novi Commentarii*. (1774) 1775. Т. XIX. P. 463–475. Резюме: p. 54–56; *Backmeister*. 1776. Bd. 4. S. 56–58. [Не известные орнитологам птицы, обитающие между Каспийским и Черным морями. Сравнение их с описанными у Линнея. Местные названия.]
11. *Schacalae Historia* // *Novi Commentarii*. (1775) 1776. Т. XX. P. 449–482. Резюме: p. 59–60. *Backmeister*. 1776. Bd. 4. S. 240–244. [Мало известный зоологам шакал, или золотой волк, предположительно – предок собаки. Сравнение шакала, собаки, лисы. Предположения о предках козы, барана.]
12. *Chaus, animal Feli affine descriptum* // *Novi Commentarii*. (1775) 1776. Т. XX. P. 483–500. Резюме: p. 61; *Backmeister*. 1776. Bd. 4. S. 244–245. [Животное, обитающее в каспийских зарослях, родственное кошке, близкое к каракалу Бюффона. Описание и анатомия.]
13. О гаванях по Азовскому, Черному и Белому морям // *Месяцеслов исторический и географический на 1776 год*. СПб., 1776. Резюме: *Backmeister*. 1776. Bd. 4. S. 123–130. *Von den Hafem am Asovshen, Schwarzen und Weißen Meere* // *St. Petersburgisches Journal*. 1776. Bd. I, May. S. 3–22; *Junius*. S. 18–30.
14. О гаванях, лежащих при Каспийском море // *Месяцеслов исторический и географический на 1777 год*. СПб., 1777. Резюме: *Backmeister*. 1776. Bd. 4. S. 292–305. *Von den Hafem am Kaspischen Meere* // *St. Petersburgisches Journal*. 1777. Bd. III, April. S. 247–276.
15. *Mémoire sur les produits de Russie, propres pour soutenir la ballance du commerce extérieur toujours favorable*. *Dicours académique prononcé ce 29 déc, 1776...* dans l'assemblée publique de l'Académie Imp. des sciences de St. Petersburg à l'occasion de son Jubilee demi seculaire. SPb., 1777. *Akademische Rede über die natürlichen Produkten Rußlands, welche zur Unterhaltung eines beständig vortheilhaften auswärtigen Handel dienen können, gehalten den 20-ten December 1776* // *St. Petersburgisches Journal*. 1777. Bd. IV, Julius. S. 13–57; August. S. 87–120. Речь о произведениях российских, способных к содержанию всегда выгодного превосходства в продаже в чужие края российских товаров перед покупкою иностранных, говоренная ноября 29 дня 1776, ... в публичном собрании, во время полувекового юбилея... // *Академические известия*. 1780. Ч. IV, март. С. 354–379; Апрель. С. 457–471; 1780. Ч. V, май. С. 19–52; Июнь. С. 141–165.
16. *Beschreibung des Desman oder der Bismaratze* // *Beschäftigungen der Berlinischen Gesellschaft der Naturforschender Freunde*. Berlin, 1777. Bd. 3. S. 107–137. [О мало известном науке водяном зверьке выхухоли.]
17. *Antilope subgutturosa descripta* // *Acta Academiae*. (1778) 1780. Ps. I. p. 251–274. Резюме: *Backmeister*. 1783. Bd. 8.

Публикации на основе трудов и материалов

И.А. Гильденштедта

- [Кавказская антилопа, или газель. На местном языке джейран. Имеет отличия от описанных Бюффоном и Палласом.]
18. Географическое, химическое и врачебное описание Теплиц в Астраханской губернии при реке Тереке находящихся // Месяцеслов исторический и географический на 1778 год. СПб., 1778. С. 55–92; Академические известия. 1780. Ч. V, июль. С. 385–422.
Geographisch-physisch-medicinische Beschreibung der in dem Astrashanischen Gouvernement an dem Terek-Fluß befindlichen Warm-Bäder // Neues St. Petersburgisches Journal. 1782. Bd. II. S. 134–162.
  19. Cyprinus barbatus et Cyprinus capito descripti // Acta Academiae. (1778)1781. Ps II. P. 239–253; Apendix observationum...: p. 253–260. Резюме: Backmeister. 1783. Bd. 8. S. 261–262.
[Рыба, называемая на Тереке усач, в Малороссии марина или мирон – ее разновидности.]
  20. Capra Caucasica e schedis cel. A.J. Guldensstaedt, P.S. Pallas redigente // Acta Academiae. (1779)1783. Ps II. P. 273–281. Backmeister. 1784. Bd. 9. S. 57–58.
  21. Географические и исторические известия о новой пограничной линии Российской империи, проведенной между рекою Тереком и Азовским морем // Месяцеслов исторический и географический на 1779 год. СПб., 1780.
Geographische, historische und statistische Nachrichten von der neuen Grenz-Linie des Rußischen Reichs zwischen dem Terek-Flusse und dem Asovischen Meere // St. Petersburgisches Journal. 1779. Bd. VII, Januar. S. 3–19; Februar. S. 75–92.
  22. Gedanken über eine zwischen Rußland und Deutschland auf der Donau und dem Schwarzen Meere zu eröffnende Handlung, die am 1-sten Julius 1780 der Versammlung der Rußisch-Kaiserlichen Akademie ... sind vorgelegt worden // St. Petersburgisches Journal. 1780. Bd. X, September. S. 155–170.
Рассуждение о торговле, какая может быть вновь открыта между Россиею и Германиею по Дунаю и Черному морю, назначенное для чтения в Собрании Санкт-Петербургской имп. Академии наук во время посещения оной графом Фалькенштейном // Академические известия. 1780. Ч. V, июль. С. 264–283.
  23. Reisen durch Rußland und im Kaukasischen Gebirge. St. Petersburg. Th. 1. 1787. 511 S.; Th. 2. 1791. 522 S.
  24. Описание некоторых в Малой России употребительных плугов // Технологический журнал. 1804. Т. 1, ч. 2. С. 3–31.

Отрывки в переводах

1. Дневник путешествия в Южную Россию академика С. Петербургской академии наук Гильденштедта в 1773–1774 годах // Записки имп. Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1879. Т. 11. С. 180–228. [Записки за август – начало октября 1773 г. С сокращениями. Включают Черкасск, Ростов, Таганрог.]
2. Дневник путешествия по Слободско-Украинской губернии академика С. Петербургской академии наук Гильденштедта в августе и сентябре 1774 года // Харьковский сборник. 1891. Вып. 5. С. 71–158.
3. *Гелашвили Г.И.* Путешествие Гильденштедта по Грузии. [Немецкий текст с грузинским переводом. Книга защищена как кандидатская диссертация.] В настоящее время подготовлен для издания русский перевод "Путешествий" Гильденштедта, относящихся к Кавказу, выполненный Т.К. Шафрановской, с комментариями Ю.Ю. Карпова.

1. Kurz zusammengezogener Beytrag aus etlichen freundschaftlichen Briefen, zur Reisegeschichte des verstorbenen Herrn Doctor von Guldensstädt, nach den caucasischen Gebürgen und Georgien, gehörig // Schriften der Berlinischen Gesellschaft naturforschender Freunde, Berlin, 1782. Bd. 3. S. 466–479.
2. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия г-на академика И.А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72, 73 годах. СПб., 1809.
3. *Klaproth J. J.A.* Guldensstädt's Reisen nach Georgien und Imeretien. Aus seinen Papieren gänzlich umgearbeitet und verbessert, herausgegeben und mit erklärenden Anmerkungen begleitet. Berlin, 1816.
4. *Klaproth J.* Guldensstädt's Beschreibung der Kaukasischen Länder. Aus seinen Papieren gänzlich umgearbeitet und verbessert, herausgegeben und mit erklärenden Anmerkungen begleitet. Berlin, 1834.

Именной указатель

- Абас 46
Александр 50, 75
Александров Ф. 71
Алексеев 67
Амбургер Э. 10
Андроникашвили 45
Антоний 44
Антонов И. 63, 70
Апостол Д.П. 83
Арсланбек Тау Султан 41
Арчил 48, 55
- Баграт III 53
Багратиони К. 47
Бакмейстер И.Ф. 58, 120, 121
Баратеев 72
Белый Г. 15, 69, 95
Беляев А. 15, 18, 40, 47, 49, 55, 57, 63, 68, 69, 70, 76, 77, 82, 91, 94, 95
Бергман Г. 9
Бородовский И. 109
Бороздин М.С. 113
Брандт И.Ф. 117, 118, 120
Бригерс Б.А. 9
Бруннер 18, 95
Бюффон Ж.Л. 117
Бюшинг А.Ф. 28
- Вахтанг 95
Вернадский В.И. 119
Вилциньш Т.О. 9
Волков 44, 53
Волков М. 91
Волков В.С. 67
Вольф К.Ф. 27, 98, 103
Воронцов М.С. 65
Воронцов Р.И. 108
- Габлиц К.Л. 101, 102
Гелашвили Г.И. 122
Георги И.Г. 104
Гертнер И. 27, 34
Гётце Ф.В. 9
Гибш 110
Гильберт 103
Гильденштедт А. 9
Гледич И.Г. 10, 12
Гмелин И.Г. 5, 24, 33, 34, 96, 101
- Гмелин С.Г. 5, 7, 12, 13, 14, 20, 21, 22, 23, 24, 27, 29, 33, 34, 49, 56, 69, 98, 99, 100, 101, 108, 109, 119
Гнучева В.Ф. 15
Годунов Б. 81
Гольц 32
Горголиус И. 69, 86
Гостатов 56
Гофштейн О. 88
Грим Г. 111
- Давид 48, 50, 53
Демидов Н.А. 19
Джапаридзе Г. 50
Долгорукий В.М. 13, 57
Долгорукий В.С. 65, 70
Домашнев С.Г. 102, 103, 104, 105
- Екатерина I 105
Екатерина II 5, 6, 10, 11, 107
Елизавета Петровна 10, 68, 74, 82
Ершов 32
- Зверобоев С. 63
Зорич С.Г. 112
Зряковский Б. 15, 18, 43, 44, 49, 55, 57, 69
- Иноходцев П.Б. 30
Иосиф II (псевд. граф Фалькенштейн) 104, 122
Иракий II 42, 43, 44, 46, 49
- Каверзнев А. 109
Кайтук 36
Карл XI 9
Карл XII 83
Карпов Ю.Ю. 8, 122
Каховский П.Г. 84
Квинехизи Д. 51
Кельхен И.З. 110, 111, 113
Кеплер И. 105
Кеферштейн 110
Клапрот И. 55
Клингштедт Т.И. 108, 113
Койхарсо Чолокашвили 41, 43
Кондамин Ш.М. 23
Копелевич Ю.Х. 7

- Кочубей 90
Крафт В.Л. 98, 103, 104
Крашенинников Н. 21, 49, 50, 55, 57, 62, 63, 69, 70
Крашенинников С.П. 29, 33, 34, 99, 120
Крузе 111
Кургуков 35
Кучук 39
- Лаксман Э. 104, 108, 109, 110, 111, 113
Лексель А.И. 98
Леман Г.Ю. 108
Леон 44
Лепехин И.И. 5, 7, 12, 13, 23, 27, 29, 98, 99, 103, 104, 108, 109, 110, 113
Линней К. 34, 52, 103, 120
Липский В.И. 116
Ловиц Г.М. 91
Лодер И. 9
Ломоносов М.В. 11, 119
Лордкипанидзе Т. 52
Львов И.Л. 44, 45, 48, 49, 55
Любомирский 72
- Магомет 44
Мазепа И.С. 83, 90
Максим 52
Максимов 71, 72
Манойленко К.В. 8
Мария Федоровна 105
Масков И.А. 103
Матинский 111
Меден И. 35, 37, 38, 39, 41, 57
Меннон С. 89
Месхе Д. 52
Миллер Г.Ф. 11, 14, 22, 24, 33, 39, 44, 49, 52, 58, 61, 69, 91, 106, 108, 114
Милорадович М.А. 84
Миних Б.Х. 82
Мириан 46
Михайлович Д. 70
Модель И.Г. 84
Мошкин Т. 111
Мошков С. 15
Муравьев 38
Муханов П. 7
- Нартов А.А. 108
Неймч И.В. 36, 37

- Некресели 46
Немцов Ф.Г. 63
- Озерецковский Н.Я. 102
Олсуфьев А.В. 108
Орбели Р.Р. 57
Орешкин В.В. 107
Орлов А.Г. 10
Орлов В.Г. 10, 11, 12, 15, 22, 23, 27, 33, 40
Орлов Г.Г. 108
- Павел Петрович 64, 105, 106
Паллас П.С. 5, 7, 12, 13, 21, 22, 33, 34, 39, 67, 98, 100, 101, 103, 104, 108, 109, 116
Панин Н.И. 49, 57, 73
Парнис Я.А. 118
Пеннант 54
Перерадович 81
Петр I 5, 30, 31, 37, 38, 63, 64, 68, 74, 83, 86, 93, 118
Попов Н.И. 11
Порзицкий М.Н. 38
Порфирий 57
Потапов И.А. 62
- Разумовский А.Г. 82
Разумовский К.Г. 10, 82, 85, 88, 117
Рамаццини Б. 117
Ребиндер В.М. 105
Рейндорф И.А. 108
Ржевский А.А. 48
Розенберг 114
Ростом 47
Румовский С.Я. 11, 104, 105
Румянцев П.А. 71, 89
Рупрехт Ф.И. 115, 117
Рычков Н.П. 77, 82
Рычков П.И. 77
- Скоропадский И.И. 90
Соболевский 111
Соколов А. 18, 38, 39, 40, 49, 56, 69, 101, 102
Соколов В.Е. 118
Соломон 48, 50, 51, 52, 54, 55
Стеллер Г.В. 108
Стерич 80
Стриттер И.Г. 103
Сухова Н.Г. 8, 104
Сухотин 48
Сытин А.К. 34

Тарбаев С. 15, 35, 38, 39, 40, 62, 63, 66,
68, 69, 70, 76, 82, 94, 95
Татарханов К. 59, 60
Татарханов Ш. 59
Тауберт И.И. 108
Теплов Г.Н. 108
Тотлебен Э.И. 36, 38, 53, 54
Тувенель П. 102

Урапов 70
Усмей Амир 91
Ушаков С.Ф. 113

Фальк И.П. 18, 31
Фальк Г. 108
Ферман А.Е. 119
Формей Ж.А. С. 12, 13, 15
Фридрих II 105
Фриз 102
Фундаминский М.И. 115

Хамза 38
Хинче В. 115
Ходнев А.И. 107, 114
Хорват И.С. 81

Цвелев Н.Н. 34
Церители Н. 52
Цулузиков Г. 51
Цыплетов И.Е. 30
Черепанов С.К. 34
Черкасов А.И. 108
Чернышев И.Г. 108
Чертков В.А. 68

Шафрановская Т.К. 122

Шебунин А.А. 117
Шевич И.Г. 81
Шидловский Ф. 78
Ширах 109
Шлёцер А.Л. 58
Шмидт 72
Шобер Х. 37, 39, 118
Шрейбер И.В. 87
Шрейбер М.В. 90
Шретер 111
Штелин Я. 12, 103, 105, 108

Щербинин Е.А. 82

Эйлер И.А. 11–14, 18, 21, 34, 36, 48,
52, 57, 70, 98, 105, 108, 109, 110,
113
Эйлер К. 12
Эйлер Л. 11–13, 15, 27, 30, 33, 40,
105, 108
Эйлер Х. 30
Эльтерлейн 102
Энгель 102
Энтнерсфельд 110
Эпинус У.Ф.Т. 11, 108
Эрцен К. 110

Юнкер Г.Ф. 79

Ягер Н.К. 111

Ягужинский П.И. 19

Holobučy V.A. 116

Winter E. 116

Содержание

Введение.....	5
Годы учения. Приезд в Петербург.....	9
От Петербурга до Волги.....	16
В Царицыне. Путь на Астрахань и Кизляр.....	29
По Тереку.....	35
Год в Грузии.....	42
В Кизляре. Путь на Черкасск и в Крым.....	56
По Украине.....	66
Кременчуг.....	66
Бахмут, Киев, Нежин, Глухов.....	77
Дорога на Москву и Петербург.....	91
В Академии наук и в Вольном экономическом обществе.....	98
Заключение.....	115
Основные даты жизни и деятельности И.А. Гильденштедта.....	120
Труды И.А. Гильденштедта и примечания.....	120
Публикации на основе трудов и материалов И.А. Гильденштедта.....	123
Именной указатель.....	124